

Катажина Ендрашик, Пётр Олексы,
Наталия Антонова, Виктор Дятлов, Елена Дятлова,
Вера Карнаухова, Владимир Рабинович,
Анастасия Сивкова, Татьяна Терехова

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА РОССИИ

Четверть века перемен (1991 – 2016)

© A.Savin, Wikimedia Commons

ОБЩЕСТВО
И КУЛЬТУРА РОССИИ

Четверть века перемен (1991 – 2016)

Катажина Ендращик, Пётр Олексы, Наталия Антонова,
Виктор Дятлов, Елена Дятлова, Вера Карнаухова,
Владимир Рабинович, Анастасия Сивкова,
Татьяна Терехова

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА РОССИИ

Четверть века перемен (1991 – 2016)

Гнезно 2018

ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АДАМА МИЦКЕВИЧА В ПОЗНАНИ

INSTYTUT KULTURY EUROPEJSKIEJ
UNIwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Acta Humanistica Gnesnensia / Gnieźnieńskie Prace Humanistyczne
Vol. XVII / Tom XVII

Редактор серии

Лешек Мрозович (Leszek Mrozewicz)

Научный редактор тома

Катажина Ендращик (Katarzyna Jędraszczyk)

Рецензент

Артур Кияс (Artur Kijas)

Языковая редакция

Катерина Кузан, Владимир Рабинович,
Катажина Ендращик (Katarzyna Jędraszczyk)

Переводы

Катерина Кузан

Проект обложки

Владыслав Кондей (Władysław Kondej)

Na okładce stacja metra

Copyright © by IKE, Gniezno 2018

ISBN 978-83-65287-73-1

Адрес редакции

ul. Kostrzewskiego 5-7, 62-200 Gniezno, Polska / Польша
Тел. +48 61 829 4800, e-mail: sekr-ike@amu.edu.pl

Верстка, печать, переплет

Wydawnictwo Naukowe CONTACT / ABC
ul. Marcelińska 18, 60-801 Poznań, Polska / Польша

Publikacja sfinansowana przez

Urząd Miejski w Gnieźnie
oraz Instytut Kultury Europejskiej UAM

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I НАРОД, НАЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1991 ГОДА	13
Глава II ЦЕРКОВЬ В РОССИИ ПОСЛЕ 1991 ГОДА	35
Глава III КУЛЬТУРА РОССИИ В ГОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ	51
Глава IV МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ. МНОГООБРАЗИЕ И КОНФЛИКТ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ	73
Глава V СТИЛЬ ЖИЗНИ – СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА	83
Глава VI РОССИЙСКИЕ СМИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ	99
Глава VII СОЦИООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	119
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	137
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	143

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза, Россия сохранила многие социально-культурные проблемы прошлого. Ранее их пытались решать с помощью приказов, цензуры, ограничений, методов террора и принуждения. В начале 1990-х годов приходилось искать ответы на старые (низкая производительность труда, коррупция, моральный упадок, алкоголизм, проблемы национальности, сокращение населения) и новые вопросы, возникающие на социальном уровне, вместе со строительством другой системной и экономической модели. Строящаяся система не только выставила старые проблемы в новом свете, но также создала новые трудности (безработица, бедность, социальная стратификация, дефицит финансирования культуры, образования, здравоохранения, кризис идей).

Демократизация заставила искать компромиссы между часто противоречивыми интересами различных социальных групп, а перед лицом экономического кризиса родились сомнения в судьбе российского общества, не имевшего традиции функционирования в демократических реалиях. Привязанность к традиции может использоваться для прогрессивных и модернизационных целей, но, как показывает последняя четверть века, она часто сохраняет плохие социальные привычки. Не менее трудно было отказаться от мысли о сильной центральной власти в качестве единственной гарантии стабильности страны, тем более, что ее укрепление на протяжении многих десятилетий воспринималось как реформирование страны.

Преобразование системы после падения коммунизма основано на фундаментальных изменениях в политической, экономической и социальной сферах. Все они представляют собой систему взаимосвязей и взаимозависимостей. Самым сложным и решающим фактором реальных и глубоких преобразований становится трансформация социальной сферы. Демократизация должна сопровождаться формированием и укреплением гражданского общества, и это особенно сложно в условиях идеологического и экономического кризиса.

Дополнительной сложностью для российского общества стал постимпериалистический кризис, менее заметный в других посткоммунисти-

ческих странах. Российская политическая, военная и интеллектуальная элита серьезно переживала потерю статуса сверхдержавы и имперской позиции своей страны, поскольку она на протяжении веков являлась одним из элементов, определяющих цивилизационную идентичность России/Советского Союза. Новая политическая и геостратегическая ситуация требует от старых и новых элит альтернативного видения развития и переопределения позиции России в мире. После десятилетий создания сферы влияния с опорой на союз со странами с аналогичной политической системой, в начале 1990-х годов возродилась конкуренция между славянофилами и западниками. Эффективное функционирование государства после десятилетия перемен россияне начали отождествлять в начале XXI века с властью сильной и харизматичной личности.

С точки зрения более чем 25 лет функционирования независимой России и более чем 25-летней трансформации в Центральной и Восточной Европе оценка успешности этого пути, по-прежнему неоднозначна. Более четверти века назад казалось, что все страны находятся в аналогичных ситуациях и имеют равные возможности для экономического успеха, успешных социальных реформ и эффективных политических изменений. Однако реальность была намного сложнее. Неподготовленные элиты, взаимозависимые экономические и политические связи, отсутствие видений и идей, объединяющих государство, стали причиной того, что изменения имели разную скорость и результат.

Почему сегодня Восточная Европа не пользуется такими же результатами реформ, как страны Центральной Европы? Возможно, ответ нужно искать в самом начале трансформационного пути. России, Украине, а также Белоруссии, Молдове и другим странам постсоветского пространства, как оказалось, пройти этот путь было сложнее. Там была более угнетающая, более жестокая система, которая оставила больше безвольных поколений. Деревня в Центральной Европе без коллективизации, свойственной Восточной Европе, характеризовалась большей самостоятельностью, экономической независимостью и менталитетом независимого человека (не только работника колхоза или совхоза).

Национализация социальных связей тоже имела значение. Человек в Восточной Европе был более беспомощным, ментально менее подготовленным к тому, чтобы управлять собой и окружающей средой, лишен поддержки в религии и церковных структурах, которые научили бы его социальной самоорганизации. Вера была на самом деле суммой убеждений отдельных индивидуумов. Православная церковь в России

пережила возрождение, увеличился ее социальный потенциал и политическое влияние. Однако возникает вопрос, справляется ли она с трудными задачами трансформации, представляет ли она интересы более слабых и исключенных и борется ли за их права?

Или, может быть, наоборот? Церковь должна опровергнуть обвинения в том, что вступает в смутные связи с политической властью и представляет интересы правящих элит. Тем не менее, Церковь продолжает пользоваться большим авторитетом в обществе.

Распад Союза Советских Социалистических Республик, движущей силой которого являлись социально-политические процессы в Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, привел к тому, что современная Россия была создана как государство в пределах не существующих до этого времени в истории. Одним из самых важных вызовов стоящих перед новым государством, которое одновременно являлось законным наследником Советского Союза, было создание государственной идеи, объединяющей всех его граждан. Реализация данной идеи сталкивается со многими серьезными препятствиями, среди которых стоит выделить два самые важные. Первым было пробуждение национальной идентичности и желание расширить сферу суверенитета или добиться полной независимости. Вторым – кризис национальной идентичности русских, вызванный с одной стороны, сильной в этой группе советской идентичностью, а с другой стороны увеличением крайних националистических настроений. Другими словами, российские власти и элита столкнулись с вопросом о том, каким государством и каким обществом должна быть Российская Федерация: обществом граждан, для которых наиболее важной является государственная (политическая) идентичность или же союзом субъектов, которые де-факто являются национальными государствами. В первом случае, главным было определение взаимосвязи между идентичностью государства и этнической, а во втором – определение отношения между русскими и нерусскими в новом государстве.

После распада СССР – не просто как государства, но как системы взаимоотношений и связей – перед жителями России встал жизненно важный вопрос «Кто мы? Какого рода общество представляет собой население государства с этим новым/старым названием?» Его появление фактически ознаменовало начало нового этапа нациестроительства (или даже строительство новой нации), а ответ на него был невозможен без соотнесения себя с «другими». Граница, отделяющая «своих» от

«других», – важнейший фактор национального самоопределения, она несёт в себе ощущение как рисков и угроз, так и огромных возможностей. И одна из наиболее обострённо воспринимаемых и полярно оцениваемых в современной России проблема, создаваемая мощным, спрессованным по времени притоком из-за границы многих и многих «других» – трансграничных трудовых мигрантов. Это стало важнейшим поводом национальной саморефлексии.

Изменения, которые мы наблюдаем в России, во многих отношениях дискуссионны. На оценку ситуации влияет возможность сопоставления российского опыта с опытом соседей из Центральной Европы, что часто играет не на пользу России. Обычным гражданам не приходится ежедневно задаваться вопросом, какая политическая система и какие институты наиболее подходят для эффективного функционирования государства. Политическая и экономическая сфера – не единственный аспект трансформации реальности. Можно даже предположить, что импульс перемен в этой части Европы носит ценностный характер. Именно ценности, подвергались большим испытаниям, и в то же время представляли собой социальный элемент, едва уловимый и преуменьшенный на фоне экономических и социальных проблем, на который политика неохотно обращала внимание. Между тем успех перемен, вероятно, зависит от «качества общества». Новое общество должно было быстро возродить те качества, которые оно потеряло, или скрывало в течение трех поколений системы, которая способствовала совершенно другим ценностям (отвращение к индивидуализму и творчеству индивидуума, «уравниловка»). Новая система изменила способ жизни населения России. Появились новые способы организации и самоорганизации жизни в конкретных социальных условиях в соответствии с определенными ценностными ориентациями. Образ жизни, сформировавшийся на новых экономических, юридических и нравственных принципах устройства российского государства и общества.

Одной из ключевых проблем является развитие образования, особенно в регионах. В процессе анализа образовательной системы можно выделить ведущие российские социообразовательные тенденции: процессы в сфере образования характеризуются инерционностью; переход на дифференциацию образования, влекущую за собой появление элитных и элитарных учебных заведений; «синдром бегства государства» от сферы образования. Сфера образования в регионе, испытывает на себе

влияние демографических, экономических, политических, идеологических процессов, протекающих в стране.

Качество и характер медиа-информационных технологий, практика их использования все в большей степени определяют характер жизни общества, поэтому проблема взаимоотношений общества, власти и СМИ приобретает особое звучание. За последние 25 лет система СМИ в России претерпела значительные изменения. Смена общественно-политической структуры на постсоветском пространстве привела к формированию нового информационного порядка в Российской Федерации и созданию новой системы СМИ. Процессы постсоветской трансформации способствовали складыванию не только новой информационной «повестки дня», но и нового образа России в информационном пространстве мира. Принципиально важную роль в этом процессе сыграли журналисты и масс-медиа.

Мир искусства также столкнулся с вызовом. Культурный взрыв 80–90-х годов прошлого столетия, навсегда расколовший духовную сферу российского социума на «советскую» и «постсоветскую», многие современные авторы называют культурной революцией. В этот период происходят очевидные культурные трансформации. Скрытые до времени от многомиллионной публики неофициальные, неформальные художественные концепции и течения, «подпольное искусство», в прямом смысле выходят на улицу, врываясь в привычное публичное пространство российского обывателя. Оно не ставит целью, да и не хочет бороться с «советским», ему не надо уже доказывать свое право на автономию и независимость от идеологического прессы.

Как это ни парадоксально, однако со временем возникают проблемы другого рода. Предыдущая система гарантировала гражданам доступ к культуре и способствовала творческому развитию конкретных авторов. Перемены девяностых заставили старое и новое поколение создателей пересмотреть творческий и жизненный выбор. Хотя новые творческие возможности были открыты, государство, перед лицом экономических проблем, также сделало свой выбор, отказавшись от сфер, выходящих за рамки основных и «экзистенциальных» задач государства. Проблема заключалась в выборе между борьбой за зрителя в рыночных условиях конкуренции во время экономического кризиса и поддержанием художественного уровня и оригинальности послания в эпоху восхищения популярной американской и западно-европейской культурой.

Социальные реформы также касались сферы идентичности. В случае России сначала необходимо было ответить на вопрос о том, кем должен быть новый гражданин, каково должно быть отношение к прошлому, ценностям, как он должен быть образован, и должно ли сообщество основываться на этнической или гражданской модели. После многих лет известно, что многие важные реформы были отменены, многие ошибки были сделаны в отношении социальной модернизации, что проявляется в социальной стратификации.

Является ли будущее социально-культурных перемен для России оптимистичным? На этот вопрос мы подробно ответим в последующих главах, которые касаются определенных аспектов культурных и социальных изменений в России после 1991 года.

Авторы
Гнезно-Иркутск, 2018 г.

Глава I

НАРОД, НАЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Принято считать, что многовековая история государства и развитие культуры способствуют формированию современной национальной идентичности. К сожалению, в случае с современной российской идентичностью, это выглядит иначе. Российская империя, а затем Советский Союз, не были русскими национальными государствами. Роль русских в этих империальных государственных организациях по-разному представлена в ходе истории – от народа государствообразующего до одного из многих равноправных народов образующих сообщество граждан империи.

Распад Союза Советских Социалистических Республик, движущей силой которого являлись социально-политические процессы в Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, привел к тому, что современная Россия была создана как государство в пределах, не существующих до этого времени в истории. Одним из самых важных вызовов стоящих перед новым государством, которое одновременно являлось законным наследником Советского Союза, было создание государственной идеи, объединяющей всех его граждан. Реализация данной идеи сталкивается со многими серьезными препятствиями, среди которых стоит выделить два самых важных. Первым было пробуждение национальной идентичности и желание расширить сферу суверенитета или добиться полной независимости со стороны народов, населяющих Россию, имеющих свои собственные территориально-политические субъекты, принадлежащие к Федерации (парад суверенитетов). Вторым – кризис национальной идентичности русских, вызванный с одной стороны, сильной в этой группе советской идентичностью, а с другой стороны увеличением крайних националистических настрое-

ний. Другими словами, российские власти и элита столкнулись с необходимостью поиска ответа на вопрос о том, каким государством и каким обществом должна быть Российская Федерация: обществом граждан, для которых наиболее важной является государственная (политическая) идентичность или же союзом субъектов, которые де-факто являются национальными государствами. В первом случае, главным было определение взаимосвязи между идентичностью государственной и этнической, а во втором – определение отношения между русскими и нерусскими в новом государстве.

Государственная элита в течение многих лет остерегалась перехода на второй из вышеуказанного пути, придерживаясь убеждения, что это приведет к межнациональным конфликтам, и в конечном итоге, к распаду Федерации. Попытка реализовать первый путь столкнулась с серьезными проблемами, многие даже утверждают, что закончилась фиаско.

В последние годы, в качестве решения этой очень сложной проблемы принята концепция российской цивилизационной идентичности, которая должна примирить приверженность общим политическим целям (или даже цивилизаторской миссии) с национально-этнической идентичностью.

Данный раздел представляет собой попытку обобщить наиболее важные тенденции в российском дискурсе об идентичности в течение двадцати пяти лет трансформаций, а также указать на факторы, предопределяющие изменения в этом дискурсе. В конце мы попытаемся ответить на вопрос «Соответствует ли концепция российской цивилизационной идентичности основным проблемам российской социально-политической реальности?».

Кризис идентичности после распада СССР

Российская Федерация, была с одной стороны последовательницей Советского Союза, а с другой – новым социально-политическим образованием. В начале 90-х годов XX века, в связи с социальными процессами, которые привели к распаду Советского Союза, в том числе, убеждение элит многочисленных этническо-национальных групп, возросло мнение, что национальное государство является наилучшей формой организации общественной жизни. В результате процесса, известного как «парад суверенитетов» дальнейшее субъекты Российской Федерации провозглашали свой суверенитет, который восприни-

мался как расширение собственной политической автономии, или даже полный разрыв политических отношений с Москвой, как государственным центром. В 1992 г. «государственный суверенитет» задекларировало шестнадцать автономных советских республик (которые в замысле центральных властей должны были стать республиками новообразовавшейся Российской Федерации), а также четыре автономных округа.

В части республик эта декларация имела в основном формальный аспект, в других, появились очень серьезные сепаратистские тенденции: Бурятия и Тува оставили за собой право выхода из федерации, в то время как Татарстан и Кабардино-Балкария объявили превосходство республиканского права над федеральным. Татарстан, Чечня, Якутия и Башкирия отказались передать налоги в центральную казну. Первые из двух упомянутых отказались даже подписать федеральное соглашение в 1992 г. (Татарстан подписал это соглашение только в 1994 г., а в Чечне конфликт привел к войне)¹. Стремление нерусских народностей, проживающих в Российской Федерации, к повышению своего суверенитета, не было единственной проблемой идентичности, с которой пришлось бороться властям страны. Также серьезной проблемой было отсутствие у русских отождествления с Российской Федерацией, как с их государством и кризис национальной идентичности. Как писал Г. Симон в своей статье *Российский национализм русских и нерусских*: «Конец национальной политики КПСС для нерусских народов с собственной территорией ознаменовал новое начало, а для русских – кризис идентичности»².

Согласно толкованию феномена нации и национализма, разработанного Иосифом Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», Советский Союз был разделен на территориальные единицы, которые в намерении должны были отвечать национальной и этнической структуре СССР. Народы и этнические группы, населяющие советское государство были классифицированы с точки зрения развития культуры и политики идентичности как нации, народности и племена. Наибольшие нации должны были стать хозяевами союзных республик (действительно ли они таковыми были – вопрос спорный). Меньшие – автономными республиками, входящими в состав союза (к примеру,

¹ Г. Симон, *Российский национализм русских и нерусских* (в:) *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе*. Том 2. Национализм в национальных государствах, ред. Я. Егберт, Москва 2010, с. 27-32.

² Там же, с. 14.

Татарская АССР, входящая в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики) или автономными областями (последние «принадлежали» также к группе обозначенной как «народность»).

Важно отметить, что границы союзных республик, а также автономных республик и областей определялись в безапелляционный способ, будучи чаще всего результатом интересов местных групп и советского центра. В СССР искусственность границ не была проблемой, потому что они были административными внутригосударственными границами. Эти территориальные единицы, однако, были центрами, где развивалась культура и политическая жизнь народов. История национальной политики СССР – история перехода от натиска на культурное развитие советских народов (политика «коренизации») к натиску на построение общей советской идентичности, создаваемой на базе русского языка. Эти тенденции часто проявлялись одновременно и, в тоже время были, параллельны друг другу. В результате, первой из них, союзные республики имели свои собственные национальные институты, такие как партийные организации и академии наук. В автономных республиках функционировали центры, действующие в интересах развития национальной культуры³. Исключением была Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, в которой функционировали не российские, а советские (общегосударственные), политические и культурные учреждения. Русский народ был наибольшим из советских народов, но он не был подвержен политике «коренизации». Русский язык и культура стали имперскими. По мнению российских критиков этой политики, гражданин Литовской и Украинской ССР мог чувствовать себя литовцем или украинцем и, в то же время, членом советского народа. Русские же, были лишены своей этническо-национальной идентичности, которая была «посвящена» империалистической идентичности⁴. Упомянутая искусственность границ советских республик привела к тому, что границы Российской Федерации, соответственно границы РСФСР, не имели географического, исторического и этнического обоснования. Русские составляли в 1994 г. 82,9% населения

³ Спорным является вопрос о том, функционировали ли эти учреждения в интересах развития национальной культуры или же искривляли эту культуру согласно советской доктрине. В этом выводе существенным есть то, что такие учреждения существовали и укрепляли в общественном сознании сам факт существования данной культуры, воспринимаемой как национальная.

⁴ Г. Симон, Цит. соч. с. 15.

Российской Федерации⁵. Теоретически, таким образом, они были в лучшем положении, чем украинцы, которые составляли 73% населения своей страны, или казахи, которых было только 38%. Такая искусственность границ усилила центробежные тенденции в «нерусских» республиках, а также влекла к тому, что сами русские имели проблемы не только с идентификацией себя с новым государством, как территориально-общественным образованием, но и с осознанием его границ. Этот вопрос осложняет тот факт, что за пределами Российской Федерации после распада Советского Союза, осталось 25,3 (17,4%) млн. этнических русских.

В течение многих десятилетий функционирования СССР русские не должны были отвечать себе на вопросы, касающиеся их коллективной идентичности, потому что главной была тождественность гражданина СССР. Тот факт, что русский язык и культура стали основой советской идентичности, облегчил ее признание со стороны русских. Однако, с другой стороны, это привело к торможению развития национальной идентичности, и особенно государственной – государством русских был в первую очередь Советский Союз, а не РСФСР. Период перестройки вызвал кризис советской идентичности во всем СССР и укрепление национальной идентичности в союзных республиках, которые потом стали стремиться к независимости. Также среди русских формируется начало национального движения.

Часть интеллигенции, определяемая как консервативные националисты, обратилась к национализму, имеющему антисоветский характер, подчеркивавшему вопрос защиты российской культуры и «традиционных ценностей». Лицом этого движения стал Александр Солженицын. Другая часть интеллектуальной и политической элиты обратилась в сторону национализма имперского характера, в котором СССР воспринимается как естественный последователь Российской Империи.

Обе группы создали альянс с представителями консервативного крыла Коммунистической Партии Советского Союза перед выборами на Съезд Народных Депутатов РСФСР в 1990 г. Для консервативных националистов этот союз способствовал борьбе с приобретающим каждый раз все большую популярность, прозападным либерализмом. Для имперских националистов и коммунистических консерваторов он был способом на преодоление Михаила Горбачева, в политике

⁵ Российский статистический ежегодник 1997.

которого, они видели угрозу для существования СССР. Этот блок потерпел поражение на выборах, причина которого проявляется в отсутствии четкой позиции в отношении сохранения политической монополии КПСС и оценки И. Сталина, а также отсутствие программы экономических реформ. Лозунг суверенитета РСФСР переняла от консервативных националистов группа «Демократическая Россия», под руководством Бориса Ельцина. Связывая этот лозунг с программой экономических реформ, Ельцину удалось получить 30% мест в новом Съезде Народных Депутатов, заручившись поддержкой части электората, который склоняется к националистическим девизам⁶.

Русский национализм стал существенной политической силой в 1992 г. На волне роста популярности националистических девизов пребывали, в том числе, Владимир Жириновский, глава Российской Либерально-Демократической Партии, вице- президент Александр Руцкой, а также избранный тогда мэром Москвы Юрий Лужков.

Немецкий исследователь Ф. Прайслер утверждал, что рост русского национализма в политике и общественной жизни, в то время обусловлен его компенсационно-интегративной функцией и мобилизацией. Первая из них особенно сильно сказалась на людях, которые больше всего потеряли при распаде Советского Союза с экономической и материальной точки зрения. Для тех людей, которых можно назвать жертвами трансформации, чувство национальной гордости и принадлежности к историческому обществу, которое имеет свою особую миссию, компенсировало неудачи и потери в материально-экономическом плане. Таким образом, общество создало спрос на националистические лозунги, чем воспользовались некоторые политики. Умело разжигая эти настроения, часть политической элиты использовала их как способ расширить и мобилизовать свой электорат. Эта обратная связь между общественными настроениями и деятельностью политиков, дополнительно усиливалась сепаратистскими и националистическими тенденциями в народных республиках, входящих в состав Федерации⁷.

Вследствие этих процессов Жириновский, Руцкой и Лужков стали серьезными конкурентами для лагеря президента Бориса Ельцина, окружение которого выражало также убеждение, что рост национали-

⁶ Ф. Прайслер, Ущипление функций русского национализма. 1990-е годы [в:] Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Том 2. Национализм в национальных государствах, ред. Я. Егберт, Москва 2010, с. 43-52.

⁷ Там же, с. 53-59.

стических настроений в России может привести к очень серьезным межэтническим напряжениям, результатом которых может быть распад Федерации. Следовательно, противостояние русскому этническому национализму было для Ельцина, одинаково вопросом сохранения власти в государстве, как и сбережения государственности Российской Федерации.

Борис Ельцин и его окружение осознавали, с какими проблемами тождественности борется их государство. Это, прежде всего, этнонационализм и стремление к увеличению суверенитета в республиках, отсутствие идентификации с новым государством со стороны граждан, сильная советская тождественность, а потом растущий этнонационализм среди русских. В этой ситуации, российское государство нуждалось в идеи консолидации всех своих граждан, независимо от их этнического происхождения или религии. Эту роль должна была воплотить идея российской нации – многоэтнического общества, имеющего характер государства и гражданства – авторства проф. Валерия Тишкова, который в 1992 году стал министром по делам национальностей Российской Федерации и председателем Государственного комитета по делам национальностей.

Понятие «народ» и «нация» в России

Перед тем, как будут представлены подробные сведения о концепции и деятельности В. Тишкова, следует объяснить значения терминов «народ» и «нация» присутствующие в российском академическом и политическом дискурсе.

Русский термин «народ» является эквивалентом немецкого *das Volk*, английского *the people* и французского *peuple*, то есть понятий, которые в первую очередь означают совокупность жителей той или иной страны. Каждое из этих понятий несет свою смысловую нагрузку. И так, немецкое *das Volk* указывает на определенное культурное общество, английское *the people* указывает на общую идентичность, и только французское *peuple* находится ближе всего к значению и указывает на совокупность жителей страны⁸. По мнению Сергея Плохия, слово «народ» стали употреблять в московском государстве в половине XVII в., когда Левобережная Гетманщина перешла под

⁸ Смотр. М. Canovan, *The People*, Cambridge 2005.

власть царя. Тогда интенсифицировались контакты Москвы с киевским духовенством, для которого этот термин имел религиозную коннотацию и означал сообщество верующих. Потом смысл этого слова эволюционировал, приобретая этнополитическое значение⁹. Увеличение интенсивности использования существительного «народ» и прилагательного «народность» в российской философско- общественной мысли начала XIX в., связано с многочисленными и тесными контактами с западными национальными культурами во время войн с Наполеоном. С самого начала этот термин был неоднозначным. Польский исследователь российского национализма Анджей Лазари отмечает, что в России XIX в. понятия «народ» и «народность» имели, по крайней мере, четыре значения:

– *народ* отождествляется с государством, а *народность* «была категорией, которая обозначала великодержавные интересы России»;

– *народ* приравнивается к дворянству и интеллигенции, а *народность* понималась как культурная особенность народа, носителями которой могла быть только элита, а не «простые люди»;

– *народ*, отождествляемый с «простым человеком», то есть крестьянством – в этой концепции именно этот слой населения должен был выражать культурную индивидуальность народа, то есть *народность*;

– термином *народ* определяются все социальные слои, которые на данной территории формировали одну культуру, общались на одном языке и исповедовали одну религию¹⁰.

В двадцатом веке, и особенно в советский период, термин *народ* сохранил свою неоднозначность. Два наиболее распространенных значения: а) определение совокупности всех жителей государства – популярное «советский народ»; б) определение этнических сообществ (этнокультурных) – «армянский народ», «бурятский народ». Российские этнологи и историки подчеркивают, что этот термин был понят двумя различными способами: как для обозначения жителей советского государства, которые не объединены этническими связями, так и для определения этнических общин¹¹.

⁹ А. Миллер, История понятия «нация» в России, Отечественные записки, <http://www.stranaoz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (28.06.2016)

¹⁰ А. Lazari, Czy Rosja będzie Trzecim Rzymem?, Katowice 1996, s. 31-32.

¹¹ Ю. Семенов, Расы, нации, этносы, Scpesis.net, http://scepsis.net/library/id_75.html (21.05.2016); В. Тишков, Российский народ. Книга для учителя, Москва 2010; В. Тишков, Этнополитология: политические функции этничности, Москва 2011, с. 75-94.

Столь же проблематичным является способ понимания термина *нация*, который является эквивалентом английского *nation*, а также французского *la nation*. Эти термины означают сообщество людей, которых объединяют также общие культурные признаки (язык, религия, обычаи – всё из упомянутого или одно из них), но прежде всего, общая идентичность и общность политических целей. Главной целью нации является развитие или завоевание и содержание собственного государства. В западной науке подчеркивается, что именно общность политических целей, тесно связанная с идеей суверенного государства, является признаком, который отличает нацию от этносов, этнических групп или совокупности подданных одного правителя¹². Нации делятся на те, которые возникли в процессе гомогенизации этносов или субэтносов в рамках одного государственного организма, а также на те, идентичность которых родилась в результате натиска со стороны государства, вследствие чего они начали борьбу за собственный, государственный суверенитет. Первые называемые государственной нацией, вторые – культурной или этнической нацией¹³.

Анджей Лазарий и Алексей Миллер обращают внимание на то, что в XIX в. термины *народ* и *нация* часто применялись как синонимы. На отличия в этих понятиях обращало внимание немного мыслителей, в том числе и Виссарион Белинский. Многозначный термин *народ*, тем не менее, в то время всё чаще используется в российской общественной и исторической мысли.

Термин *нация* стал существенной частью научного и политического словаря в советские времена. Упомянутая работа И. Сталина, определяла нации как третью, наивысшую форму исторического развития этнического сообщества, которое характеризуется общностью языка, территории, хозяйственной жизни и психического склада, проявляющейся в общности культуры¹⁴. Именно этим сообществам, по мнению Сталина, полагалась собственная форма государственности в виде союзной или автономной республики. С тех пор *нация* в советской науке и политическом дискурсе понимается как этническая общность,

¹² Наиболее важной работой подчёркивающей политический аспект феномена народа является работа В. Андерсена „Imagined Communities: Reflections on Origin and Spread of Nationalism“, опубликована впервые в 1983 г. Значение политического аспекта народов на основе российской науки подчёркивал в т.ч. Ю. Семенов (Цит. соч.).

¹³ Ю. Семенов (Цит. соч.).

¹⁴ В: Ю. Семенов (Цит. соч.).

которая имеет свое собственное государство¹⁵. Тесная связь понятия нация с этничностью проявлялась и проявляется через частое использование термина *этнос*, как синонима нации¹⁶.

В западноевропейской, как и в российской науке, в настоящее время подчеркивается, что современное понятие *нации* возникло в Западной Европе, для описания новых сообществ зарождающихся на этих территориях в период раннего и развитого капитализма¹⁷. Ю. Семенов подчеркивает, что ни Сталин, ни его советские последователи, не заметили, что в западноевропейских концепциях, указывалось именно на политичность, а не на этничность, как основу для формирования современных народов¹⁸. Таким образом, советское понятие нации, которое очень сильно укоренилось в общественном сознании, не имело ничего общего с западноевропейской идеей.

Концепция российской нации В. Тишкова

Валерий Тишков – историк и антрополог культуры. В начале своей научной карьеры занимался историческим исследованием социальных процессов в Канаде XIX в. В конце 80-х годов он обратил свои интересы к истории народов, проживающих в России, а также культурных и политических отношений между ними. В 1989 г. Тишков стал директором Института Этнологии и Культурной Антропологии Российской Академии Наук. С этого времени, в своей научной, а также публичной деятельности (в том числе, в качестве министра по делам национальностей) продвигает идею российской нации – многоэтнического гражданского и государственного сообщества.

Тишков представлял и развивал эту концепцию в большинстве своих работ изданных после 1989 г. Наиболее важной из его работ считается *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии* (Москва 2003). В 90-е годы, он представил свою концепцию в многочисленных научных и публицистических статьях, которые затем вошли в такие собрания, как *Этнология и политика. Научная публицистика* (Москва 2001), *Этническое и религиозное многообразие* –

¹⁵ В. Тишков, Очерки теории и политики этничности в России, Москва 1997, С. 138-142.

¹⁶ Ю. Семенов (Цит. соч.).

¹⁷ Zob., M. Hroch, Nation as an European Phenomenon, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*, No 2/2015.

¹⁸ Смотр. Ю. Семенов (op. cit.).

основа стабильности и развития российского общества (Москва 2008), *Единство в многообразии* (Оренбург 2011). Для того, чтобы ознакомиться и понять концепцию Тишкова, стоит заглянуть в разработанные ним академические учебники: *Этнополитология: политические функции этничности* (Москва 2011), или *Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа* (Санкт-Петербург 2010).

Тишков сравнивает российское население с другими многоэтническими народами, такими как американский народ. При этом он подчеркивает разницу, отмечая, что россияне не являются нацией иммигрантов. По его мнению, предреволюционная Россия формировалась как многоэтническое национальное государство – россиянами чувствовали себя представители всей элиты, независимо от местожительства и этнического происхождения. С точки зрения Тишкова, именно в СССР идея нации была перенесена с общегосударственного уровня на территориально-этнический¹⁹.

Согласно с этим дискурсом, этническое и религиозное многообразие *российской нации* является её силой и основой стабильности. Таким образом, одним из главных лозунгов его общественной и научной деятельности был: «*Единство в многообразии*», который является также названием одной из его работ. Тишков не отрицает, что в российской истории доходило до межэтнических напряжений, воспринимая их как нормальную часть общественной жизни. Однако, прежде всего, подчеркивает, что видимое в конце 80-х и начале 90-х годов состояние усиленного напряжения в этих отношениях, является следствием чрезмерной политизации этнического вопроса в СССР.

По мнению Тишкова, до революции, в отношениях между культурой и идентичностью нероссийских народов и российскости, преобладали позитивные аспекты. Народы Сибири и Поволжья, благодаря контактам с российской культурой, развили собственную культуру. Именно поэтому, с точки зрения Тишкова, элита этих стран не имела проблем с тем, чтобы чувствовать себя башкиром, татаринном и россиянином одновременно²⁰. Целью Тишкова и его команды было построение современной, гражданской и государственной российской идентичности, объемлющей

¹⁹ В. Тишков, *Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества*, Москва 2008, с. 85.

²⁰ См. В. Тишков, *Единство в многообразии*, Оренбург 2011, с. 153-179; *Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества*, Москва 2008, с. 7-27, 70-92.

всех жителей страны независимо от этнического происхождения. В своих трудах и политических действиях они пытались убедить граждан, а особенно политическую элиту, что современная национальная идентичность, не только не противоречит национально-этнической, а на самом деле, ещё больше усиливает её.

Для воплощения идеи многоэтнической нации, Тишков предлагал реализацию программы позитивной дискриминации, которая основывается на увеличении числа представителей нероссийских народов в федеральных властях, а также увеличение числа русских во властях республик²¹.

Особо существенным для реализации этой концепции было введение понятия *российской нации* в общественную жизнь. Борис Ельцин и его окружение фактически часто употребляли это понятие в своих публичных выступлениях. Кроме того, в политический язык первой половины 90-х годов вошло само слово «россияне». Именно таким образом Ельцин обращался к своим гражданам, подчеркивая сверхэтническое государственное сообщество. Интересно, что Тишков, будучи осведомлённым о проблемах, которые вызывают различие между понятиями русский и российский на иностранных языках, предложил введение в английский язык прилагательного «rossian», которое было бы эквивалентом прилагательного «российский»²².

Идея в конфронтации с реальностью

Действия в интересах укоренения идеи российской нации в общественном сознании граждан РФ, были попыткой внедрения западной концепции современного гражданской нации. Несмотря на усилия Тишкова, как министра по делам национальностей и председателя Государственного Комитета по делам национальностей, эта идея сопровождалась серьезным сопротивлением со стороны большинства российского политического класса, и даже научной среды.

В 1993 году была принята Конституция Российской Федерации, преамбула которой начинается со слов «Мы, многонациональный народ...». Хотя президент Борис Ельцин, казалось, был приемником

²¹ В. Тишков, О феномене этничности, Этнографическое обозрение, но 3, 1997, с. 295-296.

²² Смотр., Г. Симон, Цит. соч.

концепции российской нации²³, Тишкову не удалось форсировать обращение к такому общественному субъекту, в этом важнейшем законодательном акте. Для определения суверена, здесь используется многозначное слово «народ», добавляя к нему прилагательное «многонациональный». Вопреки идее Тишкова, термин нация, был употреблен в этническом, а не в государственном значении, что было выражением продолжения советского понимания этого термина.

В 1996 г. президент Борис Ельцин опубликовал «Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации», разработанную коллективом, в состав которого входил Тишков. Неким успехом следует признать тот факт, что в этом документе, касательно жителей Российской Федерации употребляется термин «россияне». Согласно Концепции, заданием государства является «укрепление духовного единства россиян», а также «пробуждение чувства российского патриотизма»²⁴. Весь документ написан в духе построения межэтнического сообщества граждан РФ.

Тем не менее, в концепции не появляется термин «нация» — ни по отношению к «русской нации», ни в любом другом. Жителей РФ здесь, как и в Конституции, называют «многонациональным народом», далее говоря уже не о нациях, а о народах и народностях. Такая трактовка проблемы была компромиссом между сторонниками Тишкова и его оппонентами. Тишков не соглашался с дальнейшей этнизацией понятия «нация», поэтому потребовал не употреблять его относительно россиян, татар, бурятов или башкиров. В этом смысле использовалось слово «народ». Оппоненты Тишкова не соглашались же на употребление определения «нация» касательно государственного сообщества, потому что в их усмотрении это лишало бы части достоинства национально-этнических сообществ, которые владеют собственными республиками. Существовало опасение, что из-за сильной политизации

²³ В 1994 г. в послании Федеральному собранию Б. Ельцин сказал: «Множество национальных проблем порождено противоречивостью двух изначально заложенных в основу государственного устройства Российской Федерации принципов: национально-территориального и административно-территориального... противоречия между ними будут сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства», У русского народа всё ещё впереди. Интервью с профессором МГУ Александром Вдовиным, Russkie.org, <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=31737> (28.06.2016).

²⁴ Концепция государственной национальной политики РФ 1996, <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051> (22.06.2016).

статуса нации, политическая элита Татарстана или Башкирии может трактовать это, как первый шаг к демонтажу их республик. Считалось, что таким образом Концепция сможет снова пробудить, до сих пор спящие сепаратистские тенденции.

Подтверждением тезиса о том, что такая форма Концепции является результатом компромисса между различными кругами, могут быть слова самого Тишкова, который объясняя решение проблемы «нации» в данном документе, писал: «Концепция не вводит категорию гражданской российской нации, но и ограничивает официальный язык достаточно достойными понятиями как народы или национальности. Никто не накладывает запрет на употребление понятия нации в его этническом значении для лидеров республик или активистов национальных общин, и даже для специалистов, но федеральная власть обязана оставить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского нациестроительства, без чего не может существовать ни одно государство»²⁵.

Следовательно, с одной стороны Концепция не внедряла понятия «гражданской российской нации», а из другой – ограничивала официальный язык, чтобы на федеральном уровне не использовать этот термин касательно этно-народных сообществ.

Концепция не осуществила возлагаемых на неё ожиданий, в вопросе терминологической упорядоченности понятий «народ», «народность», «нация», «этнос». Многозначность была удержана особенно в контексте первых двух терминов, которые были применены как в этническом значении, так и в гражданском. Тишков попытался объяснить эту ситуацию тем, что «концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина «народ», хотя его наиболее распространенное значение – это общегражданская общность, население страны»²⁶. Но трудно не заметить, что под видом этих компромиссов, упорядоченная ценность этого документа незначительна.

Раздумывая над результатами и эффективностью собственных действий, Тишков не скрывает, что в 90-е годы не удалось преодолеть советского мышления о национальных вопросах. Возвращаясь к периоду непосредственно после распада СССР, акцентирует внимание на том, в какой затруднительной ситуации очутились теоретики и творцы

²⁵ В. Тишков, Очерки теории и политики этничности в России, Москва 1997, с. 154.

²⁶ Там же.

новой российской национальной идеи: «Получалось, что в доктринальном плане страна не имела определения своей гражданской общности: вместе со словом «советский» из лексики ушло и слово «народ», а категория «нации» уже была прочно зарезервирована только за этническими общностями или «этносомами»»²⁷.

Кроме того, ссылаясь на первые слова преамбулы Конституции, Тишков подтверждает, что запись о «многонациональном народе» была результатом триумфа мышления о «нации», как высшей форме этнической общности, на основе которой можно построить «нормальное государство». Понятие «нации» как многоэтнического государственного сообщества было для тогдашних политиков непонятным, признает Тишков²⁸. Продолжая этот вывод, подает многочисленные примеры восприятия общественной реальности, только через призму этничности. Одним из них была идея создания Республики немцев Поволжья на территории, где проживало почти 2% немцев. По мнению Тишкова, в первой половине 90-х годов XX в. этническое самоопределение воспринялось как «способ политической демократизации государства»²⁹.

Не поддается сомнению то, что идея российской гражданской нации противоречила тогдашнему пониманию феномена нации, которое было очень важным политическим вопросом. Немецкий исследователь Г. Симон утверждал, что в оппозиции к этой доктрине находились как умеренные русские националисты, которые постулировали построение *нации русских*, так и ультрапатриоты. В последнем случае, идея Тишкова не удовлетворяла их имперские амбиции. Тишков и его команда не смогли найти способ переубедить элиту нерусских народов³⁰.

Г. Симон отмечал, что создание российской нации имеет два ключевых аспекта: взаимоотношение русский и нерусских, а также идентичность и консолидация русского этноса³¹. Фактически, среди самых русских не было согласия относительно характера и формы национального сообщества. Как уже упоминалось, идея российской нации была за пределами двух главных течений российского национализма – умеренного и империалистического.

²⁷ Там же, с. 140.

²⁸ Там же, с. 141-142.

²⁹ Там же, с. 144.

³⁰ Г. Симон, Цит.соч., с. 24.

³¹ Там же, с. 25.

Целью первого из них было окончание процесса построения русской нации. По мнению умеренных националистов, этот исторический процесс не закончился, потому что русские никогда не имели собственного национального государства, а их культура и тождественность были посвящены интересам построения Империи (сначала Российской, а потом СССР). Они считали, что идея независимой идентичности русских должна основываться на либеральных идеях славянофильства XIX в. (идеи Алексея Хомякова), а также на политическом проекте Петра Струве. С их точки зрения, Россия должна была быть в первую очередь национальным государством русских, а другие народы должны были быть обеспечены правами национальных меньшинств.

С другой стороны, русский национализм принял имперскую форму, согласно которой русские являются «суперэтносом» или «супернацией» и к которой не могут быть применены западные концепции и меры. В этой наррации русские изображены как создатели отдельной цивилизации, несущей миссию защиты традиционных ценностей. Русская культура здесь представлена как «межнациональный коммуникатор». Для сторонников этой наррации идея российской нации чрезмерно ограничивала историческую роль русских и национальную территориальную зону. Построение идентичности на основе современного российского государства, по их мнению, не учитывало национальное сообщество 25 млн. русских, которые оказались в новых постсоветских государствах³². Не менее важным является тот факт, что опора идентичности на государство, а не на этническую принадлежность, означала, что за пределами постулируемого сообщества были украинцы и белорусы. По мнению империалистов, эти страны были лишь этносами или субэтносами, входящими в состав русского суперэтноса³³.

Идея российской нации, разработанная и внедряемая В. Тишковым, стала частью официального государственного дискурса, но никогда не стала доминирующей наррацией в общественной жизни. Примером действий в интересах этой идеи может быть деятельность Общерос-

³² Тишков опроверг это обвинение, объяснив, что русский мир представляет собой социальное явление, в котором идентичность основана на культуре и языке. Факт, что центр этой культуры будет РФ, не будет отрицать сохранение российской идентичности среди «диаспоры». Тишков также отметил, что Россия должна активно бороться за права языка и культуры россиян населяющих, бывшие советские республики, см. В. Тишков, Этническое и религиозное... Цит. соч., с. 55-70.

³³ Смолт. С. Кортунов, Кака Россия нужна миру, Pro et Contra, No 1, 1997; Г. Симон, Цит. соч.; Ф. Прайслер, Цит. соч.

сийского союза общественных объединений «Российская нация». Наиболее важными из проектов, реализованных этой организацией, были интернет-портал rossnation.ru и научный журнал «Вестник российской нации»³⁴.

В сторону российской цивилизации

В двухтысячных годах, в российском публичном дискурсе всё чаще представлялось вышеупомянутое течение такое, как имперское или ультрапатриотическое. Согласно этой наррации, русские являются уникальным историческим феноменом, так званой «супернацией» – явлением, которое не может быть описано при помощи западно-европейских научных трактовок. Эта наррация эволюционировала в идею российской цивилизации, которая в значительной степени основана на концепции «культурно-исторического типа» мыслителя девятнадцатого века Николая Данилевского, трудах славянофилов и евроазиатских течений³⁵.

Тогдашний премьер РФ Владимир Путин 23 января 2012 г., готовясь вновь занять кресло президента, опубликовал в *Независимой газете* статью со своей программой «Россия: национальный вопрос»³⁶, в которой описал концепцию российской цивилизации, указывая на рамки, определяющее в дальнейшем дискурс.

В своей статье В. Путин откровенно констатирует, что «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей»³⁷.

Дискурс российской цивилизации, основанный здесь на характерном для национализма обращении к общей истории и жертвенности предков. Советский Союз был представлен Путиным, как непосредственный продолжатель «Большой России», которая возникла в XVIII в. «Историческая Россия – не этническое государство и не американский

³⁴ Журнал до сих пор не публикуется, архивы доступны на портале rossnation.ru.

³⁵ Ю. Марков, Российская цивилизация: проблема идентификации, Вестник НГУ. Серия: Философия, Т. 7, 2009.

³⁶ В. Путин, Россия: национальный вопрос, Независимая газета, 23.01.2012, http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (14.06.2016).

³⁷ Там же.

«плавильный котел», где, в общем-то, все, так или иначе, – мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровнях. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы»³⁸ – пишет Путин.

Вместо идеи нации-государства появляется идея цивилизации-государства. Русский народ понимается как народ государствообразующий. Его великая миссия это объединение, скрепление цивилизации. «Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар. Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями». Путин подчеркивает, что цивилизационная идентичность основана на идее сохранения «русской культурной доминанты, которой носителем являются не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от этничности». В этой концепции гарантируется также место для этнической и религиозной идентичности, отмечая, что каждый житель России должен, прежде всего, быть гражданином этого государства- цивилизации и гордиться этим.

Интересно, что «Стратегия национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», введенная Указом Президента Российской Федерации в декабре 2012 г., то есть через несколько месяцев после повторного назначения на пост президента Путина, уже имеет другой оттенок, намного ближе к концепции о российской нации Тишкова.

Целью Стратегии является координация действий государственных учреждений – от наивысшего до самого нижнего уровня – в рамках реализации целостной национальной политики. Авторы документа подчеркивают во вступлении, что Концепция 1996 г. выполнила свою задачу, однако общественные и культурные изменения требуют

³⁸ Там же.

актуализации национальной политики и определения её новых приоритетов.

Основным отличием между Стратегией и программной статьёй В. Путина «Россия: национальный вопрос», является тот факт, что в первой, не появлялся ни в термин «российская цивилизация», ни слово «цивилизация». Не менее важным есть то, что Стратегия официально вводит термин «российская нация», который впервые появляется в разделе Общие положения (ст. I.8): «Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей)»³⁹. Далее в тексте термин «российская нация» часто появляется уже без скобок и дополнительных объяснений⁴⁰. Каждый раз, когда в тексте появляется термин «многонациональный народ РФ», то в скобках он сопровождается термином «российская нация»⁴¹. Трудно не заметить, что целью авторов документа было введение в официальный государственный язык термина «российская нация» и показать, что он должен заменить определение «многонациональный народ».

В документе сохранено равновесие между вопросом обеспечения прав на развитие культуры и языков «народов Российской Федерации» (в том числе, наименьших народов и национальных меньшинств), а также акцентом на роли русской культуры и русского народа, который представленный, как «системообразующие ядро». В документе говорится: «Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию

³⁹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. No 1666), Министерство Национальной Политики, <http://www.minnac.ru/minnac/info/14183.html> (29.06.2016).

⁴⁰ Там же, ст. II.12.

⁴¹ Там же, ст. I.8; III.17a.

народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру»⁴².

Прочтение Стратегии не оставляет сомнения, что де-факто она внедряет (на основании юридического акта) идею многоэтнического сообщества граждан Российской Федерации, то есть российской нации. Эта идея здесь отображена в большей мере, чем в Концепции 1996 г. Религиозная и этническая разнородность российского населения была представлена в Стратегии, как общее достояние российской нации, которое служит фактором укрепления российской государственности⁴³.

Эти утверждения вытекают непосредственно из концепции Тишкова, представленные и в сборнике статей «Единство в многообразии». В качестве первой из целей национальной политики указывается и «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)»⁴⁴.

Заключение

Вышеупомянутые утверждения свидетельствуют о том, что власти Российской Федерации решили провести двойственное повествование о вопросе общей идентичности российских граждан. На публицистическом уровне, направленном на широкую аудиторию, активизировано нарратив о российской цивилизации, историческо-культурном феномене, который сложно включить в западные научные рамки и строгие государственные границы.

На законодательном уровне и в действиях государственных учреждений решено ввести в практику концепцию *русской нации*, то есть многоэтнического сообщества граждан, современного политического народа, идентичность которого основана на привязке к государству. Эти два течения кажутся взаимно дополняемыми, прежде всего потому, что каждое направлено на другие цели.

В данном разделе указано на причины, которые привели к тому, что концепция *русской нации* была принята с таким сопротивлением. Среди наиболее важных стоит отметить:

⁴² Там же, ст. II.11.

⁴³ Там же, ст. II.12.

⁴⁴ Там же, ст. III.17а.

– унаследованное от Советского Союза восприятие нации, как сообщества, прежде всего этнического, что спровоцировало непонимание концепции *гражданской нации*, а также воспринималось, как угроза для устава этно- наций, проживающих в РФ (национализм русских и нерусских);

– проблема общественного признания существующих границ РФ, на которых должна быть основана новая идентичность;

– проблема общественного одобрения, исключения за пределы дискурса сообщества украинцев и белорусов;

– проблема россиян проживающих за пределами РФ.

Идея российской цивилизации решает большинство из вышеупомянутых проблем. Само понятие цивилизации освобождает пользователей от необходимости различать расплывчатые термины народ, нация, этнос, скрывает наследие советской науки и политического дискурса. Эта идея, прежде всего, удовлетворяет также амбиции русских националистов, потому что в данном случае их народ является не столько государственным народом, как творцом целой цивилизации, историческим феноменом мирового масштаба. Более того, в данном повествовании ясно говорится, что современная Российская Федерация является сердцем российской цивилизации, но не существует никаких противопоказаний и политических границ, чтобы членами этого сообщества считать «всех носителей такой идентичности независимо от этничности»⁴⁵. Современные государства являются вторичными, с точки зрения многовекового цивилизационного сообщества, членами которого также являются представители других народов или этнических групп (украинцы, белорусы) и россияне, проживающие за пределами РФ.

Однако, как уже отмечалось выше, идея российской цивилизации не нашла непосредственного отражения в «Стратегии политики национальной Российской Федерации на период до 2025 года». Причиной этого могли быть протесты и недовольство элит народных республик Российской Федерации, вызванные этой идеей. Татары и представители многих других национальностей видели в ней, в первую очередь, триумф российского национализма. Сама идея объединения в одной цивилизации мусульманских народов и православного большинства вызвала серьезные сомнения. Противником использования слова «циви-

⁴⁵ В. Путин, Цит. соч.

лизация» был также В. Тишков, как член команды по разработке содержания Стратегии. Этнолог использовал здесь в основном научные аргументы, приписывая этой идее «нео-тойнбиевские ассоциации»⁴⁶.

Российская цивилизация закрепились в российской журналистике и политическом дискурсе. Как видно, история идеи также может привести к парадоксальным и неожиданным решениям. В этом случае, идея российской цивилизации пробила окно, через которое в законодательное поле была введена концепция российской нации В. Тишкова.

⁴⁶ Российская «цивилизация» вызывает недовольство, Inosmi.ru, <http://inosmi.ru/russia/20121212/203258722.html>, (22.09.2016), перевод статьи с журнала The Financial Times: Ch. Glove, Russian 'civilisation' stirs resentment, The Financial Times, 11.12.2012.

Глава II

ЦЕРКОВЬ В РОССИИ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Во времена коммунизма позиция религии, включая православие, в СССР была маргинализирована. Число верующих резко сократилось, церкви пострадали от преследования духовенства и национализации имущества (термин непонятен. Имеется ввиду церковная собственность?). Трансформация Русской Православной Церкви началась в 1988 году. Политическая и социальная атмосфера, связанная с перестройкой и празднованием тысячелетия Крещения Руси, позволила пересмотреть функцию Православной Церкви в Советском Союзе. Поместный собор Православной российской церкви, созданный по случаю тысячелетия, считается началом возрождения Православия в России. С этого момента отмечается процесс динамического религиозного возрождения, который даже не помешал многим обвинениям в адрес церковных иерархий о сотрудничестве КГБ. Согласно исследованию Российской академии наук, проведённому в 2013 году, православные насчитывают 79 %, 9 % – не принадлежат к какому либо вероисповеданию, 7 % это атеисты, 4 % – мусульмане, 1 % – другие¹.

Первое десятилетие трансформации заключалось в восстановлении инфраструктуры и кадрового ресурса (восстановление первоначальных функций храмов и монастырей, создание сети духовных семинарий). Перед РПЦ в целом стояли три основные задачи:

Во-первых, расширение инфраструктуры Церкви – открытие новых приходов, монастырей, образование епархий, увеличение числа учебных заведений.

¹ Число российских атеистов снизилось на 5 процентов за три года. Российская газета (15 января 2013). Вышеприведенные данные показывают, что уровень заявленной привязанности к православию среди россиян высок. С другой стороны, на основе опросов общественного мнения фактический уровень религиозности российского населения очень низок.

Во-вторых, решение вопроса о власти в Церкви, сохранении или изменении сложившейся системы управления – как в отношении отдельных лиц, так и в отношении институтов – в первую очередь на уровне приходов.

Третья проблема была абсолютно нова – политика в отношении сепаратистских и раскольнических движений на окраинах – в первую очередь на Украине².

В начале 90-х годов опорой для Церкви после атеизации больших городов – уже три десятилетия являлось старшее поколение. Практически только они регулярно посещали храмы. Такая ситуация была связана как с объективными показателями, характерными для развитых индустриальных обществ 1960-1980-х годов, так и с советской спецификой. Гораздо лучше для Церкви ситуация обстояла в регионах, не переживавших двух волн борьбы с религией и физического уничтожения активной части верующих. В результате, как заметил социолог религии Н. Митрохин, уже в 1970 году стала заметна, а к 1990 году усилилась, зависимость Русской Православной Церкви от состояния дел в отдаленных регионах, которые были не только финансовым, но и кадровым ресурсом. Значительная часть духовенства выросла в селах Закарпатья, Волыни, Галиции и Полесья. Западноукраинские по происхождению священники находились во власти не только в самой Украине, но и в епархиях, расположенных за тысячи километров от западной границы СССР³.

С точки зрения развития базовой инфраструктуры Церковь выполнила основную из стоявших перед ней задач очень быстро. Количество приходов и монастырей с 1992 года возросло вдвое, острейший кадровый вопрос с духовенством, характерный для первой половины 90-х, также успешно разрешен. Церковь открыла все виды учреждений, в которых нуждалась (образовательные, благотворительные, производственные), начала функционировать в сферах информации, издательства. Это была огромная деятельность, которую поддерживало государство – финансовыми ресурсами и соответствующим законодательством. Огромные средства и усилия, вложенные в реконструкцию сельских

² Н. Митрохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.

³ Н. Митрохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83; С. Чапнин, Церковь в постсоветской России. Возрождение, качество веры, диалог с обществом, Москва 2013

церквей, к сожалению, могут оказаться напрасными, потому что можно ожидать закрытия сотен приходов и десятков монастырей в обезлюдевших аграрных районах⁴. Демографическая яма и стиль жизни без религии, недостаток ресурсов не гарантирует, что в то же время будут открыты новые приходы в городах.

Патриарх Пимен (Извеков) умер 3 мая 1990 года. Новый глава Церкви был избран 6 июня. Руководство Церкви не затягивало избрания нового Патриарха. Избрание Алексия II наступило очень быстро⁵, даже без 40-дневного периода траура. Это свидетельствует о том, что епархия РПЦ осознавала серьезность ситуации и организационные трудности. Приход Алексия II к руководству Церковью достаточно серьезно изменил ее кадровую политику. Алексей II поддержал линию Алексия I, не допуская никаких внутрицерковных дискуссий, исходя из мнения, что в тяжелое время нужна сила и соборность.

В ходе подготовки 1000-летия Крещения Руси стало ясно, что государство не в состоянии удерживать Церковь под прежним прессом. Статус религии в государстве определил Верховный Совет РСФСР 25 октября 1990 года, принимая Закон «О свободе вероисповеданий», дал религиозную свободу и возможность Церкви свободно выстраивать свои отношения с государством. В 1994 году была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве России, а в 1995 году – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации; постепенно налаживалось регулярное взаимодействие Церкви и государства.

Еще в 1988 году Церковь взялась за расширение сферы своего влияния в обществе. В первую очередь это нашло отражение в массмедиа и в политике. Регулярными стали выступления священнослужителей по телевидению и в печати, духовенство появилось в руководстве полугосударственных общественных организаций, а с 1989 года – и в политике – как в официальной (некоторые руководители Церкви получили статуса народных депутатов СССР), так и в оппозиционной⁶.

⁴ Н. Митрохин, Русская православная церковь - итоги десятилетия, Неприкосновенный запас 2003, 6 (32).

⁵ Между смертью Алексия I (Симанского) и интронизацией Пимена прошло почти полтора года.

⁶ Н. Митрохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.

В середине 1990-х годов в российском обществе развернулась серьезная полемика вокруг содержания нового закона о свободе совести. Закон, принятый в 1997 году, во многом стал результатом компромисса между государством и Церковью. В преамбуле закона говорится о том, что государством признается «особая роль Православия» в истории России, ее становлении и культуре⁷.

После 1991 года в Российской Федерации произошли значительные изменения в религиозной жизни. В начале 90-х годов число неверующих (62%) в два раза превышало число верующих (31%), а в конце 90-х годов соотношение поменялось. В 1999 году число неверующих составляло 30%, а православных верующих 54%⁸. Возвращение к Православной Церкви не является постоянной тенденцией. Количество верующих возрастает в кризисных ситуациях – экономический крах, а также политические и социальные беспорядки. В начале 90-х годов число верующих в Русской Православной Церкви увеличилось за счёт людей с более низким уровнем жизни и низким социальным статусом. В этой группе в основном преобладали женщины. Во второй половине 90-х годов число верующих увеличилось (более чем в два раза) не только за счет «взрослых», но и в той же пропорции увеличилось число верующей молодежи. Более чем в два раза больше мужчин, заявили о своей привязанности к Православию. Почти в три раза увеличилось число верующих среди интеллигенции. Следует подчеркнуть, что это явление связано не только с увеличением массовости деклараций о привязанности к православной церкви, но и с изменениями в религиозности россиян. Примерно в 2,5 раза больше людей посещают церковные службы и присоединяются к таинствам. Изменения в религиозности затрагивают все слои и социальные группы⁹.

Поднимая проблему русской религиозности, следует обратить внимание на динамику возвращения к православию молодого, образованного, населения в урбанизированных районах. Согласно социологическим исследованиям, признание принадлежности к Православной Церкви не означало их активного участия в религиозной жизни, т.е. частого посе-

⁷ Н. Митохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.

⁸ К.В. Цеханская, Россия: тенденции религиозности в XX веке, с. 8–9; Б. Дубин, Масовое православие в России (девяностые годы) с. 1, [w:] <http://www.index.org.ru/journal/11/dubin.html>, цит. за А. Mironowicz, Cerkiew prawosławna we współczesnej Rosji, Cykl wykładów europeistycznych, <http://www.wyklady.ekpu.lublin.pl/wyklady/mironowicz/mironowiczw2.htm>

⁹ Там же.

щения церковных служб, присоединения к таинствам или активного участия в жизни приходской общины. Ежедневное отношение молодежи не всегда соответствуют христианским ценностям. Христианская вера для современных россиян часто поверхностна и ограничена декларациями принадлежности к вероисповеданию.

Большая диспропорция между самоидентификацией и ритуальным параметром является наиболее характерной чертой российского православия. Социолог религии Николай Митрохин выделяет две группы православных последователей: 10% регулярно практикующих (воцерковленных), а подавляющее большинство – посещающих церковь время от времени, за частую с целью, что-то попросить. В 2008 году исследования, проведенные Институтом социально-политических исследований Российской Академии Наук, определили 34% практикующих. Кроме обычных практикующих, выделили категорию, которая позже была определена социологами религии, как практикующие наполовину (полувоцерковленные) – 24%¹⁰. Расхождение между самоидентификацией и религиозными практиками имеет давнюю традицию в России и связано с тем фактом, что вероисповедование было детерминантом принадлежности к определённому обществу (национальному происхождению), и только позже оно было связано с реальным мировоззрением (поляк, литовец – католики; финн, немец, латыш, эстонец – протестанты и т. д.).

В многонациональном обществе Российской империи функционирование Церкви, как государственного храма и православия, как источника легитимности власти и фундамента господствующей нации способствовало формированию так называемого «русского православия» – отождествляемого с идеей русскости. Для жителей России – россиянин тождественный православному. Категорией, которая учитывала бы различие между национальной/этнической/национальной идентификацией и реальной православной практикой, могло быть, предложенное Митрохиным, разделение на «православных» и принадлежащих к «православной культуре» (например, атеисты, празднующие религиозные праздники)¹¹.

¹⁰ A. Curanović, Czynniki religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej, s. 108-109. См.: Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании современной России, под ред. К.Каарийнена и Д.Е.Фурмана, СПб., 2000.

¹¹ M. Mchadlov, The Religious Component of Ethnic Awareness, "Russian Politics and Law" 2005, T. 43, nr 2, s. 86, цит. за A. Curanović, Czynniki religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej, c. 110.

Тем не менее, существует вторая группа верующих, для которых участие в обрядах православной веры является выражением проявления веры и частью их национальной и культурной самобытности. Православие должно быть категорией ценностей, которая четко отличает «настоящих» россиян от других. Среди двух категорий групп наблюдается растущее явление внешнего выражения их привязанности к православию¹².

Особенную активность проявляют «новообращенные», зачастую бывшие активные члены коммунистической партии, которые хоть и не участвуют в религиозных службах, но громко заявляют о своей приверженности православию. В то время, когда проблема религии становится все более личным делом среди российских граждан, последователи симбиоза государства и Церкви вырастают из этой группы верующих. Православие становится символом государства, и по этой причине предпринимаются многочисленные попытки использования Православной Церкви в политических делах¹³. Это явление встречается и в других посткоммунистических странах.

Во второй половине 90-х годов Российская Православная Церковь вступила в стадию последовательного усиления своей роли в общественной жизни. Особенно значение имел 2000 год, в котором состоялся юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

Борьба с нарастающей глобализацией, национальным эгоизмом, атеизацией общественной жизни и продолжение процессов интеграции всех православных христиан в Святую Русь. Духовного просвещения Православная Церковь планировала добиться в сотрудничестве с государственными органами и международными организациями¹⁴. Русская Православная Церковь в 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви приняла «Основы социальной концепции», где четко изложила свое видение взаимоотношений с государством. Митрополит Иларион сказал: *Церковь не стремится к слиянию с государством, она не вмешивается в дела государственного*

¹² Б.Дубин, Зеркало и рамка: Национально-политические мифы в коллективном воображении современной России, Знание – сила, 1999, №9/10, с.51-58, за: A. Mironowicz, *Cerkiew prawosławna we współczesnej Rosji*, Cykl wykładów europeistycznych, <http://www.wyklady.ekpu.lublin.pl/wyklady/mironowicz/mironowiczw2.htm>

¹³ Б.Дубин, цит. соч.

¹⁴ N. Kusa, Bogurodzico, przegoń Putina - rola Cerkwi Prawosławnej we współczesnej Rosji, <http://refleksje.edu.pl/wp-content/uploads/2013/07/refleksje-nr-9-3.pdf>

управления и политику. В то же время, мы хотим, чтобы интересы православных верующих, которыми сейчас в России себя считают не менее 80% населения, учитывались государством¹⁵. «Основы социальной концепции» говорят о сотрудничестве Церкви и государства в разных сферах общественной жизни и обозначают конкретные сферы этого сотрудничества. Среди них можно выделить следующие: духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; забота о сохранении нравственности в обществе; дела милосердия и благотворительности; развитие социальных программ; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; труды по профилактике правонарушений; попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; поддержка института семьи, материнства и детства; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества¹⁶.

Окончательные условия сотрудничества между Церковью и государством были сформированы в 2009-2012 годах, что было связано с избранием патриарха Кирилла (Гундяева), известного своей предприимчивостью, харизмой и международными контактами. Православной Церкви также способствовало возвращение на должность президента Владимира Путина и его однозначный поворот в сторону «политического консерватизма»¹⁷. В соответствии с историческими традициями и тенденциями политики Путина, Православная Церковь объединилась с Кремлем, пользуясь приверженностью государства. Однако из-за такого отношения Православная Церковь теряет доверие части россиян, обвиняющих иерархов в чрезмерной привязанности к материальным благам.

В 90-е годы XX века Церковь главным образом занималась восстановлением материальной базы, а государство взяло на себя большую часть расходов, связанных с финансовым обеспечением Церкви

¹⁵ Выступление митрополита Волоколамского Илариона на втором православно-католическом форуме на тему: «Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений» (19 октября 2010 г., о. Родос, Греция): <http://radonezh.ru/monitoring/gosudarstvo-i-tserkov-v-rossii-20-letny-opyt-vzaimootnosheny-mitropolit-volokolamsky-ilarion-sluzhba-21245.html>

¹⁶ Цит. соч.

¹⁷ W. Rodkiewicz, J. Rogoża, Potiomkinowski konserwatyzm. Ideologiczne narzędzie Kremla, Punkt Widzenia OSW, 3.02.2015; <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/punkt-widzenia/2015-02-03/potiomkinowski-konserwatyzm-ideologiczne-narzedzie-kremla>

и реконструкцией 9000 святынь. Кроме того, публичная власть поддерживала православие в конфликтах с другими Церквями, что было чрезвычайно важно для обеих сторон в перспективе унификации мировоззрения.

Русская православная церковь сильно пострадала от распада СССР и эмансипации Православной Церкви на постсоветском пространстве, особенно в Украине. Это особенно касается вопросов собственности. Уменьшение числа приходов происходило за счет масштабного внутрицерковного кризиса, охватившего западноукраинские епархии. Был еще один фактор. Православная Церковь на Западной Украине в течение всего периода функционирования этих земель в составе СССР не строила новые церковные здания. Воспользовавшись делегализацией греко-католической церкви, она заняла её здания. В конце 80-х годов было подсчитано, что РПЦ заняла около 800 неиспользуемых или используемых не по назначению старых помещений, принадлежащих греко-католикам¹⁸. После повторной легализации греко-католической церкви (в конце 1989 года) и обретения Украиной независимости, имущество было возмещено греко-католикам.

Материальные и моральные потери РПЦ в Украине также были связаны с реорганизацией Украинской Автокефальной Церкви. Однако самый сильный удар по престижу РПЦ получила в связи с развитием концепции Национальной Церкви в Украине и расколом в Украинской Православной Церкви. В 1989 года в РПЦ разработано план предоставления украинскому православию нового статуса. Превращение из „Украинского экзархата” в „Украинскую православную церковь” совершилось в январе 1990 года. Предполагалось, что это должно было успокоить "националистов" в Церкви и предотвратить раскол. В то же время, с точки зрения руководства РПЦ, данный статус был фикцией, временной подачкой, которую, вероятно, можно было бы впоследствии вновь отобрать. Автономный статус, предоставленный УПЦ, стал компромиссом между желанием части православных Украины (в некоторых южных и восточных областях и в Закарпатье) оставаться в «Русской Церкви» и намерением многих священников и мирян (в первую очередь, в Галиции и Волыни) получить для Украинской церкви «автокефалию» (полную каноническую независимость). Однако, требо-

¹⁸ В. Еленский, Украина: Церковь и политика в посттоталитарном социуме, Логос, 1995. № 50. с. 158.

вания последних к Московскому Патриархату так и не удалось удовлетворить. Многие из них, двумя годами позже, поддержали митрополита Киевского Филарета (Денисенко)¹⁹. Православная Церковь в Украине была потерей, которая с каждым годом независимости Украины имела все более серьезные последствия для РПЦ²⁰.

Анализируя нынешнюю религиозную ситуацию в России, можно наблюдать следующие явления: приближение Русской Православной Церкви к государству и правительству, появление ксенофобских и изоляционистских тенденций в православном обществе и формирование в государстве синонимических понятий «православного» и человека «русской национальности». Подобные тенденции в российском государстве не проявлялись в девяностых годах. В настоящее время, проблематика православия постоянно присутствует в средствах массовой информации. Она появляется среди атрибутов государственной власти, как это было до 1917 года. Некоторую аналогию можно провести с Польшей, где понятие «польскости» отождествляется с католицизмом, а история Римско-католической церкви является неотъемлемой частью наследия польского государства. В случае с Россией, несмотря на то, что её территорию населяют многие этнические и национальные группы, источником традиционной духовной культуры для русских является Православная Церковь.

В современной России, в православных кругах, возрождается историческая традиция Москвы – Третьего Рима. Такие взгляды выражают не только светские политики, обращаясь к националистическим лозунгам (Владимир Жириновский, Виктор Аксюциц²¹, Эдуард Лимонов²²), но и значительная часть православного духовенства.

¹⁹ Н. Митрохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.

²⁰ K. Jędraszczyk, Cerkiew w życiu społeczno-politycznym Ukrainy w latach 1991-2010, *Studia Europaea Gnesnansia*, 3/2011, s. 55-77, <http://steurng.pl/steurng-32011.html>; K. Jędraszczyk, O. Krasiński i in., *Spółczesność i kultura Ukrainy. Czwierćwiecze przemian 1991–2016*, Wydawnictwo Kontakt, Gniezno 2016.

²¹ Аксюциц, Виктор Владимирович – 1990-1997 годах лидер Российского христианского демократического движения, на начальном этапе входившего в Движение «Демократическая Россия». Советский и российский философ, богослов, публицист, народный депутат РСФСР (1990–1993), религиозный деятель. Преподаватель философии, доцент Государственной Академии славянской культуры. По своим убеждениям является конституционным монархистом.

²² Эдуард Вениаминович Лимонов (Савенко) – поэт, прозаик, публицист, лидер Национал-большевистской партии (НБП), главный редактор газеты „Лимонка”, Автор популярных

«В начале этого столетия из сознания российского народа исчезла мысль, что наша Родина это не Великая Россия, а наделенная национально-государственной силой Святая Русь, которой Божественное Провидение доверило чрезвычайно важную миссию: быть последним прибежищем всемирного православия, быть изгнанием мирового зла» – писал архимандрит Константин в московском журнале «Русский Вестник» (№ 12, 1992). Таким образом, Москва получила титул Третьего Рима. [...] Западный мир явно созревает, чтобы принять антихриста. [...] Самый большой наш враг – последняя, худшая стадия западного вероломства, готового принять Антихриста. Его приход может приостановить только возрождение разрушенного Православного царства России как Третьего Рима». Подобным тоном высказывался на страницах еженедельника (№ 39, 1992 г.) митрополит Санкт-Петербургский Иоанн²³.

Уже во время президентства Бориса Ельцина возобновлена традиция церковной инаугурации после приношения присяги на самый главный пост в государстве. После присяги президент Ельцин получил торжественное благословение патриарха РПЦ. Патриарх и иерархи принимали участие в важных публичных церемониях. Ельцин также использовал политическое посредничество Православной Церкви в период политического кризиса 1993 года. Во время президентских выборов 1996 года Алексей II поддерживал Ельцина, для которого он позднее должен был «отблагодарить» уступками в реформе религиозного права 1997 года – Закона о свободе вероисповедания и о религиозных объединениях²⁴. Правительство выделило четыре «традиционные конфессии», из которых РПЦ имеет решающий приоритет. Правовые нормы, установленные в Конституции, не отходят от норм религиозной толерантности и принципа отделения государства от Церкви. Противоречие было вызвано положениями Закона о свободе вероисповедания и о религиозных объединениях от 1997 года (№ 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), в которых поя-

оппозиционных проектов 2000-х годов: «Другая Россия», Марш Несогласных, Национальная Ассамблея, «Стратегия-31».

²³ A. Lazari, Współczesny nacjonalizm rosyjski i prawosławie, [B:] Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX), Warszawa 1997, с. 338, цит. за A. Mironowicz, Cerkiew prawosławna we współczesnej Rosji, Cykl wykładów europeistycznych, <http://www.wyklady.ekpu.lublin.pl/wyklady/mironowicz/mironowiczw2.htm>

²⁴ A. Curanović, Czynniki religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej, с. 133.

вилась запись, различающая эти конфессии, которые являются частью исторического наследия народов России.

Здесь перечислены православие, ислам, буддизм и иудаизм. Православная религия получила особую историческую роль и значение для духовного и культурного развития России. Согласно этому закону, термин «традиционные религии» используется в российском законодательстве. Православная Церковь, лоббируя обострение закона, связанного с регистрацией новых религиозных объединений в России, привела к сокращению миссионерской деятельности других конфессий и контактов существующих религиозных объединений в России со своими зарубежными партнерами и меценатами²⁵.

После прихода к власти Владимира Путина положение Православной Церкви изменилось. Растущая популярность нового президента и экономический бум привели к тому, что ему не приходилось беспокоиться о взглядах Православной Церкви²⁶. Он осознавал значение РПЦ для его имиджа и роли в формировании самосознания россиян и способности православной общины влиять на международной арене.

После возвращения Владимира Путина на пост президента и получение патриаршего трона в Москве Кириллом, государственная (геополитическая) и православная концепция «русского мира» наложились друг на друга. Церковь также играет роль во внешней политике России. Патриархат выступает против автокефалии Православных Церквей Прибалтики и Украины и выдвигает обвинения в прозелитизме в отношении католической церкви. Оба элемента помогают российской власти сохранить влияние в бывшем СССР.

Российско-украинский конфликт показал, насколько велика ловушка для всего Православия. Это, похоже, больше инструмент в руках публичной власти, чем духовенства. Близость «трона и алтаря» (финансовые отношения, имидж и идея «русского мира») позволяет упростить схему отношений государство-церковь и привести Русскую Православную Церковь (РПЦ) в подчинение власти президента.

С 2014 года РПЦ, а также УПЦ МП, оказались в своего рода ловушке. Церковь не хочет отказываться от привилегированного положения

²⁵ Чтобы зарегистрировать религиозное объединение, надо было задокументировать его функционирование в течение 15 лет. Это было трудно выполнить даже для протестантов, греко-католиков и римо-католиков из-за трудностей в функционировании этих коммунистических конфессий в СССР.

²⁶ Например, в 2008 году, он вернул призыв священнослужителей к военной службе.

и выгоды симбиоза с властью, но все больше осознает долгосрочные последствия этой зависимости. В особенно сложной ситуации иерархии оказались после завоевания Крыма Россией и начала вооруженного конфликта в Украине.

Украинское духовенство, как УПЦ МП, так и УПЦ КП в своём большинстве выражают патриотическое отношение к украинскому государству. Конечно, было много случаев, когда православная церковь поддерживала сепаратистов, но отрицательная моральная оценка политики российского правительства была подавляющей и призывала отказаться от эскалации конфликта. РПЦ МП осознает, что углубление дестабилизации Украины и агрессивная политика России будут способствовать усилению недоверия к Московскому Патриархату, а идея «русского мира» геополитической стратегии российских властей ведет к религиозным спорам и разногласиям. Политика Кремля вредит имиджу и интересам Православной Церкви в Украине, но единственное, что может сделать Московская православная церковь в этой ситуации это попытаться улучшить этот образ в Украине.

Из всех важных общероссийских институций только церковь никак не высказалась по поводу присоединения Крыма. Андрей Десницкий считает: «Здесь может быть несколько объяснений, каждое из них (или их комбинация) может выглядеть убедительно. Руководство РПЦ могло: не поддерживать присоединение Крыма; избегать резких заявлений, чтобы не оттолкнуть часть украинской паствы; принципиально устранившись от любых политических вопросов; обидеться на Кремль за использование риторики *русского мира* в силовом варианте; не достигнуть внутреннего согласия по этому вопросу²⁷».

Россия теряет формальное и неформальное влияние в Украине, представителей РПЦ неохотно принимают даже представители УПЦ МП. Патриарх Кирилл, например, в июле 2014 года не приехал на похороны митрополита УПЦ МП Владимира из-за боязни протеста верующих. На празднование годовщины Крещения Руси не пустили митрополита Иллариона, патриарх Кирилл тоже не прибыл. Сообщалось также о случаях перехода целых парафий под юрисдикцию УПЦ КП. Русская Православная Церковь определенно перестает восприниматься как нейтральное учреждение, целью которого является благо религиоз-

²⁷ А. Десницкий, Ценности и стратегии: попытка понять руководство РПЦ, 19.08.2015, <http://carnegie.ru/commentary/61049>

ной общины. Этот процесс также может привести к постепенной эмансипации УАЦ МП²⁸. Российско-украинский конфликт повлиял на снижение заявленной принадлежности к УПЦ МП (в 2010 году – 23,6%, в 2013 году – 19,6%, в 2016 году – 15%). В тот же период, УПЦ КП зафиксировала систематическое увеличение числа верующих (2010 – 15,1%, 2013 год – 18,3%, 2016 – 25%)²⁹.

В последние годы протестантизм начал развиваться в России. В протестантских церквях верующих привлекало отсутствие церковных структур, возможность прямого влияния на жизнь общины, то есть то, что они хотели бы видеть в Православной Церкви. Православная Церковь сталкивается с дилеммой о том, как стать защитником бюрократического государства в глазах народа, потому что многие из верующих видят в отношениях между государством и Церковью скорее сотрудничество двух сложных аппаратов. Социальному учению Православной церкви трудно выполнить задачу быть ясным указателем жизни, особенно в вопросах справедливого бизнеса, защиты бедных, социального эгалитаризма. Примером может служить судьба жителей бывших *Валаамского Спасо-Преображенского монастыря*³⁰ и Соловецкого монастырей, пребывающих там в советские времена, которых Православная Церковь хотела эвакуировать, несмотря на активное противостояние многих из них. Примерами проблем, связанных с реституцией церковного имущества, захваченного большевиками, существует ещё больше. Церковь восстанавливает свою собственность, но источником напряженности является судьба прежних собственников, часто государственных учреждений, которые пользовались этими помещениями на протяжении многих десятилетий (филармония в Калининградском соборе). Цены на священническое служение также подвергаются критике, усугубляют ситуацию также скандалы с участием самых высоких священников, богатство Православной Церкви и симбиоз православной церкви с олигархами. Не меньшее противоречие вызвано тем фактом, что власть вместе с православной церковью ведет борьбу с западной нравственной распущенностью, что отражено в законодательстве анти-ЛГБТ и цензура искусства и культуры. Предметом дискуссий является то, как Православная Церковь придерживается

²⁸ K. Jarzyńska, *Ukraińska gra patriarchy Cyryla*, Komentarze OSW, nr 144, 14.08.2014, <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2014-08-14/ukrainska-gra-patriarchy-cyryla>

²⁹ Badania Centrum Razumkowa, http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=1122

³⁰ Валаам: битва за келью, http://www.bbc.com/russian/russia/2015/11/151111_valaam_residents

догмы всеобщего мира. Спорным в этом контексте, по-видимому, считается освящение священнослужителями ракет, атомных подводных лодок и оружия³¹.

Налоговое законодательство в России, дает религиозным организациям значительные налоговые льготы. Не взимается налог на землю, на которой расположены объекты религиозного назначения. Это не относится к другим категориям земель, находящимся в пользовании или собственности Церкви. Новое земельное законодательство не предполагает за религиозными организациями право бессрочного, безвозмездного пользования землей, как это было ранее. Церкви предлагается выкупить или арендовать находящиеся в ее пользовании земли. Церковь считает это требование несправедливым, так как эти участки были своевольно изъяты советской властью и платить за них, да еще по рыночной стоимости, несправедливо³².

В России наблюдается увеличение количества священнослужителей. Каждый год патриархат готовит около 50 тысяч священнослужителей³³. По сравнению с периодом 80-х и 90-х годов «качество» духовенства также улучшилось. Это происходит за счет расширения сети духовных учебных заведений, отказа от рукоположений священников без семинарского образования, прихода в церковные учебные заведения более молодого поколения, которое с детства росло в церковной среде, посещало храмы и воскресную школу, пользовалось свободным доступом к специализированной и религиозной литературе.

Церковь также высоко оценила важность новых медиа и постепенно наращивала свои медиа-объекты. В 2005 году епархией (епархией) в Екатеринбурге был создан ортодоксальный канал «Союз». В том же году началось вещание православного телевизионного канала «Спас». РПЦ также публикует многочисленные газеты, такие как: «Московский Патриарх», «Московский церковный вестник», «Церковь и время», «Православный паломник», «Православная беседа».

³¹ В Украине противники УПЦМП организовали акцию в средствах массовой информации призывающую к рефлексии на тему, не превращаются ли пожертвования на церковь в оружие, от которого гибнут граждане Украины.

³² Н. Митрохин, Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.

³³ Стремительный рост числа приходов мгновенно обнажил недостаток кадров. Еще в первой половине 1980-х годов как минимум 15-20% приходов каждой епархии не имели священников.

Власти также пытаются решить проблему капелланов в армии. В 2010 году начал действовать новый закон, согласно которому священнослужители Церкви, а также муллы и раввины зачисляются в штат воинских частей в качестве помощников командира воинской части по воспитательной работе с постоянным денежным довольствием.

Православие должно открыться для процессов глобализации и соответственно модернизироваться. Такие надежды были связаны с патриархом Кириллом, который стал предстоятелем РПЦ после смерти Алексия II. Кирилл, служивший епископом в Калининграде и отвечавший за международные контакты Православной Церкви, рассматривался как реформатор, который принесёт духовное оживление в Православие. Между тем Кирилл столкнулся с политическими проблемами в форме дальнейшей эмансипации Украинской Православной Церкви после российско-украинского конфликта³⁴.

Важным событием была Встреча патриарха Московского и всея Руси Кирилла и папы римского Франциска состоялась 12 февраля 2016 года в здании международного аэропорта столицы Кубы — Гаваны. Встреча готовилась под покровом секретности. Сергей Чапнин очень критически оценил встречу³⁵: «Патриарх показал своему епископату, что он готов пренебрегать церковным уставом (в подобных вопросах патриарх подчиняется Архиерейскому собору), а епископат в ответ промолчал. В частных разговорах звучало и раздражение в адрес патриарха, и критика, но публично никто высказаться не решился (...) Патриарх единолично принимает ключевые решения, а голос епископата (как Синода, так и собора) — это всего-навсего декоративное оформление патриаршей воли. Второй значимый результат (...) это рост фундаменталистских настроений или, точнее, активизация православных фундаменталистов. Волна жесткой критики, которая обрушилась на патриарха с их стороны, оказалась большой неожиданностью»³⁶.

После десятилетий «церковного возрождения» РПЦ снова переживает глубокий кризис³⁷. Однако кредит доверия Церкви не исчерпан до

³⁴ R. Cheda, Rosyjska Cerkiew od środka. Triumf materii nad duchem, <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Rosyjska-Cerkiew-od-srodka-Triumf-materii-nad-duchem,wid,18161962,wiadomosc.html?ticaid=11791c>, 15.02.2016, 11:12

³⁵ То же в Украине критически оценивали встречу — особенно грекокатолики и УЦП КП.

³⁶ С. Чапнин, Случайная встреча в Гаване. Зачем патриарх обнимался с папой римским?, http://chapnin.ru/articles/sluchaynaya_vstrecha_v_gavane_291/

³⁷ С. Чапнин, Два года после встречи в Гаване. Как развивается диалог РПЦ и Ватикана, 13.02.2018. <http://carnegie.ru/commentary/75517>

сих пор. Социологические рейтинги ставят её в первую тройку наиболее популярных общественных институтов. В последние годы в российском обществе снизилось доверие и лично к патриарху Кириллу. Это произошло как раз в 2016 году, вскоре после встречи в Гаване патриарха Кирилла и римского папы Франциска. В начале года патриарху Кириллу доверяли 7% опрошенных, затем рейтинг упал до критически низких 2–3%, и весь 2017 год оставался на уровне 4–5%³⁸. Комментировал это Сергей Чапнин: «Другими словами, патриарху Кириллу доверяет сегодня около шести миллионов россиян из 146 млн, и в этой ситуации вряд ли можно говорить о православии как о религии большинства, а о патриархе Кирилл как о национальном духовном лидере»³⁹.

Русская православная церковь упустила свой шанс вписаться в современный мир, стать одним из ключевых институтов формирующегося в России и других государствах постсоветского пространства гражданского общества. Многие конфессии стоят теперь перед угрозой стать наблюдателем и критиком, но не участником текущих социальных процессов. Церковь, традиционно стоящая на стороне государственной власти, пользуется своим положением, но в то же время, будучи частью политического имиджа власти, она подвергается политической критике и отсутствию самостоятельности.

³⁸ <https://www.levada.ru/2017/10/26/oktyabrskie-rejtingi/>

³⁹ С. Чапнин, Два года после встречи в Гаване. Как развивается диалог РПЦ и Ватикана, 13.02.2018. <http://carnegie.ru/commentary/75517>

Глава III

КУЛЬТУРА РОССИИ В ГОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Более четверти века назад Советский Союз прекратил свое существование, и началась история новой суверенной России. Распад государства стал решающим фактором для дезинтеграции советской системы. В России резко сократилось влияние коммунистической партии (станового хребта старого режима), она была частично запрещена и возобновила свою деятельность в совершенно ином контексте – как одна из многих действующих политических партий. Весь административно-экономический механизм (всесоюзное планирование, министерства и т.д.) был демонтирован, хотя отдельные его части возобновили функционирование в индивидуальном качестве в новообразовавшихся государствах.

В постперестроечные годы основное внимание уделяли не решению социально-экономических проблем, а рассмотрению вопросов, связанных с идеологией и политической властью. В то время как коммунисты пытались удержать на плаву как можно больше элементов прошлого, как в экономическом, так и в социальном плане, реформаторы в корне отвергали все наследие прошлого и стремились начать преобразования, как говорится, с чистого листа. Создание рынка и демократических институтов насаждалось с той же неистовостью, как это проходило в период преобразований в первые годы после Октябрьской революции. Предполагалось, что если основные западные институты и механизмы трансформировать в Россию, то это автоматически приведет к ее преобразованию в общество западного типа¹.

В реальности перенос таких институтов и механизмов был сопряжен с весьма значительным искажением того социального контекста, в кото-

¹ Коллонтай В. Социальные трансформации в России, Социальные трансформации в России, Киев: Библиотека Украины (LIBRARY.UA). <http://library.ua/m/articles/view/-Социальные-трансформации-в-России>.

ром они должны функционировать. Как следствие, результаты оказались весьма далекими от тех, что ожидалось.

Идеологическую и культурную сферу в России в постперестроечные годы можно охарактеризовать как сферу, претерпевшую множественные изменения. Периоды активности и надежд значительной части общества перемежались с периодами явной апатии, инерции и даже отчаяния. Общественные отношения и системы ценностей исторически были элементами общества, в котором преобладала инерция; они были важными факторами стабилизации и самосохранения общества. Вместе с тем ухудшение жизненных условий и необходимость вести борьбу за выживание обострили общественный подход к здравому смыслу, способствовали усилению независимости мышления и развитию неформальной идеологии.

В то же самое время наблюдался процесс подъема культурной созидательности и независимого мышления по отношению к социальным проблемам. Интерес к образованию, к общественным дискуссиям, к искусству и т.д., широко распространялся в различных общественных слоях. До некоторой степени это являлось показателем растущей уверенности общества в своем будущем (по крайней мере, в части общества)².

Мы сегодня можем уже чуть отстранено смотреть на то, что же происходило и в «лихие» 90-е, и в «тучные» 2000-е, но в любом случае мы еще далеки от понимания нас «сегодняшних». Рассматривая культурную реальность постсоветской эпохи, сложно не спросить: «Что в нас изменилось радикально? А что осталось прежним? Как связана культура с политикой и общественными настроениями? Что просит государство у культуры в обмен на свою поддержку и как ей сохранить независимость?». Эти фундаментальные вопросы мы задаем вслед за известным российским публицистом, автором популярного образовательного курса «Культура как политика», размещенного на ресурсе либерального Открытого университета Юрием Сапрыкиным.

Культурный взрыв 80-х – 90-х годов прошлого столетия, навсегда расколовший духовную сферу российского социума на «советскую» и «постсоветскую», многие современные авторы называют культурной революцией. Юрий Сапрыкин считает, что символической датой ее начала стала вышедшая в эфир ленинградского телевиденья 17 мая

² Самоваров А. Советско-несоветская культура, АПН. Агентство политических новостей. <http://www.kremlin.mil.komunism.apn.ru/index.php?newsid=21242>

1991 г. программа «Пятое колесо». Автор программы Сергей Шолохов и его гость питерский музыкант Сергей Курехин в течение передачи «иногда захлебываясь смехом, сообщают озадаченной многомиллионной аудитории, что Владимир Ильич Ленин был на самом деле грибом, а также радиоволной».

Это была талантливая шутка и импровизация двух интеллектуалов, гениально жонглирующих ссылками на Кастанеду, перемешивая их с догмами официальных «цитатников». Они даже не предполагали какой ядерный эффект вызовут их рассуждения уже на следующее утро. «Люди, которые воспитаны на советском телевидении, советских учебниках истории и советской официальной эстетике, не могут понять, что произошло. В ленинградский обком партии в отдел идеологии приходит делегация старых большевиков и просит им объяснить, буквально со слезами на глазах, что же это было такое: ну, пожалуйста, подтвердите, что Ленин все-таки не был грибом, а был человеком. И секретарь обкома по идеологии приводит удивительный аргумент: что нет, конечно же, он был человеком, потому что млекопитающее не может быть растением»³. Это ярко иллюстрирует ситуацию, в которой оказались общество и искусство в начале 90-х г.

В этот период происходят очевидные культурные трансформации. Скрытые до времени от многомиллионной публики неофициальные, неформальные художественные концепции и течения, «подпольное искусство», в прямом смысле выходят на улицу, врываются в привычное публичное пространство российского обывателя. Оно не ставит целью, да и не хочет бороться с «советским», ему не надо уже доказывать свое право на автономию и независимость от идеологического прессы. Но самим фактом своего легального существования оно взрывает многочисленные идеологические пласты, выворачивает их наизнанку, а подчас просто не обращает внимания на господствующий еще совсем недавно культурный стандарт.

Изменения носят глобальный характер и затрагивают многих представителей самых разных социальных групп. Молодежь с восторгом следит за творчеством ранее гонимых, но сейчас превратившихся в телевизионных звезд музыкантов «подпольных» групп. При этом «взрослые» читают вышедшие многомиллионным тиражом в «Новом мире», еще

³ Несоветская культура: Культура как политика. Образовательный курс.// Открытый университет, Лекция 1. <https://openuni.io/course/1/lesson/1/>

совсем недавно запретные для массового читателя, «Котлован» Платонова или «Доктора Живаго» Пастернака. При этом в таких же журналах можно прочесть крайне радикальную и непривычную прозу Владимира Сорокина и других, так называемых, «скандальных» авторов. Это уже не просто расширение культурного пространства и разрыв шаблонов. Меняется язык культурной коммуникации, рушатся границы долгое время закрытого и формализованного социума⁴.

Важными чертами культурной революции становится разрушение привычных для советского человека институтов культуры. В то же время новые институции появляются крайне неравномерно и несистемно. Даже профессионалы и чиновники от культуры не могут уследить за всеми инновациями и экспериментами, теряя при этом рычаги административного руководства искусством⁵.

В небытие уходит всевластная цензура. Вместо строгих жанровых канонов и идеологической чистоты, за которыми тщательно следили многочисленные худсоветы, возникают новые формы и языки искусства. Новое завораживает, расширяет пространство духовного, но при этом внушает опасение и порождает много случайного и мутного в культуре.

В начале 90-х появляются первые структуры, которые пытаются совместить чистое творчество и коммерцию. Если для советского художника деньги это или пена, мешающая заниматься чистым, некоммерческим творчеством, или гарантированная государством субсидия, которая есть всегда и о ней не нужно даже задумываться, то уже в период перестройки искусство начинает стремительно переходить на коммерческие рельсы.

Так выясняется, что произведения искусства, в том числе подпольного, радикального и некоммерческого, казалось бы, искусства, – это товар, который прекрасно продается на рынке. В 1988 году в Москве проходит аукцион компании «Сотбис», на котором продается неофициальное искусство бывших подпольных художников. Он собирает абсолютно невероятную сумму по тем временам. Главным его хитом становится работа художника Гриши Брускина «Фундаментальный лексикон», которую покупает коллекционер из Мюнхена за 461 тыс.

⁴ Осмоловский А. Как было и как будет? //Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/kak-bylo-kak-budet/>

⁵ Мизиано В. Культурные противоречия тусовки.// Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/miziano-tusovka/>

долларов. Когда заканчивается аукцион, художники понимают, что их представление о реальности совершенно не соответствует тому, как устроен международный арт-рынок и какие суммы на нем зарабатываются⁶.

Отметим, что в перестроечный период интерес к советскому искусству за рубежом невероятен. Отечественные фильмы показывают на кинофестивалях, театры ездят на гастроли, и очень многие художники уезжают на Запад уже не по политическим причинам, а просто потому, что там есть средства на финансирование их проектов.

Но мода на «советское» постепенно проходит. С распадом Советского Союза государственная система финансирования культуры стремительно разрушается, что объясняется неумолимым сокращением бюджетных расходов в начале 90-х.

Со всей очевидностью, глобальные трансформации в постсоветской России произошли в сфере государственной культурной политики. Российским властям в наследство достается огромная советская культурная инфраструктура: сотни и тысячи музеев, театров, домов культуры, деревенских клубов – учреждений, созданных совсем в другое время и совсем для других людей. Зачем это нужно сейчас – не до конца понятно, но почему-то кажется важным, чтобы все эти учреждения продолжали существовать, а их сотрудники продолжали получать зарплату.

Денег на это тратится не очень много. Расходы на культуру в начале 90-х составляют чуть больше 1% бюджета, а эффективность этих вложений можно высчитать по статистическим данным. С 90-го по 2010 г. количество театров в стране увеличивается в полтора раза, количество музеев – вдвое. Меж тем число людей, посещающих театры, уменьшается на треть, а посещающих музеи – аж на 40%.

Есть и другая модель управления культурой – модель покровительства-меценатская. У различных властей, как правило, региональных, всегда существуют любимые артисты, любимые деятели культуры, которым нужно помогать и даже дружить с ними. Нужно выходить на сцену с Кобзоном, нужно приглашать Газманова выступать на городских праздниках, нужно открывать галереи для Шилова и Глазунова,

⁶ Ковалев А. Художественная экономика России – место, где господин де Журден встречается с Великим Гэтсби. //Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/hudekonomika/>

нужно финансировать театр Петросяна, даже если он не показывает никакие спектакли.

Очень многим учреждениям культуры приходится думать о том, где же взять деньги, если не у государства. Их взгляд на собственное будущее выглядит в начале 90-х немного наивно и идеалистически. Все ждут, что вот сейчас волшебным образом народится какой-то новый класс российских меценатов, которые придут и профинансируют театры и галереи, просто за то, что они есть. Однако быстро становится ясным, что всё не так просто. Меценаты настроены совершенно не так идеалистически, их очень мало, и мотивы их как-то сильно отличаются от нарисованных в мечтах деятелей постсоветской культуры.

Спасает только то, что очень многие из начинающих российских предпринимателей вышли из позднесоветской гуманитарной среды, и у них есть врожденное уважение перед культурной сферой. Они понимают, что как-то, пусть несистемно и пусть в каких-то странных формах, но всё равно этому надо помогать.

Делаются первые попытки поставить спонсорскую благотворительную активность на прочную институциональную основу. В 1992 г., например, Борис Березовский учреждает премию «Триумф», которая выплачивает гигантские по тем временам 50 тыс. долларов, самым авторитетным и самым уважаемым деятелям российской культуры. Причем решение о выдаче этих премий осуществляет специально созданный общественный совет во главе с критиком Зоей Богуславской.

Появляются в этой сфере и люди, для которых поддержка культуры становится настоящей всепоглощающей страстью, довольно существенно меняющей их жизнь⁷. Скажем, успешный предприниматель, финансист, основатель Европейского торгового банка Владимир Овчаренко, наверное, в большей степени ради развлечения открывает галерею «Риджина», где вместе с Олегом Куликовым в начале 90-х проводит серию, радикальных, провокационных и зрелищных выставок современного искусства. Постепенно он охладевает к банковскому бизнесу и к концу 90-х превращает галерею в свое основное дело. Интересно, что эта стратегия на длинной дистанции оказывается самой выигрышной. Очень многие из институций начала 90-х в области современного искусства не дожили до наших дней, а у «Риджины» всё в порядке: в 2010 году у галереи открылось представительство в Лондоне, и даже

⁷ Гельман М. Как продавать искусство.// «Отечественные записки», №4(25), 2005.

сейчас, в последние годы, Овчаренко открывает новую ярмарку современного искусства Cosmoscw и новый большой аукцион под названием «Владей».

Западные фонды, которые приходят в страну в середине 90-х, делают попытки выстроить работу уже на совершенно других принципах. Это не просто помощь любимым артистам или попытка собрать деньги на очередной разовый культурный проект – а стратегия, деятельность, рассчитанная на годы вперед по самым разным направлениям.

Фонды Сороса, «Культурная инициатива» и «Открытое общество», расписывают огромную систему грантов для молодых ученых и студентов. 65 тыс. человек получают эти гранты в течение 10 лет. Фонды работают с теми направлениями и теми областями культуры, которые принципиально не способны зарабатывать для себя деньги. Они открывают интернет-центры в регионах страны, они поддерживают региональные библиотеки, закупают для них необходимую новую литературу – в частности, рассылают по этим библиотекам очередные номера толстых литературных журналов. В 1997 году из средств «Открытого общества», а также фондов Форда и Макартуров финансируется первый учебный цикл Европейского университета в Петербурге – одной из самых мощных гуманитарных образовательных институций, которая появилась в постсоветской России.

Культурным институциям приходится всё чаще учить новые слова. Так, в середине 90-х появляется термин «фандрайзинг» – это системная деятельность по привлечению спонсорской поддержки и партнерских инвестиций. И опять же этому новому делу учат российских деятелей культуры западные специалисты. Пожалуй, первым системно работающим примером фандрайзинга становится Российский национальный оркестр Михаила Плетнева, где поиском партнерской поддержки занимается американский специалист Патриция Сирауло, которая оказывается на должности замдиректора РНО.

Фестиваль «Золотая маска», который учрежден в начале 90-х Союзом театральных деятелей, постепенно разрастается и благодаря талантам своей продюсерской команды во главе с Эдуардом Бояковым находит огромное количество постоянно меняющихся спонсоров.

Британец Марк де Мони приезжает в Россию в середине 90-х, вместе со скрипачом Андреем Решетиным учреждает в Питере фестиваль старинной музыки «Earlymusic» и в течение нескольких лет с невероятным блеском находит на него средства в самых разных источниках.

Потом он оказывается уже по другую сторону баррикад, в «Райффайзенбанке», где возглавляет департамент общественных связей и сам решает, какие из культурных проектов финансировать. А затем вместе с дирижером Теодором Курентзисом уезжает в Пермь и делает местный оперный театр лучшим оперным театром в стране, во многом за счет средств, которые ему удается находить во внебюджетных источниках.

Можно предположить, что фандрайзинг на разнообразные культурные проекты заставляет их создателей немного поумерить свой радикализм или степень социальной критики, которая в них содержится. Меж тем, уже к концу 90-х годов у большинства крупных компаний есть отдельно расписанные строки в бюджете на поддержку культуры, и фандрайзинг из какой-то почти партизанской деятельности превращается в системную работу с известным набором организаций, которые могут эти средства предоставить.

Для того чтобы заниматься поддержкой культуры и финансированием культуры в России, необходимы какие-то мощные внутренние стимулы, мощные мотивации. Для кого-то это средства реализации собственных амбиций. Так, например, Владимир Кехман, один из крупнейших импортеров фруктов, к середине 2000-х становится директором Михайловского театра в Петербурге, выделяет средства для его финансирования. Понятно, что за этим стоят личные нереализованные артистические амбиции, возможность сфотографироваться с Еленой Образцовой или даже выйти на сцене в одной из балетных партий.

Для кого-то это важный репутационный момент. Так, Роман Абрамович учреждает некоммерческий фонд «Айрис», который финансирует деятельность центра «Гараж», книгоиздательские и образовательные проекты, а также вкладывает средства в реконструкцию Новой Голландии.

Для кого-то это проявление социальной ответственности бизнеса. Так, например, Алишер Усманов выкупает у американского актера Олега Видова права на золотую библиотеку «Союзмультфильма», а еще позже приобретает на аукционе «Сотбис» коллекцию Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской и возвращает ее в Россию.

Но, наверное, самой продуктивной и самой жизнеспособной стратегией все равно является меценатство, вызванное страстью, верой, неким внутренним стимулом, пусть даже коллекционерским. Множество отечественных коллекционеров создают сейчас культурные институции, которые в значительной степени расширяют поле культуры. Это те

музеи и те организации, до которых у государства точно никогда бы руки не дошли. Так, например, предприниматель Борис Минц на базе своей коллекции собирается открыть музей русского импрессионизма. Один из основателей «Промсвязьбанка» Алексей Ананьев создал Институт русского реалистического искусства. Леонид Михельсон, глава «Новатэк», приобрел здание ГЭС-2 на Болотной набережной в Москве и открывает там вместе с учрежденным им фондом «Виктория» огромный музей современного искусства.

Многие предприниматели поддерживают и финансируют большие и сложные культурные проекты, которые, как им кажется, отражают дух времени. Так, Александр Мамут открывает Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», а основатель Yota Сергей Адоньев финансирует реконструкцию Театра Станиславского и открытие на его основе «Электротeatра» во главе с Борисом Юханановым.

Впрочем, каким бы мотивами ни руководствовались современные меценаты, в этой схеме есть еще один агент – государство, которое иногда вмешивается в подобные проекты самым разрушительным образом. Фонд «Династия» был основан Дмитрием Зиминим, основателем компании «Билайн», и в течение 2000-х годов самым системным образом занимался поддержкой и популяризацией отечественной науки, выдавал гранты ученым и студентам, организовывал научные фестивали, издавал научно-популярные книжки и практически создал новую нишу на книжном рынке нового переводного качественного научно-популярного нонфикшена. В результате всё это закончилось тем, что в 2015 г. фонд «Династия» был признан иностранным агентом, и его деятельность была прекращена по формальному поводу – деньги Зимина шли на финансирование проектов фонда с его же иностранных счетов.

К сожалению, подобная коллизия отношений между художником, культурной институцией и человеком с деньгами, в самой культуре никак отыграна не была. Люди, которые финансируют культурные проекты, в жизни неизменно оказываются гораздо страннее и сложнее, чем их отражение в искусстве – те туповатые новые русские, которых мы видим на страницах книжек и фильмов. В результате в обществе как бы по-прежнему не существует понимания, что культура – это сфера ответственности бизнеса, в том числе, и вообще-то отношения между ними являются каким-то естественным партнерством, а не симбиозом.

Другой сферой, претерпевшей глобальные изменения, стала сфера публичных медиа. На смену ограниченного числа государственных из-

дательств, чья деятельность весьма строго контролировалась властями, пришли бесконечные кооперативные издательства, печатающие на чем угодно, что угодно и в любых тиражах. Удивительно, что в это время кроме откровенно «попсовых» творений, издавалась и гуманитарная литература высочайшего качества.

Констатируем, что какое-то время новое искусство массово востребовано и коммерчески окупается. Это позволяет появиться новым негосударственным автономным организациям, пытающимся перевести очевидный общественный интерес к новому искусству в доход. Одним из признаков коммерциализации культуры и искусства становятся деятельность кооперативных киностудий. Их фильмы показывают в немногочисленных оставшихся кинотеатрах, которые, впрочем, тоже постепенно переходят в частные руки.

Это время благодатная среда для появления новых медиа. В 90-е годы россияне все еще самая читающая нация. Люди выстраиваются в длинные очереди в киоски «Союзпечати» за газетами «Московский комсомолец» или «Сегодня», которые расскажут не только что-нибудь новое, скрытое или запретное раньше, но и сделают это на хорошем языке. Позднесоветские медиа пытаются уйти от суконной советской стилистики и придумать для себя какие-то новые слова, на которых они могли бы разговаривать.

Достаточно быстро становится ясно, что медиа – это еще и бизнес. Однако не все старые профессионалы в сфере СМИ смогли сразу понять, что газета не просто рупор, дающий возможность журналисту учить читателей жизни, но еще и бизнес-предприятие, которое должно приносить доход.

В числе первых на российском медиа-рынке это понимает один из крупнейших российских банкиров Владимир Гусинский. В начале 90-х он создает огромную, успешную и прибыльную медиаимперию, куда кроме популярных газет «Коммерсантъ», «Независимая» и «Сегодня», входят телеканал НТВ, еженедельник «Итоги», радиостанция «Эхо Москвы» и первая в России сеть спутниковых каналов НТВ+. В итоге для Гусинского империя медиа стала главным бизнесом.

Такие радикальные инновации не исключают сохранения и старых средств массовой информации, продолжающих традиционную работу. Однако, сфера СМИ не могла не стать площадкой острых идеологических споров и ристалищ, где сталкивались в мировоззренческих

идеологических баталиях «новое» либеральных и «традиционное» консервативных медиа.

В 90-е медиабизнес активно ищет и создает новые предпринимательские ниши. Особенно заметен поиск новых форм и форматов взаимодействия с публикой. Например, выясняется, что на телевидении могут существовать дискуссионные программы, в них сталкиваются разные точки зрения. Все это называется словом «ток-шоу» и выходит в прайм-тайм. Оказывается, что на радиостанциях можно шутить между песнями, а еще можно позвонить в прямой эфир, и ведущий даст тебе поздравить кого-нибудь из родственников чуть ли не на всю страну. Про глянцево-журналы вообще много всего выясняется, потому что их в течение всего нескольких месяцев открывается чуть ли не десяток. Playboy под руководством Артемия Троицкого – это наполовину полуголые красотки, а наполовину серьезная проза от писателей уровня Виктора Ерофеева⁸.

При этом журналисты таких СМИ не только востребованы и имеют высокий доход, но и понимают, что у такой независимости есть цена и нужно прикладывать усилия, чтобы защитить свою профессиональную свободу. Очевидным это становится во время президентской кампании 1996 г., когда группа российских олигархов начинает вытягивать Бориса Ельцина с его трехпроцентного рейтинга в январе к победе на президентских выборах.

В один момент новые независимые прогрессивные и свободные СМИ в некоторых своих частях вдруг начинают говорить на абсолютно советском пропагандистском языке. На базе «Коммерсанта» начинает издаваться газета «Не дай Бог!». Эта откровенно агитационная газета, разоблачает коммунистов, печатает карикатуры на Зюганова и пишет о том, как плохо было жить при «совке». Ее раскидывают по почтовым ящикам бесплатно, издается она тиражом в 10 млн. экземпляров.

В новостях на крупнейших отечественных телеканалах ежевечерне рассказывают о том, в какой прекрасной форме находится Борис Ельцин и как неприятно выглядит на этом фоне его соперник. Один из руководителей НТВ Игорь Малащенко даже переходит на работу в ельцинский предвыборный штаб, не теряя при этом связи с каналом.

За несколько дней до дня выборов на канале ОРТ выходит в эфир самая популярная передача этого времени – программа «Поле чудес»,

⁸ Тимофеевский А. Пузыри земли. // «Столица», 1991, № 46-47.

в которой участвуют герои шоу с конкурирующего канала НТВ. Это куклы, изображающие ведущих отечественных политиков. Они крутят барабан, и побеждает, естественно, Ельцин.

Наверное, именно в этот момент владельцы больших медиа чувствуют, что за этим стоит не только возможность утверждать какие-то новые буржуазные ценности, не только перспектива получать прибыль, но и огромный инструмент влияния, который можно использовать в каких-то своих тактических целях.

Бедой медиамагнатов становится неумение остановиться в стремлении тотально контролировать власть. Владимир Путин, став президентом, прекрасно понимает, какую силу представляют медиа, находящиеся в руках олигархов. Для Гусинского и Березовского итогом долгих боданий с государством стала потеря и влияния, и бизнеса.

Другим трендом времени становится общая радикализация искусства. Поиск новой эстетики приводит многочисленных творцов к логическому завершению творческих стратегий, к предельной радикализации творческого языка. Такой творческий максимализм нередко пугает массового зрителя или читателя, заставляя его с тоской вспоминать о разрушенном советском каноне. Новой чертой культурных экспериментов 90-х годов становится акционизм и перформанс, предельная интерактивность. Искусство вторгается в ткань обычной жизни, вовлекая в случайного, неподготовленного зрителя во взаимодействие с радикальным творцом, разрушающим привычную эстетику.

На какое-то время в начале «ельцинского» периода казалось, что культурное пространство стало двигаться по рельсам некоего «западного пути», где есть разные типы искусства, которые по-разному существуют, направлены на разную аудиторию, по-разному финансируются. Здесь можно найти и популярные коммерческие медиа, и интеллектуальный мейнстрим, и экспериментальное искусство.

В России достаточно быстро возник коммерческий масскульт. В последствии из этой сферы вышли, в том числе, и многие современные продюсерские центры, студии, фестивали. В то же время совершенно неприиспособленной к коммерческой реальности оказались многие старые организации культуры, потерявшие надежные государственные дотации, например, кинотеатры и кинопрокатная система в целом.

Что касается искусства более экспериментального или, напротив, более академического, – в любом случае некоммерческого, – то и тут начинают возникать свои институты, способные обеспечить устойчи-

вое развитие. Уже упомянутые Фонд Сороса и Фонд Форда берут на себя практически все некоммерческие проекты в гуманитарной сфере. Они субсидируют региональные библиотеки, дают деньги толстым литературным журналам, выделяют гранты разнообразным образовательным и исследовательским проектам. Возникает какая-то подушка безопасности для той сферы, которая осталась без государственного обеспечения.

В начале 2000-х ситуация в культурном пространстве заметно изменилась. Инерция интереса к новому искусству, который демонстрировала позднесоветская гуманитарная среда, была исчерпана. В рыночной среде новые языки и формы творчества не очень то и нужны. Художнику еще надо доказать свое право на существование, добиться самой возможности говорить и быть услышанным.

В этот период культурные площадки все чаще становятся местом жарких споров и конфликтов. В них участвуют не только официальные организации (например, «Идущие вместе» или «Наши»), но и общественные активисты. Особенно заметны группы, называющие себя казаками и православными активистами, методами прямого действия выражающие свое несогласие с художниками. Заметим, что эти скандальные акции становятся предметом жарких полемик, что, тем не менее, свидетельствует об очевидной общественной усталости от радикального искусства.

В начале нашего столетия стали заметны специфические черты сложившихся культурных институций. Мы можем видеть, что в России сложился стабильный и заметный сектор коммерческого мейнстрима и массовой культуры. Наряду с мощными коммерческими гигантами, такими как большие киностудии или крупнейшие издательства, есть широкое пространство для проявления частной инициативы. Скажем, Форум независимых книгоиздателей и многочисленные книжные лавки в разных городах страны, которые устроены по образцу лучшего московского магазина «Фаланстер». Или отдельные продюсеры вроде Александра Роднянского, Романа Борисевича или Сергея Сильянова, которым удается поддерживать вполне честные и бескомпромиссные кинопроекты, которые при этом пользуются большим зрительским вниманием.

Но системы частных институций, поддерживающих некоммерческие радикальные направления в культуре, так и не возникло. Многие западные фонды (например, Фонд Сороса), увлекшись спорами с российскими официальными структурами, свернули или видоизменили свою

деятельность. Им на смену пришли аналогичные как государственные, так и частные отечественные фонды, продолжающие делать много хороших и полезных вещей. Особенно заметны фонды Михаила Прохорова и Владимира Потанина, поддерживающие большое количество проектов в сфере образования и современного искусства, а также финансирующие деятельность множества организаций культуры.

Пожалуй, единственные культурные институты, которым удалось доказать свою ценность и бизнесу, и обществу, и государству – это институции, которые составляют золотой фонд национального достояния России (Большой театр, Музей Пушкина, Государственный Эрмитаж и др.). Они получают государственную поддержку, привлекают достаточно крупные имена из бизнеса в состав своего попечительского совета и при этом ведут автономную и довольно смелую художественную политику.

Пожалуй, самые пестрые и неоднозначные изменения произошли в сфере массовой культуры. Одним из символов этих изменений стала вышедшая в эфир в новогоднюю ночь 1996 г. музыкальное шоу «Старые песни о главном». Впервые нынешние поп-звезды перепели давно знакомые советские песни в костюмах и декорациях, как будто взятых из старых советских фильмов. С тех пор мы видели миллион вариаций на эту тему. Но для середины девяностых это шоу выглядит абсолютно новаторским решением. И в результате невероятный успех «Старых песен» создает абсолютно новый тренд. Именно с этого момента обращение к прошлому, в котором все было хорошо и правильно, для массовой культуры становится едва ли не главным крючком, на который она «цепляет» свою аудиторию, попутно заставляя ее забыть об окружающей реальности⁹.

С точки зрения высокого искусства это всё – низкопробные жанры, рассчитанные на самый усредненный вкус, и говорить тут особенно не о чем. Но на самом деле такое попадание в массовый вкус требует таланта, интуиции, везения. И самое главное, по вещам, которые в этот массовый вкус попадают, всегда очень хорошо видны общественные настроения на тот или иной момент: о чем люди мечтают, чего люди боятся, что вообще происходит у людей в головах.

⁹ См. напр. Старые песни о главном – 1. Будьте здоровы, https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=Fnvrs8SA29w

С началом перестройки с массовой культурой происходят сразу несколько заметных изменений. Во-первых, ее демократизация. Для того чтобы получить доступ к аудитории, тебе уже не нужно быть членом Союза композиторов или Союза писателей, не нужно проходить худсоветы. Ну, например, если у тебя есть старенький синтезатор, ты можешь записать у себя дома альбом, и через неделю он будет лежать во всех ларьках, а через месяц ты будешь выступать на стадионах. Если у тебя есть деньги, чтобы снять кино, ты можешь идти и его снимать, даже не будучи сотрудником «Мосфильма». И не обязательно ждать, пока худсовет утвердит твою заявку. Всё теперь вот до такой степени просто.

Во-вторых, массовая культура становится коммерческой, как и во всем мире. То есть если ты успешен, если собираешь большие аудитории или твой фильм показывают во всех кинотеатрах, то ты уже не получаешь фиксированные гонорары по ставкам «Госконцерта» или «Госкино», ты на этом зарабатываешь: чем больше успех, тем больше твой доход; между успехом и деньгами появляется прямая корреляция.

И, в-третьих, в этот момент в массовую культуру проникают какие-то недоступные, ранее запрещенные темы. В Советском Союзе в публичном пространстве отсутствовала проблематика секса и насилия. Сейчас это становится можно, но по инерции авторы фильмов и сериалов боятся заниматься чистым развлечением, поэтому любой перестроечный боевик, или триллер, или эротическое кино должны еще бичевать какие-то социальные язвы: проституцию, подростковую преступность и так далее.

Но уже в начале девяностых становится заметна сильнейшая реакция на новую откровенность: люди очевидным образом не хотят смотреть, читать, слышать грубую правду об их нынешней жизни, тем более что реальность за окном все равно оказывается жестче и меняется гораздо быстрее, чем успевает фиксировать искусство. В результате главным жанром в массовом кино и на телевидении в начале девяностых неожиданно становится сказка – сказка, которая существует в самых разных версиях, никогда напрямую, а всегда в каких-то превращенных формах.

Сказка, в первую очередь, это телесериал – совершенно новый жанр для российского телевидения. Это бесконечные истории, которые длятся месяцами или даже годами, за которыми нужно следить – до такой степени, что жизнь героев в какой-то момент становится реальнее, чем

твоя собственная. Сериалы, как правило, латиноамериканские, скроены более-менее по одному и тому же сказочному канону – всегда история Золушки, девушки, несправедливо обойденной судьбой, которая находится в подчиненном, униженном, несчастливом положении, и только благодаря тому, что в нее влюбляется какой-нибудь уса́тый красавец, она, наконец, получает давно заслуженные блага и статус.

Сказка проникает и в большое отечественное кино – при том, что прокат разрушен, в кино никто не ходит. Но вот то, что можно назвать коммерчески успешным кино в начале девяностых, – например, фильмы Дмитрия Астрахана, – это тоже совершенно сказочные истории, где добро обязательно побеждает зло, где справедливость обязательно торжествует. Золушка в конце встречается принца, все женятся, но только эти истории помещены в более-менее узнаваемые пейзажи и интерьеры начала девяностых.

Сказка – это, конечно же, телевизионная игра. Тоже новый для телевидения жанр, в котором каждый обычный человек может стать сказочно богат и счастлив, если он в нужное время оказался в студии и правильно закрутил барабан. И тут ему сразу достается главный приз – «ВАЗ-2109», и всё сразу становится хорошо.

И, конечно же, сказка – это телевизионная реклама, которая совершенно гипнотически действует на аудиторию. Потому что любой рекламируемый продукт обязательно обещает сказочное удовольствие, а уж реклама финансовых пирамид совсем уже находится на грани нейролингвистического программирования и при этом вся устроена по сюжету сказки «По щучьему велению». Ты можешь ничего не делать, можешь лежать на печи, а обогащение, благосостояние наступит само каким-то волшебным, непостижимым образом – главное вовремя отнести свои деньги в тот или иной ваучерный или чековый инвестиционный фонд: мы сидим, а денежки идут¹⁰.

Вообще, кажется, что масскульт начала девяностых – это набор разных способов эскапизма, побега от реальности, и сказка – только один из них.

Можно, например, убежать через юмор. Юмористические передачи идут на центральных телеканалах с утра и до позднего вечера. И неважно, насколько глупы такие шутки: если ты погружаешься в этот поток телевизионного юмора, то жить вроде бы сразу становится легче.

¹⁰ Толстая Т. Я планов наших люблю гламурё.// „Русский телеграф”, 10 сентября, 1998.

Или побег через глянец. Появляется огромное количество журналов и телепередач о красивой жизни, в которых счастье представляется как некоторый понятный набор потребительских атрибутов. То есть, его можно купить, ну, или, в крайнем случае, о нем можно помечтать.

И, конечно же, это побег через ностальгию. «Старые песни о главном» принято обвинять в том, что они легитимировали ностальгию по советскому времени, что они создали эту массовую эмоцию. На самом деле, конечно, ничего они не изобрели – скорее, просто открыли задвижку, открыли какой-то важный шлюз, и оттуда хлынул эмоционально заряженный поток, который не иссякает до сегодняшнего времени. Массовое кино и телесериалы с того момента и по сегодняшний день – это всё в большей степени кино про сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы. Именно в этом времени искусство ищет свои сюжеты и своих героев. Это могут быть фильмы о героях войны, или о каких-то выдающихся исторических личностях, или о мужественных силовиках, которые ловят бандитов, шпионов и диверсантов. Так или иначе, к середине двухтысячных из этой продукции создается новый патриотический канон, для которого всё, что было хорошего, всё осталось в прошлом; всё, что было в прошлом, всё было хорошо. Золотой век нашей страны – это советское время. И даже отдельные недостатки или сталинские репрессии общей картины особенно не меняют.

Массовая культура старательно убегает от сегодняшней реальности, а реальность как бы в отместку не дается масскульту. Главная претензия к массовому кино и литературе двухтысячных годов – в том, что всё это не похоже на правду, не похоже на жизнь, в которой мы живем. Вот буквально на уровне деталей, на уровне картинки: операторам как будто не удается ухватить те приметы, которые показывали бы зрителю, что перед ним сегодняшняя Москва или сегодняшняя Россия¹¹.

Какие-то приметы новой реальности проникают в так называемую гламурную литературу. Из книг типа «Duhless» Сергея Минаева или «Casual» Оксаны Робски массовый читатель узнаёт о том, как устроены рублёвские особняки или как развлекаются в дорогах ночных клубах. Но даже в этих книгах новые реалии поданы в модусе отрицания, то есть как нечто фальшивое, ненастоящее, неправильное, что-то такое, от

¹¹ Ревзин Г. Лямбда – чпок? //Art-хроника. <http://artchronika.ru/gorod/>

чего нужно избавиться. И подлинной гармонии с собой герой, конечно, достигает, только сбежав из ночного клуба куда-нибудь в лес или на берег реки, где можно остаться наедине с собой.

Уже в начале двухтысячных мы видим, как постепенно формируется реакция на этот эскапизм масскульта. Пока всё происходит в зонах экспериментального искусства, где самые разные люди в самых разных жанрах пытаются найти какой-то новый язык, на котором можно говорить о реальности, передавать ее в самой грубой и неприукрашенной форме¹².

В театре это, прежде всего, связано с «Театром.doc» и техникой вербатима, то есть пьес, составленных из прямой речи реальных людей, с которыми драматурги проводят многочасовые глубинные интервью. «Театр.doc» выводит на сцену совершенно новый тип героя – это чернокожие студенты, гастарбайтеры, матери солдат, погибших на Чеченской войне, осужденные по «Болотному делу» – в общем, люди, которые не попадают обычно на большие сцены, на экран большого кино или на страницы популярных книжек.

В кино этот процесс проявляется в работах молодых документалистов, которые очень часто связаны с курсами режиссера Марины Разбежкиной, чьи фильмы показывают на фестивале «КИНОТЕАТР.DOC». Именно эти люди формируют новую документальную эстетику и ставят перед собой новые задачи: как снимать жизнь самых обыденных скучных людей; как показывать средствами кино свои реальные жизненные коллизии; как заставить героев не притворяться перед камерой, а быть такими, какие они есть на самом деле; как пробиться к реальности в самом ее подлинном неприукрашенном виде.

Делается это по-разному. Скажем, режиссеры Павел Костомаров и Александр Расторгуев раздают видеокамеры обычным жителям Ростова, с тем, чтобы они снимали себя дома, в быту, в самой такой обыденной обстановке, и потом монтируют из этих съемок фильмы «Я тебя люблю» и «Я тебя не люблю».

Валерия Гай Германика снимает на камеру многочасовой разговор с собственной сестрой, с которой обсуждает свои семейные драмы, и монтирует из этого кино. Интересно, что вот буквально в это же время, сразу же этой грубой и неприкрытой реальностью оказываются заворожены и большое кино, и массовое телевидение, которое тоже

¹² Давыдова М. Наша главная скрепа.// Colta. <http://www.colta.ru/articles/theatre/6638>

постепенно и в разных формах пытается как-то запустить эту реальность на свои экраны, иногда силами авторов и героев вот этой новой документалистики.

Уже в начале двухтысячных появляется новый жанр, импортированный из Европы, – реалити-шоу. Это программы, в которых мы как бы подсматриваем за жизнью обычных людей, видим то, чем они занимаются, когда их никто не видит. Эффект подсмотренной реальности производит на публику совершенно сокрушительное впечатление. Программы первого реалити-шоу типа «За стеклом» бьют все рейтинговые рекорды, их герои становятся звездами общенационального масштаба, но, правда, довольно скоро о них все забывают.

Валерия Гай Германика быстро переходит в большое художественное кино, снимает полнометражный фильм «Все умрут, а я останусь», а затем примерно на том же материале делает для «Первого канала» «Школу» – сериал, в котором словно бы такой ручной дергающейся камерой зафиксирована жизнь обычных подростков из школы на окраине Москвы. Одни из главных кассовых кинохитов последних лет, фильмы «Горько!» и «Горько-2» тоже эксплуатируют новую документальную эстетику: они тоже сняты как бы ручной камерой, которая подсматривает за ходом обычной южнороссийской свадьбы.

Канал «ТНТ», на котором выходит в эфир самое продолжительное реалити-шоу «Дом-2», постепенно все более увеличивает градус документальности и в своих сериалах. Например, новый сезон сериала «Закон каменных джунглей» снимают уже упомянутые выше лидеры нового документального кино Павел Костомаров и Александр Расторгуев.

Надо сказать, что, несмотря на колебания маятника российской массовой культуры, так и не возник новый мейнстрим, то есть массовое популярное общедоступное искусство, которое объясняло бы людям их сегодняшнюю жизнь. На всё это накладываются попытки государства снова создать нормативную эстетику, поддерживать идеологически правильное и эстетически консервативное искусство и не давать хода искусству неправильному. Но почему-то кажется, что все эти попытки обречены и решающую роль тут может сыграть самая грубая коммерция. Ни один канал, ни одна студия не будет снимать и показывать фильмы и сериалы, которые никто не смотрит, которые хороши только тем, что их утвердил худсовет.

На коммерческом телевидении постепенно появляются территории, где может возникнуть этот новый мейнстрим. Так уходят в прошлое

сериалы про ментов и бандитов, формируется новый тип юмора – острого, умного, социально ангажированного. Постепенно возникает тот жанр, в котором сейчас во всем мире принято говорить со зрителями об окружающей их реальности, о сегодняшней их жизни, – сериалы. Если большое кино всё больше уходит в сторону «технологических аттракционов» для подростков, то сериалы, может быть, на кабельных и не самых общедоступных каналах становятся тем жанром, где авторы работают с новыми типами героев, новыми типами отношений, где на сегодняшнем языке пытаются проговорить со зрителями их сегодняшнюю жизнь.

Надежда на появление нового мейнстрима связана именно с этими территориями, где искусство, оставаясь массовым и общедоступным, сможет разговаривать с людьми на равных, не заставляя их убегать от реальности или забываться в каких-то ностальгических снах, а объяснять им то, что со зрителями сейчас происходит, делать их жизнь более понятной и более обжитой, то есть заниматься, собственно, тем, чем и должна заниматься настоящая массовая культура.

Новое понимание того, зачем государству культура, возникает в конце нулевых, причем на уровне отдельных городов. Муниципальные власти в разных городах страны практически одновременно приходят к похожей мысли, что культурные инициативы – это помимо всего прочего способ оживить города, сделать жизнь в них более интересной. Это значит, что молодежь будет меньше стремиться уехать из этих городов, а туристы, наоборот, будут больше в них приезжать. Что будут созданы новые возможности для бизнеса и новые рабочие места. Но самое главное – что люди не будут впадать в тоску, жизнь их станет более яркой и качественной, они все время будут получать новые впечатления, и от этого каким-то незаметным образом создастся общее для всех благо.

Культура в этом понимании – уже не просто театры и музеи. Это и городские фестивали, и пешеходные улицы, и парки, и много других неувимых вещей, которыми теперь начинают заниматься городские власти, определяя это по культурному ведомству.

Двадцать пять постсоветских лет доказывают, что государственная культурная политика очень часто зависит от воли отдельного чиновника и может меняться на 180 градусов с каждым новым назначением. И, может быть, главная проблема в том, что само культурное сообщество не сформулировало понятных правил игры: что можно государству,

а что нельзя. Культурное сообщество не объяснило государству на понятном для него языке, зачем вообще нужна культура: что это не только статья бюджетного финансирования и не только орудие пропаганды, а прежде всего новые возможности. Возможность для людей проживать жизнь более счастливо, возможность более широко мыслить, возможность быть готовым ко всему новому и неожиданному.

Глава IV

МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ. МНОГООБРАЗИЕ И КОНФЛИКТ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

Еще никогда в истории России трансграничные миграции не играли такой огромной роли как сейчас – в экономическом, демографическом, культурном, идеологическом и политическом отношениях. Значительной частью общества эта проблема осознается как ключевая, способная определить траекторию будущего развития страны в целом. Бурные общественные дискуссии, перекинувшиеся на политическое поле, массовые публичные действия, иногда перерастающие в погромы, пристальное внимание масс-медиа, не очень заметная, но интенсивная лоббистская деятельность, интенсивная нормотворческая, институциональная и административная активность государственных органов власти всех уровней – все это свидетельства чрезвычайной озабоченности проблемой.

При этом обычно имплицитно подразумевается, что в конфликтный контакт входят как некие целостные феномены трансграничные мигранты (обычно именуемые просто мигрантами¹) и принимающее общество. Однако, российское общество чрезвычайно разнородно, в том числе, и перед лицом мигрантов. Оно не выступает как единый субъект взаимоотношений. Поэтому выдвигается гипотеза о том, что нет единого принимающего общества. Есть сложный и противоречивый конгломерат акторов и их интересов. Нет и государства как единого актора.

Тем не менее, сложилось общее проблемное поле для осмысления и оценки проблемы: В самом общем виде оно базируется на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития.

¹ С. Н. Абашин, Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм, в: Этнографическое обозрение, 2012, № 4, с. 3-13.

С предыдущими тезисами вступает в противоречие третий. Фиксируемая сейчас различными способами массовая мигрантофобия – возможно единственный фактор, который объединяет патологически атомизированное и раздираемое противоречиями современное российское общество. Можно предположить, что мигранты в качестве общего врага/враждебного чужого, могут стать (или уже становятся) важнейшим механизмом консолидации российского общества и основой современного этапа нациестроительства.

При изучении взаимоотношений мигрантов и принимающего общества преобладает понимание их как единых нерасчлененных и недифференцированных общностей. Имплицитно предполагается, что при очевидной внутренней неоднородности они все же едины перед лицом контрагента. В этом смысле можно говорить об их общей идентичности. Это вполне корректная исследовательская процедура, которая, однако, значительно ограничивает аналитические возможности.

Оставим для отдельного анализа очевидную неоднородность трансграничных мигрантов в современной России. Это мигранты вынужденные и добровольные трудовые. Это выходцы из разных стран, представители различных этнических и религиозных групп, социальных слоев, уровней образования, городского и сельского происхождения. Люди с различными миграционными мотивациями и стратегиями.

Место единого принимающего общества, имеющего общий набор интересов, общие представления об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации, говорящего одним языком, занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться.

Перед лицом миграционной проблемы нет единого государства. В этом главном акторе миграционной политики изначально заложен и чрезвычайно силен феномен «бюрократического плюрализма», когда интересы отдельных ведомств могут далеко расходиться, а механизмы согласования этих интересов слабы и неэффективны. Могут не совпадать и интересы различных бюрократических группировок, кланов и клик, организованных не по ведомственному принципу. Не требует отдельных комментариев и такой важнейший фактор и инструмент управления страной, как системная коррупция.

При выработке миграционной политики государство вынуждено лавировать между соображениями экономической и демографической целесообразности и анти-мигрантскими массовыми настроениями. Не говоря уже о растущей тенденции использовать эти настроения в целях идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть.

Масса проблем и противоречий сформировалась в сфере взаимоотношений центра и регионов. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что миграционная политика теоретически стала монополией федеральных ведомств. Там сосредоточены все соответствующие права, полномочия и ресурсы, институты и нормотворчество. И региональная миграционная политика, в соответствии с законом, понимается как политика центральной власти на местах. Однако величина страны и гигантское разнообразие миграционных ситуаций неизбежно ведет к тому, что эта политика корректируется местными акторами, имеющими собственные интересы и представления о выгодах и рисках. На региональном уровне имеются и свой «бюрократический плюрализм», и борьба интересов кланов и клик. Отдельная проблема связана с местными властями. Неся основную тяжесть решения многообразного и сложного комплекса задач, проблем и конфликтов, они лишены соответствующих ресурсов и полномочий². Все это ведет к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик³.

Отдельно стоит выделить *интересы непосредственных контрагентов мигрантов*. Следствием растущей роли трансграничных мигрантов стало формирование связанного с ними слоя людей, профессиональных групп и институций. Это государственные и муниципальные органы, их служащие и чиновники, регулирующие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнеры, наниматели и наемные, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, производимых и продаваемых мигрантами. Свои интересы и проблемы появились у таких, неожиданных на первый

² Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска//Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2(57). с. 91 – 106.

³ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография, науч. ред. В.И. Дятлов, Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009, с. 16-120.

взгляд, институций, как система высшего и среднего образования, органы здравоохранения и санитарного контроля. Все активнее пытаются влиять на ситуацию профсоюзы. Формируется система неправительственных общественных организаций, национально-культурных обществ, прямо или косвенно заинтересованных в регулировании миграционной ситуации.

Интересы бизнеса. Они сосредоточены вокруг возможности доступа к таким ресурсам, как дефицитный или дешевый труд, источники кредита, инвестиций или товарной массы. Важна также возможность изоляции конкурентов от этих ресурсов. И не случайно закрытие оптово-розничных рынков, запрет на торговлю там для иностранцев, сопровождались упорными слухами о закулисном давлении крупных ретейлерских сетей. Основными инструментами реализации интересов бизнеса являются лоббирование и неформальные практики. Причем и бизнес не представляет собой единого целого, соответственно у разных его слоев и группировок могут быть (и уже сформировались) различные интересы и соответствующая политика в этой сфере.

Интересы политиков. Массовые анти-мигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные анти-мигрантские акции – от бесчинств скинхедов до официально разрешенных Русских маршей. Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы. На ней выстраивают свою стратегию политические партии и движения националистического спектра. Их успех состоит в том, что они стали формировать политическую повестку дня и для остальных сил.

Интересы СМИ. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. Их постоянно обсуждают на уровне неформальных разговоров, слухов, пересудов. Интенсивность этого растет с появлением информационных поводов – обычно из сферы криминальной хроники, а также событий и конъюнктуры на рынках. Отсюда тесная связь этой части информационного поля с местными, региональными и центральными масс-медиа. Самостоятельным и влиятельным участником этого «рынка» становится Интернет. СМИ – это и носитель информации («зеркало»), и самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения

с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформированных масс-медиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Как видим, место некоего единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации, занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, ибо пока еще не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Хотя авторитарный крен в развитии современного политического режима очевиден и усиливается, это не сопровождается формированием эффективной бюрократической системы власти и управления – «вертикаль власти» является скорее недостижимой целью, чем функционирующей реальностью. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

Принципиально важно, однако, что и в научных исследованиях, и в массовых настроениях, и в рамках взгляда, господствующего в масс-медиа, и в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития.

Сторонники идеи развития считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество⁴.

⁴ Ж. Зайончковская, Е. Тюрюканова, Иммиграция: путь к спасению или троянский конь?, в: Миграция в России... Т. 1. Ч. 1, с. 51 – 77.

Приверженцы безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющихся.

Как правило, хотя и не всегда, позиция одной стороны другой стороной или игнорируется, или отвергается без содержательной критики и дискуссии. Видимо, потому, что ценности безопасности и развития понимаются как взаимоисключающие.

Когда же спор о миграции полностью смещается в идеологическую плоскость, сторонник иных взглядов воспринимается не как уважаемый оппонент, к мнению которого стоит прислушаться, а как с порога отторгаемый противник. В адрес тех, кто считает значительные потоки трансграничных миграций и использование труда мигрантов делом необходимым и неизбежным, раздаются прямые или косвенные обвинения в предательстве национальных интересов⁵. В ответ звучат обвинения в расизме и ксенофобии⁶.

Описанная выше ситуация несколько парадоксально сочетается со значительными прорывами в научных исследованиях. Нарботан и осмыслен большой объем эмпирического материала, идут оживленные теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этого этапа подведены в изданной под эгидой Российского совета по международным делам, трехтомной хрестоматии по миграции в России,⁷ в статьях Елены Тюрюкановой⁸ и Владимира Малахова⁹.

⁵ М. Делягин, Некоторые современные аспекты миграционной политики, в: Миграция в России. 2000 – 2012. Хрестоматия в 3 томах, Российский совет по международным делам, под общей редакцией И.С. Иванова, отв. ред. Ж.А.Зайончковская, Спецкнига, Т. 1, Ч. 1, Москва 2013, с. 430-441.

⁶ А. Осипов, Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс, в: Расизм в языке социальных наук, под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова, Алетея, Санкт Петербург 2002, с. 5-69.

⁷ Миграция в России. 2000 – 2012. Хрестоматия в 3 томах, Российский совет по международным делам; под общей редакцией И.С. Иванова, отв. ред. Ж.А.Зайончковская, Спецкнига, Т. 1–3, Москва 2013.

⁸ Е.В. Тюрюканова, Миграционные вызовы ближайшего будущего, в: Миграция в России...Т.1, Ч. 1. С. 313-320.

⁹ В. Малахов, Транснациональная миграция как проблема политической теории, в: Миграция в России..., Т.1, Ч. 1. с. 306-311.

В. Малахов справедливо считает, что исследование собственно миграционного процесса далеко обогнало изучение его политических, психологических и этнокультурных последствий и эффектов. Но, может быть, ещё более тяжелая проблема заключается не в недостаточности научного знания о миграции в целом или каких-то её аспектах, а в очень медленной его диффузии в общественное и властное информационное и идеологическое пространство, в его отторжении по идеологическим мотивам, а то и непонимании. Налицо разрыв между исследовательским сообществом и профессиональными группами, вырабатывающими и проводящими в жизнь миграционную политику. Впрочем, и в научном сообществе неизбежно воспроизводятся, на качественно ином уровне, конечно, споры относительно выбора между развитием и, понимаемой как стабильность, безопасностью. Иногда и они переводятся в идеологическую плоскость.

Еще несколько слов об общей ситуации с изучением трансграничной миграции научным сообществом и её пониманием властями и обществом. С одной стороны, постоянно нарастает интерес к теме. Значимость миграционной проблемы – и осознание этой значимости – породили в нулевые годы огромное количество самых разнообразных по жанрам и уровню текстов. При этом продолжалось отставание темпов осмысления процесса от его динамики, вызванное, помимо масштабов явления, ещё и тем, что не использовались в полной мере ресурсы опыта стран Запада и собственного, российского.

Зарубежные «уроки» служат скорее полем для поиска аргументации собственных взглядов, чем контекстом и средством для комплексного осмысления российской ситуации. Особенно это было заметно при обсуждении и выработке миграционной политики. Проблема «пускать или не пускать мигрантов», например, активно дискутируется до сих пор, несмотря на её очевидную бессодержательность, о чём как раз и свидетельствует опыт развитых индустриальных стран, столкнувшихся с массовой миграцией раньше России¹⁰.

Нередко миграционная проблема рассматривается у нас как абсолютно новая и уникальная для страны. Между тем, её активно и плодотворно изучали и обсуждали в позднеимперской России. Причиной тому

¹⁰ Вот яркие образчики противоположных точек зрения по этому вопросу: Ж. Зайончковская, *Перед лицом иммиграции...*, с. 117-128; М. Делягин, *Некоторые современные аспекты миграционной политики...*, с. 430-441.

был массовый приток китайских и корейских трансграничных трудовых мигрантов на только что присоединённый, практически не заселённый и не освоенный Дальний Восток¹¹. Осознание полной экономической зависимости края от их труда, опасения относительно возможности его «окитаивания» и последующей потери, в сочетании с мощным общемировым ксенофобским синдромом «желтой опасности», делали дискуссии не менее насыщенными и нервными, чем сейчас, вовлекали в них крупнейших ученых, государственных деятелей, администраторов, военных, публицистов¹². Результаты этих дискуссий изучены недостаточно, но и то, что уже введено в научный оборот, инструментально слабо использовано.

После распада СССР – не просто как государства, но как системы взаимоотношений и связей, перед жителями России встал жизненно важный вопрос «Кто мы? Какого рода сообщество представляет собой население государства с этим новым/старым названием?» Его появление фактически ознаменовало начало нового этапа нациестроительства (или даже строительство новой нации), а ответ на него был невозможен без соотнесения себя с «Другими».

Граница, отделяющая «Нас» от «Других», – важнейший фактор национального самоопределения, она несёт в себе ощущение как рисков и угроз, так и огромных возможностей. И одна из наиболее обострённо воспринимаемых и полярно оцениваемых в современной России – ситуация, создаваемая мощным, спрессованным по времени притоком из-за границы многих и многих Других – трансграничных трудовых мигрантов. Он стал важнейшим поводом к национальной саморефлексии. Возможно, эта роль трансграничных мигрантов является сейчас куда более значимой, чем роль экономическая и демографическая.

Сейчас через всё общественное разнообразие красной нитью проходят массовые анти-мигрантские настроения. Это дружно фиксируют все конкурирующие между собой крупные социологические службы. Конечно, неизбежны вопросы о том, что именно они фиксируют, ибо такие настроения могут располагаться в широком диапазоне от неполитизированной бытовой ксенофобии и общего раздражения до

¹¹ А.Г. Ларин, Китайские мигранты в России, Восточная книга, Москва 2009, с. 19-68.

¹² В. Дятлов, Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России, в: Вестник Евразии, 2000, № 1 (8), с. 63-89.

идеологических построений и практики массовых, в т.ч. политических действий¹³. Иначе говоря, фиксируемое социологами массовое нежелание видеть рядом с собой мигрантов может становиться руководством к действию – а может и не быть таковым. Однако последние годы демонстрируют, что раздражение может прорываться массовыми беспорядками и насилиями, что в ходе их могут выдвигаться лозунги вполне политического плана, что набирают силу политические партии и движения, сделавшие подобные настроения инструментом политической мобилизации и борьбы за власть¹⁴.

Причем эти настроения и идеи не концентрируются в отдельных политических, идеологических, возрастных, образовательных, социальных, профессиональных и т.д. сегментах общества. Это – то небольшое, что до аннексии Крыма объединяло большую его часть. А так как анти-мигрантские настроения, прямо или косвенно связанные с мигрантами проблемы и конфликты (как и масса других социальных, экономических, политических конфликтов и проблем) привычно маркируются этнически, то можно предполагать, что мигранты, воспринимаемые этнически и культурно «Чужими», как единая и противостоящая «Нам» группа, оказались необходимым и чрезвычайно востребованным инструментом нациестроительства. Его особенное удобство состоит в том, что он может одинаково свободно использоваться и этническим, и гражданским национализмом.

Масштабы и накал дискуссий вокруг мигрантов свидетельствуют о том, что на это «поле» перемещается борьба за решение ключевых для современного российского общества проблем. Через отношение к мигрантам решается, каким должен быть принцип взаимоотношений общества и государства, на какой основе – этнической или гражданской – должны идти процессы нациестроительства, судьба федерализма, роль и значение границы для общества. Именно мигранты стали тем консолидированным «другим», «чужим», через отношение к которому происходит консолидация общества, идет процесс нациестроительства.

Украинская авантюра, возможно, выведет на первый план иных «чужих» и даст столь необходимых для национального строительства

¹³ См., напр.: В. Дятлов, «И тогда мама взяла обрез...» Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов, Вестник Евразии, 2008, № 4(42), с. 142-176.

¹⁴ Россия – не Украина: современные акценты национализма: сб. Статей, сост. А. Верховский, Центр «Сова», Москва 2014, 308 с.

общих новых (или немного забытых старых) «врагов». Но это тот случай, к которому можно отнести комментарий российского главного раввина А. Шаевича. Говоря о спаде антисемитизма, он грустно отметил: «...сейчас на первое место выходят представители Кавказа. Но меня это не радует»¹⁵.

¹⁵ Адольф Шаевич: чем отличается кошерная водка от некошерной? И чем отличается один главный раввин России от другого главного раввина России?, Новая газета, 5 июля 2010.

Глава V

СТИЛЬ ЖИЗНИ – СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА

В основе развитых культур всегда имеется определенная концепция человека и его жизненного мира, образа жизни, связывающая воедино (цементирующая) ценности, представления о жизни и реальную жизнедеятельность людей¹. Развернутая проблематика стиля жизни включает в себя основные противоречия и альтернативы общественного развития, отражая наиболее важные современные результаты инноваций в экономической, социальной, политической и духовной сферах, вбирая в себя систему критериальных показателей социального развития (уровень и качество жизни, социальное благополучие и социальное самочувствие), и позволяет понять типичные формы поведения россиян второго десятилетия XXI в., способы организации и самоорганизации жизни в конкретных социальных условиях в соответствии с определенными ценностными ориентациями.

Сегодня можно говорить о специфически российском образе жизни, который «сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, а типичные для исторически конкретных социальных отношений, раскрывающие и качественно характеризующие данное общественное устройство», а также о стилях жизни, конкретизирующих, представляющих собой различные «срезы» такого сложного по своей структуре явления, как образ жизни, сформировавшихся при новых экономических, юридических и нравственных принципах устройства российского государства и общества. Как повлияли радикальные изменения в социально-экономических и социально-политических условиях жизни россиян на их повседневную жизнь, являющуюся связующим звеном между обществом и личностью, приз-

¹ А. А. Возьмитель, Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России, Институт социологии РАН, Москва 2012.

наваемую рядом современных социологических концепций «высшей реальностью»? Как это сказалось на человеке – главной цели общественного развития?

В российской социокультурной научной практике более принят термин «образ жизни», подразумевающий форму человеческой жизнедеятельности, типичную для исторически конкретных социальных отношений, позволяющую выделить устойчивые черты жизни и деятельности людей, обусловленные их социально-классовой принадлежностью, родом занятий, региональными и возрастными особенностями, эта традиция идет из советской научной школы. Однако в центре нашего внимания лежат стили жизни как характеристика индивидуальных социально-психологических особенностей образа жизни личности или группы людей, которые характеризуют, в трактовке П. Бурдьё, поведенческие практики в разных полях, досуг и потребление, трудовая деятельность и материальное положение, отношение к политике и религии. Главная задача стиля жизни, как отмечает М. Вебер,² состоит в формировании определенных «условностей» или символов, демонстрация которых приводит к полной стилизации жизни, что позволяет создать статусную группу и сохранить ее. Способы создания этих «условностей» различны, в силу этого и возникает многообразие стилей. Но, решающим здесь является не столько экономическое положение, сколько ценности, отношение, поведение, структура потребляемых благ, на что указывал в своих работах социолог У.Л. Уорнер³. В.А. Шамликашвили отмечает, что особую знаковую систему «широкие слои российского общества довольно успешно применяли для снижения (камуфляжности) наблюдаемых социальных контрастов даже при весьма ограниченной платежеспособности и неразвитости рынка потребительских товаров и услуг, используя «правила игры», характерные для «общества потребления»⁴. Можно предположить, что в каждом конкретном образе жизни существует некий базовый стиль жизни, который способствует формированию стандартов поведенческих практик, придерживаясь которых индивиды идентифицируют себя с опре-

² М. Вебер, Класс, статус и партия, [в:] М.Вебер, Социальная стратификация, ИНП РАН, Москва 1992, В.1.

³ Л. Уорнер, Социальный класс и социальная структура, в: Рубеж: Альманах социальных исследований, 1997, №10, №10-11.

⁴ В.А. Шамликашвили, Модернизация потребления: актуальные задачи исследования и потребления, Известия ИГЭА, 2008, Вып. 4.

деленной стратой, а также он является фактором дифференциации от других общностей. Стили жизни представителей различных классов российского общества, стилежизненные критерии социальной идентификации не случайно в последнее время находятся в поле зрения внимания государства – специфические особенности жизнедеятельности различных групп могут оказывать как стимулирующее, так и сдерживающее влияние на развитие общества, на социальную и политическую активность.

Выступая на презентации проекта «Изменение образа жизни на постсоветском пространстве», В.Ж. Келле отметил: «Говоря об образе жизни, нужно помнить о человеке... Понятие «образ жизни» хорошо тем, что оно ориентирует на изучение того, что может дать страна, общество, культура для образа жизни человека. Но при этом важно учесть еще один момент... Исследование становится интересным, когда человек может выбирать себе определенный образ жизни, когда он привносит свой субъективный вклад в выбор своего образа жизни. В этом случае становится интересно выяснить, какие возможности страна, общество дают для выбора человеком образа жизни»⁵. В рамках действия объективных закономерностей образ жизни, содержанием которого является определенная система ценностей, установок и ориентаций, регулирующая социальное поведение людей, изменяется в силу активной преобразующей деятельности людей.

Последние десятилетия новейшей российской истории предстают как период бурных перемен, кардинально изменивших политическое, социальное, экономическое, культурное пространства страны. Современное российское общество предоставляет человеку все больший индивидуальный выбор продуктов и произведений культуры, возможностей, в целом, что приводит к тому, что жесткие структуры предписываемого по статусу, экономическому положению и др. факторам образа жизни сменяются иными, мягкими совокупностями поведенческих практик, предполагающими возможность свободного выбора самого индивида – стилями жизни. Таким образом, повседневная жизнь в России характеризуется широким набором поведенческих практик.

Поскольку само существование стиля жизни основано на индивидуальности, то функционирование его возможно при обеспечении

⁵ Человек в процессе эпохальных социальных изменений (Материалы теоретико-методологического семинара. 3 октября 2007 г.), под ред. Г.И. Осадчей, Москва 2008, с. 38–39.

условий для формирования определенного уровня индивидуальности – внутреннего мира личности, мира ее потребностей, ценностей, позволяющего субъекту сделать выбор из альтернативных способов жизни.

В конце 2016 г. российская кредитная организация Сбербанк совместно с агентством Validata провела самое крупное качественное исследование в своей современной истории, результатом которого стал отчет о жизни современной молодежи. В пресс-релизе⁶ представлены такие аспекты жизни молодых людей, как обработка информации, отношения с родителями, самовосприятие, установка и ценности, фрустрация и страхи, ожидания от будущего. Исследование проводилось на основе 18 фокус-групп с детьми и молодежью в возрасте от 5 до 25 лет, 5 фокус-групп с родителями, ряд глубинных интервью с родителями и с учителями-экспертами. В частности, там отмечается, что у современной молодежи нет долгосрочных трендов, «социальные сети формируют ощущение потока, в котором все меняется каждую секунду... нет устойчивых предпочтений. Нет постоянной лояльности брендам и стилям одежды, «обязательных списков» в музыке и кино».

Андрей Возмитель, заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН, анализируя результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве»⁷, приводит распределение ответов на закрытый вопрос: «У каждого человека есть свои ценности, реализуемые в жизни. К чему стремитесь Вы? Что из перечисленного ниже наиболее важно для Вас лично?», которое свидетельствует о стабильности ядра (первой тройки) терминальных ценностей россиян: материальное благополучие, семья и работа в конце XX в.; семья, уверенность в завтрашнем дне и работа в начале XXI в. Материальное благополучие отошло на 4-е место, уступив лидирующую позицию уверенности в завтрашнем дне. Можно констатировать, что, наряду с устойчивым ядром главных жизненных ценностей, в их структуре произошли значительные изменения. Важными ее элементами стали уверенность в завтрашнем дне, стремление к богатству, жизни в экологически чистой среде и личной безопасности. Если сравнить изменения в нормах повседневного поведения людей, терминальных и инструмен-

⁶ http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

⁷ А. А. Возмитель, Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России, Институт социологии РАН, Москва 2012.

тальных ценностях, то именно последние, как явствует из результатов указанного исследования, подверглись наиболее существенной модификации. И если Запад идет по схеме «от безопасности личности к безопасности государства», то России присуще всегда было доминирование принципа безопасности государства, иное дело, что с развитием демократического общества и правового государства начинает осуществляться движение по пути «от безопасности государства к безопасности индивида» (хотя это, учитывая геополитические тенденции современного мира, вряд ли окажется осуществимым)⁸. В современном обществе приоритетной становится безопасность как спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности, при этом безопасность мыслится не как состояние (такое определение закреплено в Федеральном Законе 1992г. «О безопасности»), а скорее как готовность и способность сохранять это состояние, характерная как для самого человека, так и для государства и общества. При этом россияне первых десятилетий XXI в. как ценность определяют разные составляющие безопасности, которую еще античные философы отождествляли с благополучием. В ряду этих составляющих – экономическая безопасность, продовольственная, медицинская, личная, общественная, политическая, экологическая и особо выделяется безопасность при получении персональных услуг. Таким образом, можно сказать, что благополучие как ценность не просто уступило первенство в иерархии приоритетов, оно получило новое осмысление, как мы указывали выше, в первую очередь, обратившись к концепции качества жизни, т.е. условий жизнеобеспечения людей.

Возможно, указанное выше определило рождение определенных трендов, различная конфигурация которых и детерминирует становление альтернативных стилей жизни россиян.

Первый тренд (не по значимости) – дифференциация и специализация – означает, в первую очередь, узкоспециализированный подход во всех областях человеческой жизни, появление все новых специализаций и профессий. Во-вторых, порождение разнообразия в потребностях людей и способах их удовлетворения, появление большого спектра атрибутов продуктов, атрибутов-выгод. Многие россияне отмечают, что, то, что раньше делали сами, в последнее время либо передают

⁸ В. С. Поликарпов, В. А. Поликарпова, Дилеммы безопасности человека и общества, Известия ЮФУ. Технические науки, 2004. № 1.

специалистам сферы сервиса, либо готовы это сделать. Происходит это потому, по их мнению, что специалист сделает нечто лучше, часто при этом в конечном итоге затраты меньше, высвобожденное время можно потратить на что-то другое. Согласно исследованиям, чем больше денег зарабатывает индивид, тем больше он занят в процессе труда, следовательно, ценность его времени возрастает. То, как люди распределяют свое время по различным видам деятельности, называют стилем использования времени. Традиционно считалось, что все время можно разделить на две части: рабочее и свободное. Следовательно, все то время, что человек проводит вне работы, – это отдых. Современное же представление о времени подразделяет время на три блока: «оплачиваемое время», «время на выполнение обязанностей» и «личное время» (дискреционное). Личное время – это свободное время или досуг, когда люди не ощущают никакого экономического, юридического, морального, социального или физического принуждения или обязательств. Неличное время – физические процессы, выполнение социальных обязанностей и моральных обязательств. Современный человек готов тратить больше денег на драгоценное личное время и на то, чтобы увеличивать свое свободное время за счет уменьшения времени на выполнение различных неличных обязанностей, обращаясь на предприятия сервиса. Позволяющим, в том числе, полихронически использовать время, т.е. совмещать различные виды деятельности. Мир повседневности – это мир, отличительной чертой которого составляет его непроблематичность, он, по словам А.С.Ахиезера⁹, оказывается «последней баррикадой» защиты общества от роста дезорганизации и хаоса, однако не противостоит изменениям, именно на создание данной платформы и нацелен на современный институт сервиса. В этой плоскости разворачивается формирование особого языка современной субъективности и базовых способов поведения в современном обществе. Принципиально важно, что в конце XX в. произошла радикальная трансформация сложившейся повседневности большинства социальных групп, в частности. Отсутствие повседневной культуры богатства, сложившихся стилей жизни состоятельных людей, которые в обществах Западной Европы зарабатывались поколениями, привело к росту аномалий в этих группах. В то же время, по данным современных социологических

⁹ А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко, История России: конец или новое начало?, издание 2-е изд. испр. и доп., Новое издательство, Москва 2008, 464 с.

опросов, большинство россиян «погрузившись в частную жизнь», именно в сферу «малого мира» семьи, родственных и дружеских отношений, оценивает наиболее позитивно, интересы семьи, связанные с ней цели считает, безусловно, приоритетными¹⁰.

В исследовании Сбербанка, о котором говорилось выше, отмечается такой факт, как установка у молодежи на гедонизм

Второй современный тренд – рационализация, порождающая, в первую очередь, усиленное внимание к соотношению затрат и полученной ценности, как следствие, анализ таких атрибутов продукта, потребляемых людьми, как эстетических, эргономических – степень удобства пользования продуктом; эксплуатационных – степень стабильности сохранения качества в процессе эксплуатации; экономических – степень соответствия цены и ценности, потребности в нем. Рациональность диктует формирование стиля жизни, основанного на ценностной установке адекватного отношения к миру в целом, свойственного свободному и ответственному субъекту, способного контролировать свою жизнедеятельность.

Именно рационализм в большей степени детерминирует внимание к здоровому образу жизни и соответствующим многочисленным стилям жизни, появление последних, больше свидетельствует, с одной стороны, о дефиците «этического отношения к здоровью»¹¹, а с другой, о наличии определенного уровня индивидуальности и субъектности, позволяющего сделать выбор собственного способа жизни из ряда альтернативных. Стоит отметить, что в базовом стиле жизни в центре находится физическое состояние (в первую очередь, тело), а на периферии психическое и нравственное здоровье, что обуславливает интерес к определенной символизации – привнесение телесных знаков, улучшающих имидж субъекта и дестигматизация – стремление избавиться от природных и социальных стигматов (телесных знаков), ухудшающих имидж субъекта.

В рамках этого тренда появился и стиль *Snack culture*; снэк-культура «сжимает» размеры товаров, услуг, информации для более легкого, доступного и быстрого их потребления. Как результат – желание приобретать услуги в экспресс-формате, а информацию в лаконичной визуализированной форме, как результат – акцент на абстрагирование

¹⁰ Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики), В 2 т. Т. 1., М. К. Горшков, изд. 2-е, перераб. и доп., Новый хронограф, Москва 2016, 416 с.

¹¹ М. Я. Виленский, Общее и особенное в педагогических категориях „Здоровый образ жизни” и „Здоровый стиль жизни”, Вестник БФУ им. И. Канта, 2006, №11.

– упрощенное описание или изложение системы, при котором одни свойства и детали выделяются, а другие опускаются, «расколдовывание» – увеличение количества объясняющей всё информации, смоделированности процессов. Современным трендом является – упрощение процесса познания. Данный процесс оказывает большое влияние на поведение людей, через него, в большей степени, в современном мире происходит осознание проблемы или потребности (и в меньшей, через внутренние сигналы), идет поиск информации и ее оценка, приводящие к комплекту осведомленности, комплекту выбора и системе фильтров.

Третий тренд – индивидуализация, которая проявляется в снижении зависимости от группы, увеличении возможности выбора, стремлении к уникальности и отличию от других. Однако в России скорее можно говорить не об индивидуализации, а об атомизации, то есть повышении степени изолированности людей друг от друга. В то же время изменяется и смысл «индивидуализированная личность». Если раньше под таким субъектом понимали человека, отличающегося своими успехами в самореализации, развитии интеллекта, творчества, то в настоящий момент смысл указанного словосочетания становится более расплывчатым, сводящимся к пониманию человека, отличающегося от других благодаря каким-либо атрибутам, при том что современное предложение, в том числе в сфере сервиса, всяческих благ дает возможность приобрести эти атрибуты и составить из них уникальный комплекс отличительных черт. Люди, потребляя услуги, все больше проявляют желание иметь и готовность платить за персонального тренера, диетолога, стилиста, косметолога, индивидуализированные программы тренировок, питания, различные консультирования в бытовых вопросах, в частности клининга. Сегментирование сегодня имеет более сложные основания. Так например, уровень дохода не всегда служит основанием для выбора. Потребители с высоким достатком в разных нишах рационально используют довольно дешевые продукты, в то время как потребители с небольшим доходом, иногда с гедонистических позиций, используют достаточно дорогие продукты; сомнительным является и возраст, люди после 40 отмечают, что не перешли на «возрастные» продукты. Таким образом, большую информацию при сегментировании (или скорее таргетинге) дает именно стиль жизни. Стили жизни молодого поколения все больше отражают борьбу двух особенностей: с одной стороны, невозможность существования без социального взаимодействия, когда важно постоянно быть на связи, обладать высоко ценимыми качествами, которые позво-

ляют легко общаться, беспроblemно взаимодействовать в любой компании и в любой ситуации, а с другой – уверенность в собственной исключительности, появившаяся вследствие прививания этому поколению мысли об их уникальности (многократно повторяющаяся расхожая фраза «каждый ребенок уникален и талантлив»), когда каждый считает себя непохожим на другого, описывает свои увлечения как необычные. В этой ситуации рождается стиль жизни в рамках мейнстима: тотальное следование рекомендациям онлайн-сми, похожесть вопреки представлению о собственной исключительности (вне зависимости от города и уровня материальной обеспеченности).

Четвертый тренд – рефлексивность. Современный человек вынужден выстраивать свою жизненную стратегию в неустойчивом и динамично развивающемся социуме, что приводит к развитию рефлексивности как нового стиля жизни, а также способа преодоления идентификационного кризиса. Находясь под давлением постоянных социальных преобразований, человек не успевает адаптироваться к ним. В последнее десятилетие «идентичность представляет собой результат осознанного личностного выбора, осуществляемого через отождествление человека с какой-либо культурой и образом жизни».¹² Если раньше субъект выбирал и сохранял обретенную идентичность в течение всей своей жизни, то в наши дни реализация подобного сценария встречает множество препятствий, человек существует под напряжением ускоряющегося социального времени, изменяя и совершенствуя себя в соответствии с новым общественным запросом, самоопределение осуществляется многократно. Обращение к себе, как черта определенного стиля жизни, является оптимальным средством для снятия нагрузки, налагаемой на человека современным российским обществом.

Рефлексивность проявляется в том, что у современного человека появляется возможность конструировать (карьеру, идентичность, жизнь) и выбирать осознанно пути развития. Он уже меньше ограничен статическими характеристиками, рассматривает свою идентичность как проект, нуждающийся в инвестициях, развитии, постоянном преобразовании в меняющихся условиях. Причем поиск идентичности является сам по себе современным трендом. Вероятно, здесь можно найти основания

¹² Е. А. Лакизо, Рефлексивность как способ преодоления идентификационного кризиса личности, в: Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история, 2014, № 43.

для появления того, что предсказал Элвин Тоффлер в своей книге «Третья волна», введя понятие «социально-экономического землетрясения», которое породит небывалое стремление людей тотально испытывать эмоции, высшая цель при этом состоит в «превращении жизни в целом в органический поток эмпирических переживаний». Удовольствие стало ценностью современного человека, что, в свою очередь, обусловило повышенный интерес к «эстетике повседневности» – эстетическому оформлению предметно-пространственной среды.

Эстетическое как ценностное отношение к миру и выражающее тяготение к совершенному, одной стороной обращено к биологическому телу человека, а другой – к «неорганическому телу цивилизации», сотворению полезных вещей, к эстетике дизайна. В расширяющемся пространстве неорганического тела цивилизации растет востребованность в дизайнерской деятельности, падает интерес к чистой классической эстетике, ориентированной на красоту метафизическую, духовную, на «искусство в мире прекрасного», на «антиэнтропийный смысл красоты». Более привлекательной становится физическая красота и всё чувственно прекрасное/безобразное, что связано как с биологическим телом человека, так и с его продолжением. С одной стороны, неорганическое тело цивилизации, новые технологии жизни, внедряются в биологическое тело – идет поиск продления жизни красоты телесной, природной, «живой красоты». С другой стороны, человеческое тело наслаждается изобретенным им самим неорганическим телом цивилизации, т. е. продуктами цивилизации и дизайна, и не очень озабочено сохранением этой самой жизни, «живой красоты». Смысл эстетического в современном российском обществе смещается. Если раньше смысл эстетического можно было узреть в стремлении к совершенству, вечной красоте, гармонии, то теперь многое переосмысливается, появляется достаточное количество сторонников легитимности прагматической эстетики повседневности, новых форм художественного выражения, не принимаемых сторонниками классических, традиционных форм искусства, которая, трактуя последнюю как искусство жизни, ориентирована на «демократическое переосмысление искусства вообще».

В XXI в. дизайн начинает интегрировать, включать в орбиту своих интересов виды деятельности по созданию эстетизированной реальности во всех возможных ее проявлениях. Как дизайнерская мыслится работа парикмахера, косметолога, визажиста, модельера одежды, стилиста, имиджмейкера, режиссера массовых зрелищ и средств массовой

коммуникации, администратора, создателя блоков Интернет-пространства – деятельность большого сектора сервиса. Подобная глобализация сферы дизайна, «эстетизация повседневной жизни» при превращении в технологию организации жизни, жизненных стилей терминологически оформляется как «нон-дизайн» (т.е. выходящий за рамки традиционного).

Возможность испытывать положительные и разнообразные переживания становится главной ценностью жизни, важнейшими являются переживания эстетические. Люди заняты созданием «красивой, интересной, приятной и увлекательной жизни». Ключом к постижению эстетики повседневности является интерпретация эстетического как выразительного, а также осмысление стиля как закона формы, ее логики. Закономерная, логически продуманная связь элементов стиля позволяет восстановить целое по одной сохранившейся детали, при взгляде на предмет или человека определить их принадлежность к той или иной культуре. Костюм, интерьер, особенности проявления чувств, – все отмечено особенностями определенного стиля, духа времени. Эстетизация сервисного пространства как креативная технология повседневного мира обуславливает практику производства эстетически ценных артефактов и оформляется как магистральная общекультурная тенденция. Жизненный стиль современного человека через акты социальной коммуникации, а именно, сервисный обмен, конституирует эстетическое пространство.

Обращаясь вновь к исследованию Сбербанка¹³ аспектов жизни молодого поколения необходимо отметить, что в рамках данного тренда рождаются отмеченные в пресс-релизе установки, такие как установка на поиск себя, сформулированная родителями и педагогами, активно транслируемая через массовую культуру и Интернет, установка на гедонизм, когда главный запрос от жизни – быть счастливым, наслаждаться жизнью, получать от нее удовольствие, ценить каждое мгновение и ощущать любовь к себе, при этом появляется понимание, что стать счастливым можно только, если найдешь свой путь, следовательно, трудности расцениваются как результат неверно выбранного пути. Данные установки опираются на следующие ценности: «счастье – это и есть успех» (успех измеряется не богатством и статусом, а разнообразием жизни и удовольствием); «саморазвитие – это модно»

¹³ http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

(центениалы – первое поколение, которое родилось в эпоху Интернета и которое не знает жизни без гаджетов – постоянно говорят о «саморазвитии» и «самосовершенствовании», при этом саморазвитием считается любое увлечение, любая активность «по желанию»; «жизнь хороша, когда она разнообразна» (иначе жизнь кажется скучной, а человек «деградирует», нужно пробовать разное – тогда проще найти свой путь); «работа должна быть в радость (слова «карьера» и «престижная работа» практически не звучат в высказываниях на проведенных фокус-группах, «усиленно работать» – «вкалывать» – молодые люди не готовы, работа должна приносить удовольствие, доход, не отнимать много времени); комфорт (не думают о том, чтобы менять мир или человечество, в первую очередь, хотят сделать комфортной свою жизнь и жизнь близких); признание (ожидают похвалы на любое действие – перенос из детства во взрослую жизнь, признание должно вести к социальной популярности на работе, среди друзей, в социальных сетях); модно быть умным (уметь устанавливать социальные связи, поддерживать разговор на разные темы, быть нескучным). В исследовании выделены фрустрации и страхи молодежи, которые, несомненно, оказывают влияние на выбор или, скорее, создание стиля жизни: страх не оправдать возложенных надежд, необратимости сделанного выбора (центениалам кажется, что при обилии дорог и развилочек, пойти можно только по одной и только один раз); свобода выбора – не помощь, а затруднение (родители не могут помочь в выборе пути, так как сами не знают «как правильно», путь родителей кажется рутиной и однообразием, при этом молодежь очень боится этого однообразия, лишённого ярких впечатлений, спонтанности и интенсивных переживаний). Таким образом, молодое поколение выбирает минимальный горизонт планирования.

Эксперты Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления «Сколково» составили «Атлас новых профессий», которые могут стать престижными и хорошо оплачиваемыми в ближайшем будущем и более отдаленной перспективе. В первой пятёрке – дизайнер эмоций. Получение качественных впечатлений – фундамент сложившегося в российской действительности стиля жизни, высшая цель при этом – превращение жизни в поток эмпирических переживаний. Впечатления добавляют ценности любому продукту – спортивной тренировке, уходу за волосами, потреблению пищи, покупке одежды и т.д. Таким образом, человек ждет создания (переформати-

рование) ценностей, но не продуктов (не потому, что последние создавать не нужно, а потому что их создание уже не требует особенного творчества – оно становится все более стандартизированным). Появление потребности во впечатлениях вполне соответствует теории иерархии потребностей Маслоу: на верхних этажах пирамиды находятся познание, эстетика, самореализация. Когда мы говорим о впечатлениях, мы имеем в виду широкий спектр значения данного понятия: «опыт», «событие», «переживание», даже «квалификация». Впечатления в данном случае нельзя отождествлять с развлечением, которое есть не более, чем одна грань впечатления. Это, скорее переживания, возникающие вследствие попадания, добровольного или вынужденного пребывания в определенном ситуативном контексте, являющиеся результатом внешних стимуляторов на органы чувств, душу и разум, порождающие ценности чувственного, эмоционального, поведенческого характера, ценности «соотнесения», которые замещают ценности функциональные. Нужно отметить, что современный человек ценит не только сенсорные переживания или аффективные, но и переживания-размышления, которые заключаются в пробуждении творческого начала, интеллектуальных переживаний, заставляют человека удивиться, заинтриговать его, может быть, даже переосмыслить свои прежние представления, по-иному оценить перспективы через обучение и получение нового опыта; переживания-действия, прежде всего в отношении собственного тела, долгосрочных моделей поведения и стиля жизни, которые развивают поведенческие ощущения, предлагая альтернативные пути решения проблем, альтернативный стиль жизни, иную практику взаимоотношений; и наконец, переживания-соотнесения, которые имеют широкий спектр: от простой идентификации с референтной группой по стилю жизни, когда люди ощущают внутреннюю связь со значимыми другими, до причастности к весьма сложным и противоречивым структурам. Это разносторонние переживания, возникающие в результате взаимодействия категорий социокультурного значения и потребности человека в обретении собственной социальной идентичности. Основным здесь является выбор стиля жизни и его «основного призыва», обеспечивающего человека дифференцирующей социальной идентичностью, вследствие предложения и популяризации именно данного стиля жизни, его культуры. Он инициирует соотносить себя с собственным идеальным состоянием, способствует формированию образа идеального «я», которому человек хотел бы соответствовать.

Описывая целый спектр переживаний, который важен для современного человека, мы говорим о жажде некого интегрированного холистического опыта, в котором органично сочетались бы элементы ощущений, чувств, размышлений, действий и соотнесения, и затрагивали человека на эмоциональном, физическом, интеллектуальном и даже духовном уровне. Возможно, в данном случае есть некий «уход от реальности».

Пятый тренд – глобализация как процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, который влечет за собой трансформацию всей системы социальных связей индивида, раскрепощает личность, открывает беспрецедентные возможности выбора жизненных стратегий. В ряде случаев глобализация приобретает форму экспансии какой-то национальной культуры; глобальный продукт, принимаемый во всем мире, пользуется успехом потому, что ассоциируется с определенной страной, имеющей в данной области высокий престиж, это ярко проявляется в области парфюмерии и моды. В других случаях, в основе глобализации лежит высокое качество продукта и обслуживания (гамбургеры из «Макдональдса»). Глобализация потребления движется вперед и благодаря повышению мобильности населения: все больше людей путешествуют по миру, как с деловыми целями, так и ради отдыха. Современный тренд – стремление российского потребителя получить продукт и/или обслуживание такой(ое), как, соответствующий мировым стандартам и мировым представлениям о сервисе. На первый план здесь выходят такие критерии, как безопасность, экологичность, этичность. Несомненно, глобализация – это противоречивый, неравномерный процесс, постоянно меняющий свои формы и методы реализации, однако, пожалуй, это один из трендов, влияние которого испытают и которому подчиняются люди с разным стилем жизни. Информация, как показывают последние социологические исследования, уже не является ценностью. Ценностью является способ получения информация, комфортность этого способа, безопасность и т.д. Высока значимость в жизнеобеспечении виртуальных технологий обслуживания, виртуализации производства услуг в целом, которые затронули, так или иначе, практически все сферы услуг.

Таким образом, в настоящее время становится очевидным, что изменение структурных компонентов социума, ускорение общественных процессов, наблюдаемое в российской повседневности, во многом обусловили динамику содержательных характеристик жизнедеятельности

людей. Массовые личностные сдвиги, вызвали изменения в оценочных критериях. Растущая дифференциация показателей благосостояния, жизненных ценностей людей, содержания их деятельности углубляет плюрализацию стилей жизни в современном российском обществе.

Глава VI

РОССИЙСКИЕ СМИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ

Сегодня средства массовой информации являются одним из важнейших инструментов формирования социального пространства. Посредством масс-медиа в нашем сознании отражаются и закрепляются факты действительности, формируется картина мира, расширяются горизонты восприятия и дополняется непосредственный жизненный опыт человека. В современном обществе степень информатизации и развития различных каналов распространения и потребления информации достигла определенного пика. Не менее важным представляется тот факт, что обладание доступом к той или иной информации, переработка и преподнесение информации в определенном виде влияют на мнение общественности не только на обыденном уровне, но и в более масштабном измерении – в сфере общественных, культурных, экономических и политических отношений. Качество и характер медиа-информационных технологий, практика их использования все в большей степени определяют характер жизни общества, поэтому проблема взаимоотношений общества, власти и СМИ приобретает особое звучание.

За последние 25 лет система СМИ в России претерпела значительные изменения. Смена общественно-политической структуры на постсоветском пространстве привела к формированию нового информационного порядка в Российской Федерации и созданию новой системы СМИ. Процессы постсоветской трансформации способствовали складыванию не только новой информационной «повестки дня», но и нового образа России в информационном пространстве мира. Принципиально важную роль в этом процессе сыграли журналисты и масс-медиа.

Начало трансформации российских СМИ было положено в 1985 году и было предопределено провозглашенным Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым курсом на перестройку всех сфер жизни советского общества и гласность. В результате экономических, полити-

ческих и культурных преобразований коренным образом изменилось как отношение власти к СМИ, так и собственно средства массовой коммуникации, в том числе и СМИ, их контент, функции и структура.

Имеет место несколько подходов к определению периодизации постсоветских СМИ. Наиболее подробной представляется классификация, предложенная Я.Н. Засурским¹. Он отмечает, что ситуация в России развивалась неравномерно, и выделяет пять этапов становления новой журналистики, основанной на плюрализме и независимости от государства:

- 1985-1990 гг. – *инструментальная* модель, когда СМИ способствовали осуществлению демократизации сверху, т.е. в руках государства СМИ так и оставались лишь инструментом, но теперь критика журналистов была направлена против бюрократии и прежней командно-административной системы, СМИ становятся инструментом демократизации;

- 1991-1993 гг. – после принятия Закона «О средствах массовой информации» и ликвидации КПСС масс-медиа стали воспринимать себя «*четвертой властью*». Журналистика добилась независимости от государственных структур. Эти несколько лет стали «золотым веком» свободы СМИ, правда, быстро закончившимся из-за экономических трудностей, которые оказались для нового игрока рыночных отношений непреодолимыми;

- 1993-1996 гг. – возрождение авторитарной модели СМИ, но уже под управлением крупного бизнеса, стало ответом на экономические вызовы и неспособность редакций СМИ самостоятельно наладить эффективную коммерческую деятельность. Оказавшись под контролем крупного бизнеса, СМИ вновь стали инструментом в борьбе за власть (что проявилось на выборах президента Б.Н. Ельцина) и за укрепление ее после выборов. Данную переходную модель Я.Н. Засурский назвал «*корпоративно-авторитарной*»;

- 1996-1999 гг. – в этот период наметился значительный разлад среди информационной олигархии, появились отчетливые группировки медиамагнатов, находившихся в состоянии информационных войн (одна – вокруг Б. Березовского и принадлежащих ему средств массовой информации, вторая – вокруг холдинга «Медиа-Мост» В. Гусинского). По мнению исследователя, «появилась еще одна, как бы складывающаяся

¹ Средства массовой информации постсоветской России: Учебное пособие, Я. Н. Засурский, Е. Л. Варганова, И. И. Засурский и др., Под ред. Я. Н. Засурского, Москва 2002, с. 7.

из двух, модель журналистики: с одной стороны, был *корпоративный* бизнес, с другой — *свободная от корпораций* пресса, которая была в явном меньшинстве»;

- 2000 г. — по настоящее время — администрация президента В.В. Путина выдвинула концепцию укрепления государственных средств массовой информации, и возникла новая модель средств массовой информации — *подконтрольных государственных СМИ*. Это стало возможно после создания целого ряда государственных структур, которые стали играть важную роль в укреплении консолидации контролируемых государством СМИ. Развитие этой модели соответствовало стремлению укрепить вертикаль управления в России. Одновременно развивалась и новая модель средств массовой информации в регионах, где СМИ разделились на частные и принадлежащие местным властям, которые также оказывали административное воздействие на работу масс-медиа².

Вместе с вышеописанными политизированными моделями СМИ в России стали складываться другие направления: СМИ коммерциализированные, которые включали в себя массовую журналистику, а также новые медиа электронных коммуникаций.

Таким образом, в условиях трансформирующегося российского общества можно наметить несколько важных и взаимодополняющих процессов в развитии системы масс-медиа.

Первый процесс — *это политизация медиа*. Под политизацией медиа понимают воздействие той или иной идеологии на позицию редакции СМИ и журналистов, втягивание СМИ в политические информационные кампании различных партий, государственных структур, крупных финансовых группировок. На разных этапах трансформации общественно-политической системы российского общества можно выделить несколько разных акторов, использовавших медиа для достижения своих целей. Одной из основных причин зависимости российских СМИ от государственных или финансовых структур, очевидно, является отсутствие традиции независимой журналистики.

Предшествующие 70 лет советские институты массовой информации действовали в соответствии с партийной идеологией, не были свободны в экономической деятельности и полностью зависели от государственной дотационной и протекционистской политики партии. Одними из

² Средства массовой информации постсоветской России: Учебное пособие, Я. Н. Засурский, Е. Л. Варганова, И. И. Засурский и др., Под ред. Я. Н. Засурского, Москва 2002, с. 9.

первых декретов, принятыми молодой советской властью, стали «Декрет о печати», датированный 27 октября 1917 г., и «Декрет о введении государственной монополии на объявления» от 8 (21) ноября 1917 г. «Декрет о печати» запретил все контрреволюционные издания, и хотя термин «цензура» в документе не использовался, фактически была восстановлена неограниченная государственная, политическая цензура. «Декрет о введении государственной монополии на объявления» лишил издания негосударственного типа возможности извлекать финансовую выгоду с размещения рекламы, а, следовательно, и средств к существованию. Так была введена государственная монополия на информационный рынок, которая превратила СМИ в послушную идеологическую, пропагандистскую машину, разъяснявшую для населения генеральную линию партии.

Экономически редакции и печатных, и аудиовизуальных СМИ находились в полной зависимости от компартии, что обеспечивало их лояльность и приверженность официальной позиции по всем социально значимым вопросам. Советский журналист выполняет государственный заказ, цель его деятельности не объективное своевременное информирование, а пропаганда позиций политической элиты.

С провозглашением политики гласности была разрушена система государственного контроля. В 1990 г. был принят закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» (от 12.06.1990 г.), по которому право на учреждение СМИ получали как партийные, общественные, коммерческие организации, так и отдельные граждане. Чуть позже было упразднено учреждение, осуществлявшее политическую цензуру в прессе – Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит). Одновременно с этим в июне 1990 г. было принято решение об учреждении ВГТРК – Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, которая должна была стать собственным агитационно-пропагандистским орудием в руках «демократической» власти. Очевидно, что новое телевидение должно было поддержать в предвыборной гонке на пост президента РСФСР кандидата Б.Н. Ельцина.

После победы на выборах и особенно после неудачной попытки захвата государственной власти ГКЧП в августе 1991 г. новое российское руководство предприняло действия по установлению контроля над ведущими средствами массовой коммуникации, в том числе указы о передаче союзных СМИ в ведение Министерства печати и массовой

информации РСФСР, о передаче телеграфа СССР в ведение РСФСР. Так, в соответствии с Указом от 21 августа 1991 года Всесоюзная телерадиокомпания (Гостелерадио СССР) была передана в ведение Правительства России, а в собственность ВГТРК перешел второй общесоюзный канал. После ликвидации Гостелерадио на его основе была создана Российская государственная телерадиокомпания «Останкино» (указ Президента РФ от 27 декабря 1991 года).

Тот же процесс передачи в подчинение российским властям претерпели союзные информационные агентства. Летом 1990 года в соответствии с указом президента СССР Михаила Горбачева на базе Агентства печати «Новости» (бывшее Совинформбюро) было создано Информационное агентство «Новости» (ИАН), которое уже в августе 1991 г. было передано в ведение РСФСР. Позже на его базе было создано Российское информационное агентство «Новости». Указом Президента РФ от 22 августа 1991 г. РИА «Новости» было передано в ведение Министерства печати и информации, и с сентября 1993 г. РИА «Новости» стало ведущим государственным информационно-аналитическим агентством Российской Федерации. Другое крупное информационное агентство Советского Союза – ТАСС (телеграфное агентство Советского союза) в начале 1992 г. (после распада СССР) превратилось в Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС).

Изменения в системе и структуре медиа значительно ускорились с вступлением в силу нового Закона «О СМИ». В 1991 г. был принят Закон «О средствах массовой информации» (от 27.12.1991), провозгласивший отказ от государственной информационной монополии, и утвердивший право частной собственности на СМИ. Законом была запрещена цензура и провозглашена свобода СМИ, которые получили право на экономическую самостоятельность и осуществление коммерческой деятельности. СМИ получили возможность не быть инструментом в руках политической элиты. В итоге произошла перерегистрация всех изданий, в том числе бывших партийных и ведомственных СМИ. На этой волне в России появился ряд независимых СМИ: 22 августа 1990 г. была создана радиостанция «Эхо Москвы», 21 декабря 1990 г. появилась «Независимая газета». Это одни из первых СМИ в Советском Союзе и России, провозгласившие свою независимость от власти и оппозиции, объективно и полно освещающие общественно-политические и экономические темы и предлагающие разнообразие точек

зрения без навязывания мнения редакции. Однако политическая и экономическая свобода СМИ еще не означает возможность всегда свободно выражать мысли, идеи. Период свободной журналистики, претендовавшей на роль «четвертой власти», продлился недолго.

В условиях самофинансирования жестко конкурирующие между собой СМИ оказались неспособными выйти даже на самоокупаемость, не то, что приносить прибыль. Многие редакции старались использовать все возможные инструменты финансирования, многие стали пренебрегать стандартами качества: появилась откровенно «желтая», бульварная низкопробная пресса; сенсации и непроверенные факты, джинса (адверториал или заказные материалы), «сливы» компромата, дезинформация и просто досужий вымысел стали привычными для масс-медиа элементами контента.

У ряда СМИ появились новые владельцы, которые вскоре стали оказывать серьезное влияние на информационную «повестку дня». С 90-х годов начался процесс сосредоточения медиа-активов под контролем крупного бизнеса, появляются первые медиахолдинги и медиагруппы. Для многих редакций диверсификация финансово-промышленного капитала стала единственным средством выжить. Особенность российского информационного рынка состоит в том, что высокая концентрация СМИ явилась здесь не следствием самостоятельного развития медиабизнеса, а результатом притока банковского или промышленного капитала. Многочисленные СМИ объединялись (концентрировались) в медиапредприятия, которые в свою очередь принадлежали немногочисленным представителям экономической элиты. Изначально медиабизнес рассматривался новыми собственниками как дополнение, информационное сопровождение основного бизнеса, но уже к концу 1995 г. СМИ превратились в послушный инструмент олигархической политики. Б.И. Есин, исследуя основные этапы истории журналистики в России, отметил, что «освободившись от власти одной партии, государства, печать попала в зависимость от капитала, олигархов, администрации»³.

В это период ключевую роль в формировании медиарынка сыграли три «олигарха»: В. Гусинский («Группа Мост», которая объединяла более 40 предприятий, ключевым из которых был «Мост-Банк»), Б. Березовский («ЛогоВАЗ», являвшейся крупнейшим дилером авто-

³ Б.И. Есин, Основные этапы 300-летней истории российской журналистики, в: Вестник московского ун-та, Серия 10, Журналистика, 2003, № 1, с. 15.

мобилей «ВАЗ») и В. Потанин (группа «Интеррос», развившаяся из «ОНЭКСИМ-Банка» и инвестировавшая средства в различные сферы бизнеса). Стоит отметить, что владельцы крупных финансово-промышленных групп по-разному осваивали новую сферу деятельности. Гусинский практически все свои СМИ создавал с нуля (к концу 90-х «Медиа-Мост» контролировал телеканалы НТВ и ТНТ, радиостанцию «Эхо Москвы», газету «Сегодня», журналы «Итоги», «Караван истории» и др.). Березовский и Потанин чаще приобретали уже существовавшие СМИ: Медиагруппа Березовского контролировала телеканалы ОРТ (Первый канал) и ТВ-6, газеты «Коммерсантъ», «Независимая газета», журналы «Коммерсантъ-Власть», «Огонек», а под контролем ЗАО «ПрофМедиа», созданным Потаниным, находились «Известия», «Комсомольская правда»⁴. Конечно, на медиарынке России действовали и другие игроки крупного бизнеса и стали появляться первые иностранные медиа инвесторы, но именно данные медиагруппы (особенно телевидение) сыграли ключевую роль в победе Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г.

Ряд СМИ и журналистов искренне поддерживали непопулярную кандидатуру Ельцина, как альтернативу «пугающего» возврата к власти коммунистов. Фактически, этот страх возврата к «ужасам коммунистической идеологии» в случае победы лидера коммунистов Геннадия Зюганова был целенаправленно сформирован пропрезидентскими СМИ в ходе предвыборной кампании под лозунгом «Голосуй – или проиграешь!». Весной 1996 появились первые номера бесплатной еженедельной газеты «Не дай Бог!», выходившей тиражом до 10 млн. экземпляров и, очевидно, финансировавшейся финансово-промышленными группами. Газета распространялась преимущественно в регионах и разносилась по почтовым ящикам жилых домов. Газета была цветной и отличалась высококачественным полиграфическим исполнением. Главными тезисами предвыборной кампании в целом и данной газеты были аллюзии, вызывающие негативные эмоции: гражданская война, аресты, репрессии, голод. На фоне демонизированного образа главного соперника, СМИ рисовали образ энергичного, уверенного в себе и в победе, жизнерадостного «народного» кандидата Ельцина.

⁴ Медиасистема России: Учеб. пособие для студентов вузов, под. ред. Е.Л. Вартановой, Москва 2015, с. 310-320.

Именно в период предвыборной кампании 1996 года СМИ окончательно превратились в один из субъектов политического пространства, а политические деятели стали субъектами пространства информационного. В данном контексте уместно говорить о втором важном процессе в трансформации отношений медиа и государства на постсоветском пространстве – *это медиатизация политики*. Коммуникация стала системообразующим элементом политики. Политика переместилась в символическое пространство СМИ, превращаясь в телешоу. Информационно-политические материалы представляются в максимально привлекательном и развлекательном формате.

СМИ в 1996 г. было не столько зеркалом, объективно отражающим реальность, сколько «творцом» событий и образов. К концу первого президентского срока бывшая харизма Ельцина исчезла. Рейтинг его популярности по различным опросам общественного мнения не превышал 6%. Россияне были разочарованы результатами «либеральных» реформ (снизился уровень производства, не выплачивались зарплаты и пенсии, война в Чечне). В конце 1995 г. на выборах в Государственную Думу большинство мандатов набрала Коммунистическая партия РФ. Сам Ельцин сомневался в способности баллотироваться на второй срок: он был немолод, болен и непопулярен. Через несколько месяцев он стал президентом РФ во второй раз, причем с довольно заметным отрывом: 54 % голосов против 30 %, отданных кандидатуре Зюганова. Победа Бориса Ельцина на выборах 1996 года была бы невозможной, если бы его не поддерживали крупнейшие российские СМИ. Невозможное стало реальностью благодаря слаженной и эффективной работе политических технологов, СМИ и поддержки представителями крупного бизнеса, в чьих руках находились не только рычаги экономического управления, но и ресурсы масс-медиа.

Огромное влияние СМИ (особенно телевидения) привело к персонификации политического процесса, к его преимущественно эмоциональному восприятию. Не зря появляются такие лозунги, как «Голосуй сердцем», и по всем телеканалам показывают сюжет, в котором Ельцин танцует на сцене, подражая молодым музыкантам, а заявление об уходе с поста президента делается в ходе праздничного поздравления с Новым Годом (31 декабря 1999 г.). Лидеры других политических течений тоже запомнились скорее как герои телевизионных шоу. Как, например, лидер Либерально-демократической партии России В.В. Жириновский ассоциируется с драками в Государственной Думе, ненормативной

лексикой и скандалами. Многим Жириновский запомнился благодаря программе, выходившей на ОРТ, «Один на один», где он плеснул в лицо своего собеседника – Бориса Немцова, апельсиновый сок. В ответ Немцов плеснул в лицо лидеру ЛДПР из своего стакана, но Жириновский увернулся, после чего началась ожесточённая драка. Выпуск программы оказался настолько популярным, что его даже внепланово повторили в эфире телеканала на следующий день. Происходит селебритизация политики: политик наравне со звёздами спорта, сферы шоу-бизнеса и развлекательной индустрии превращается в медийную фигуру.

Процессы медиатизации политики и политизации медиа только усилились с приходом к власти в 2000 г. В.В. Путина. Владимир Путин был неизвестен широкой общественности, став исполняющим обязанности президента Российской Федерации, он оставался для сограждан «темной лошадкой». Необходим был новый образ в символическом пространстве политической системы, это образ был создан средствами телевидения: записав новогоднее обращение к россиянам, Владимир Путин отправился в Чечню отмечать Новый год среди солдат, что широко освещалось всеми СМИ. Поступки и.о. президента сменяли друг друга в сетке вещания ТВ настолько быстро, что СМИ не успевали дать комплексную оценку происходящего, пассивно следуя динамике информационных поводов Кремля. Однако трагические события, связанные с гибелью подводной лодки «Курск» в августе 2000 года, показали, насколько опасными могут быть действия неподконтрольных СМИ. Развернувшаяся информационная война против Путина, угрожала его авторитету в самом начале президентского срока. Фактически его не поддержало ни одно СМИ, кроме РТР (государственного телеканала), остальные выступили с резкой критикой бездействия новой власти, повлекшего смерть российских подводников. После этих событий новая администрация сделала ставку на усиление контроля над СМИ, произведя неофициальный передел медиа-бизнеса, в результате которого самые популярные СМИ России (ОРТ и НТВ, за которыми стояли «олигархи», имевшие собственные политические амбиции и интересы) были переданы другим владельцам. ОРТ перешло от Березовского к Абрамовичу, «Газпром» получил телеканалы НТВ, TNT, радио «Эхо Москвы» и прочие активы «Медиа-Моста» Гусинского. Оказывавшие прежде значительное влияние на политику Ельцина

«олигархи» оказались в «опале», многие эмигрировали из России или прекратили активные действия в медиаполитической среде.

Трансформация проходила в несколько этапов, каждый из которых характеризовался уникальным сочетанием роли и функций института СМИ в российском обществе, что определялось степенью политизированных инвестиций, характером собственности на СМИ и уровнем влияния властных структур на редакционную политику. Таким образом, за последние 25 лет СМИ в России претерпели значительные изменения, можно утверждать, что сегодня полностью закончился процесс трансформации советской медиаполитической системы в новую, российскую, которая предполагает значительную институционализацию власти в структуре масс-медиа. При этом отчетливо видна следующая уровневая структура этой системы.

Первый и важнейший на сегодня уровень российской медиаполитической системы состоит из электронных всероссийских СМИ, в первую очередь федеральных телеканалов, формирующих российское информационное пространство. Большинство из них финансируются государством или политизированным частным капиталом. СМИ первого уровня: информационные агентства (ИТАР-ТАСС, РИА «Новости»), телевидение («Первый канал», «Россия», «НТВ», «Россия 24»), радио (радио «России», «Маяк»), пресса («Российская газета»).

Второй уровень – печатные и электронные СМИ всероссийского, межрегионального и регионального масштаба – представляют коммерческие издания, теле- и радиокomпании. К ним можно отнести всю деловую периодику, а также коммерческие теле- и радиостанции, имеющие выходы в регионы, но не являющиеся общенациональными по охвату аудитории. Коммерческие СМИ не обязательно являются частью медиаполитической системы, т.к. основной целью этих СМИ является получение прибыли, однако в условиях выборов федерального или регионального уровней, или при реализации конкретных информационных кампаний такие СМИ начинают играть важную роль, способствуя затуханию или интенсификации информационных кампаний, многократно увеличивая эффект воздействия на аудиторию. СМИ второго уровня: информационные агентства («Интерфакс», «РБК»), телевидение (СТС, ТНТ, РЕН ТВ), радио («Маяк», «Русское радио»), пресса («Коммерсант», «Комсомольская правда»).

Третий уровень системы – региональные электронные и печатные СМИ, которые, как правило, хотя и не всегда, находятся под контролем

местных администраций или (намного реже) крупных региональных корпораций. В этом отражается не только традиционный для России характер взаимоотношений прессы и власти – имеет значение и реальное распределение власти в регионах. Региональные СМИ помогают вести узконаправленные информационно-политические кампании, ориентированные на региональные аудитории и местное общественное мнение.

Четвертый уровень информационной системы – это Интернет или Рунет (русскоязычный Интернет). Активный рост этого сегмента системы СМИ пришелся на конец 90-х. Сегодня, согласно исследованиям, проведенным компанией W3Techs, более 6 % всех интернет-сайтов в мире используют русский язык, который является вторым по популярности в интернете после английского (53,6 %) ⁵ По сути, Рунет и доступ к англоязычным сайтам – это разнообразный набор коммуникационных каналов, который активно используется всеми элементами медиаполитической системы. Именно эта площадка активно осваивается «внесистемными» СМИ, заявляющим о себе как о демократической оппозиции власти (телеканал «Дождь», радио «Эхо Москвы», радио «Свобода» распространяют свой контент преимущественно через собственные сайты, сообщества в социальных медиа и видео хостинги).

В целом можно сказать, что начиная с 2000-х годов в России, складывается медиаполитическая система, в которой основными институциональными инструментами управления политическими коммуникациями становятся масс-медиа. Для медиаполитической системы России сегодня свойственны следующие характеристики:

- сращивание медийного и политического полей, как результат процесса медиатизации политики;
- возрастающая публичность политической деятельности;
- СМИ выступают главным источниками связи политической элиты с массовым электоратом;
- конструирование в информационной сфере виртуальной политической реальности – трансляция социально-значимых образов, идей, знаний, информации;
- селебритизация политики посредством имиджевых стратегий и рекламных технологий, разрушающих барьеры между публичной и частной сферами жизни, использования телевизионных ток-шоу и интервью;

⁵ Usage of content languages for websites//<https://w3techs.com/technologies/overview/content-language/all>

- однонаправленность вектора медиаполитической коммуникации «сверху-вниз» и отсутствие эффективных механизмов обратной связи аудитории с коммуникатором.

Таким образом, СМИ играют в политической жизни общества определяющую роль, выполняя как репродуктивную (отображают политику через средства массовой коммуникации), так и креативную (конструирующую реальность) функции. Важно, что медиаполитическая система искажает роль СМИ в обществе. Интегрируясь во властные структуры, масс-медиа утрачивает важнейшие функции института информирования и контроля. Как отметил американский политолог Майк Паренти масс-медиа «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникации»⁶. Более того, ряд исследователей признают, что популярные идеи о самостоятельности и независимости СМИ в обществе являются не более чем мифологемами и журналистским фольклором. Так И. Альтшулл в своей работе «Агенты влияния: роль СМИ в жизни общества» пишет, что «на протяжении всей своей недолгой истории средства массовой информации были не более чем слепыми летописцами чужих деяний. Если когда-либо прессе и выпадало играть активную роль, то только потому, что она становилась агентом тех или иных общественных сил или политических движений»⁷.

Политизация медиа сопровождается другим, противоположным по направленности, вектором развития – падением интереса населения к общественно-политической информации, сокращением суммарного времени потребления соответствующих материалов в СМИ. Это приводит к снижению потенциального воздействия масс-медиа на массовое политическое общественное мнение. На этой волне актуализируется развлекательно-рекреативная функция масс-медиа, которая довольно слабо воспроизводилась советской системой СМИ. Вместе с гласностью и импортом в Россию начала 90-х пришли глянцевого журналы. Одним из первых на российский рынок пришел немецкий ежемесячный журнал о моде с выкройками «Бурда». Он издавался с 1987 г. и был

⁶ М. Паренти, Демократия для немногих, пер. с англ. А. А. Обухова, под ред. В. Е. Качанова, Москва 1990, с. 25.

⁷ Цит. по И.И. Засурский, Масс-медиа второй республики, Москва 1999.

первым европейским журналом, допущенным к печати еще при Советском Союзе. С 1995 года, когда был создан Издательский дом «Бурда», немецкий медиаконцерн Hubert Burda Media, вывел на российский рынок множество европейских журналов о моде, стиле жизни, кулинарии, которые были практически недоступны в советское время.

Еще одним бесспорным первооткрывателем рынка российского «глянца» стал Издательский дом Sanoma Independent Media (SIM, до 2005 г. – Independent Media), основанный в 1992 г. Основное направление деятельности Independent Media – женский и мужской глянец – сформировалось в 1994 году, и было связано с выпуском Cosmopolitan, первого глянцевого журнала в России. Интересно, что история этого издательского дома с иностранными корнями отчетливо отражает ход развития российского рынка СМИ в постсоветский период, со всеми его взлетами и падениями, и крутыми поворотами. Дерк Сауер, основатель компании, работал журналистом с восемнадцати лет, был главным редактором большого еженедельника в Голландии, но сам издателем никогда не был. По его же словам, переезд в Россию и открытие здесь своей компании было событием более-менее случайным. В 1989 году компания, в которой он тогда работал, решила выйти на российский рынок. Единственным способом вести бизнес в России тогда были совместные предприятия. Их партнером стал Московский союз журналистов, при участии которого был запущен первый гляцевый журнал в истории российской прессы – Moscow Magazine. «Коммерчески это был большой провал. Совместное предприятие рухнуло, компания, на которую я тогда работал, решила порвать все связи с Россией. Но мне тут очень понравилось! Здесь было интересно, здесь вершилась история – гласность, Горбачев. И люди были мне симпатичны. О легких деньгах речь не шла – я ничего не зарабатывал. Я потерял все, должен был продать дом в Голландии, чтобы вложить сотню тысяч в лопнувший проект. И тогда мы запустили The Moscow Times» – вспоминает Дерк Сауер⁸. The Moscow Times выходила на английском языке и ориентировалась на иностранцев, которых тогда в Москве с каждым днем становилось все больше и больше. Однако ставка на иностранцев в России не дала результатов, продажи газеты были минимальными. И тогда Элен, жена Дерка, предложила попробовать запустить Cosmopolitan. Это

⁸ История русских медиа 1989–2011. Специальный проект журнала «Афиша», в: <https://www.afisha.ru/article/mediahistory/page12/>

и спасло издательский дом. Компания Hearst, которой принадлежит Cosmopolitan, несмотря на малый размер и неизвестность Independent Media, согласилась дать ему лицензию на выпуск журнала в России. Первый номер журнала Cosmopolitan на русском языке поступил в продажу в мае 1994 г. Вскоре Издательский дом Independent Media стал выпускать популярные журналы, как на условиях лицензии, так и новые российские СМИ: «Домашний Очаг», Harper's Bazaar, Men's Health, Esquire, National Geographic и National Geographic Traveler, «Ведомости».

Здесь мы наблюдаем третий важный процесс трансформации системы медиа в постсоветский период – *коммерциализация* СМИ. Развитие рекламного рынка немало способствовало прогрессу журнальной индустрии, и отрасли масс-медиа в целом. Примеров удачного ведения медиабизнеса в России становится все больше. «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar» (издаются группой «Индепендент медиа»), молодежные – «Cool», «Coolgirl» (издательский дом «Бурда»), еженедельник телепрограмм «7 дней» или развлекательный ежемесячник «Караван историй» (бывшие издания «Мост-Медиа», кстати, единственные проекты, которые приносили компании реальную прибыль) – это до сих пор рентабельные издания, востребованные аудиторией и высоко оцененные рекламодателями. Эти издания почти лишены политизированного контента и направлены на удовлетворение информационно-развлекательных потребностей аудитории.

При этом уже к середине 90-х годов произошел переход абсолютного большинства читающей аудитории публики от печатных СМИ к массовым аудио-визуальным медиа, прежде всего, телевидению. Аудитория, которая реально читала печатную периодику (например, такие наиболее популярные в конце 1980 – начале 1990-х годов издания, как «Огонёк», «Московские новости», «Сегодня»), сократилась ко второй половине 1990-х годов примерно в 20 раз: из каждого 1 млн. человек остались примерно 50 тыс. человек.⁹ К середине 90-х россияне превратились из «самой читающей нации» в «общество телезрителя». Основным, если не единственным каналом, удовлетворяющим информационные потребности общества, стало телевидение, предполагающее массовое производство стандартизированного контента и «пассивное»

⁹ Б. Дубин, Медиа постсоветской эпохи: изменение установок, функций, оценок, в: Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2005, № 2, с. 22-29.

восприятие образов реальности зрителями. Телевидение предлагает стандартизированный, массовый медиапродукт, ориентированный и подстроенный под интересы и интеллектуальные запросы среднестатистического зрителя. И, несмотря на то, что основу телесмотрения составили три огосударствленных телеканала (Первый канал, РТР и НТВ после административного расформирования в 1996 г.), количество общественно-политической информации в эфире не было превалирующим. Эфирную сетку заполнили игры-викторины с денежными призами, эстрадные и юмористические концерты и бесконечные телесериалы. Социологические опросы показывали, что зрительские предпочтения в начале 90-х значительно сместились в сторону развлекательного контента: наиболее популярными, «рейтинговыми» телепрограммами стали теле-викторина «Поле чудес», музыкальная викторина «Угадай мелодию», и различные ток-шоу. Весь общественно-политический и познавательный (образовательный) контент постепенно переходит в формат инфотейнмента (infotainment от англ. information – информация и англ. entertainment – развлечение). Блестящим примером материалов в этом жанре стала авторская программа Леонида Парфенова «Намедни», выходившая в эфире НТВ с 1993 по 2004 гг. По словам шеф-редактора программы Николая Картозии, с самого начала ее создатели сознательно ориентировались на американские образцы: отказ от строгого разделения тем на внутривнутриполитические, экономические и международные, уход от традиционной иерархии сюжетов (новый «Гарри Поттер» вполне мог идти перед президентским посланием парламенту), образность в трактовке событий и «овеществление» новостей, повышенный интерес к «неглавным» деталям. Долгие политологические споры о подковерных играх Кремля и Белого дома окончательно вышли из моды¹⁰.

Инфотеймент в медиаполитическом контексте проявляется в том, что из политической реальности масс-медиа стали выбирать только те события, которые могут привлечь внимание массовой аудитории. Популярной для ТВ и таблоидов является тематика личной жизни политиков, например, после развода В. Путина в СМИ активно обсуждались сплетни о возможных избранницах президента. Большой

¹⁰ Дивный информационный мир: 7 главных трендов в медиа, журналистике и общественной коммуникации, в: Русский репортер, 2012, № 04Б <http://www.rusrep.ru/article/2012/09/04/infoworld>

общественный резонанс вызвало освещение деятельности президента по сохранению редких видов животных, а именно видеозапись полета В. Путина на мотодельтаплане во главе стаи редкого вида журавлей. Еще один информационный повод дала администрация президента, когда он в августе 2011 г., погрузившись с аквалангом на дно Таманского залива, поднял две амфоры, датированные VI веком н. э. Это событие вызвало шутки и насмешливые комментарии, как в российских, так и в зарубежных СМИ. После чего, пресс-секретарь Путина Д. Песков в интервью телеканалу «Дождь» признался, что амфоры Путин не находил, а они были подложены заранее, а сюжет с амфорами был придуман, чтобы люди знали свою историю. При этом очень мало внимания уделяется собственно анализу содержания политики – причинам политических событий, деятельности политических институтов, ответственности политических деятелей перед обществом и т. д. СМИ представляют политику как одно из многих развлечений.

За этими тенденциями можно увидеть еще один важный процесс трансформации медиасистемы – *ставка на развлекательность*, с одной стороны, и *массовизация медиа и аудитории*, с другой. Распространение главного принципа рынка максимизации прибыли на информационную сферу приводит к тому, что производители контента стремятся в первую очередь сократить свои издержки. Поэтому акцент в информационной продукции СМИ смещается с общественно значимой проблематики на более прибыльную область развлечений. Деятельность коммерческих масс-медиа подчинена простому правилу – все, что предлагается массам, должно иметь низкую стоимость, поскольку массовая публика обладает низкой покупательной способностью, что, бесспорно, сказывается на качестве контента. На индивида обрушивается шквал развлекательных программ, своего рода «информационный мусор». Таким образом, там, где недостаточно информационной составляющей в изобилии представлен компонент развлекательный. Это четко видно на примере российского телевидения. Основу вещания и телесмотрения в России составляет «большая четвёрка»: Первый канал, Россия, НТВ и СТС. Телеканал СТС полностью сконцентрировался на развлекательном вещании и почти совсем отказался от информационной деятельности. НТВ перепрофилировался в канал скандальной журналистики. Девиз одной из наиболее рейтинговых телепередач «Программы максимум», выходившей в эфире НТВ с 2005 по 2012 гг., «Скандалы, интриги, расследования. Показать все, что

скрыто», превратился в устойчивую идиому русского языка. Первый канал и Россия тоже базируют свою привлекательность для зрителя на высокорейтинговых развлекательных программах и кинопоказах. Причём они делают ставку на высокобюджетные лицензионные и оригинальные развлекательные проекты, игровые и реалити-шоу, например, «Голос», «Танцы на льду», «Цирк со звездами». При этом резко снизилось количество аналитических, образовательных передач, качественной проблемной журналистики.

Одновременно и печатные СМИ двинулись в сторону развлекательного формата. Многие газеты становятся универсально-тематическими, массовыми, т.е. ориентированными на некие усредненные интеллектуальные запросы. В предметно-содержательном плане печатные СМИ создаются такими, чтобы быть доступными всем слоям общества, значительно отличающимся по своим интеллектуальным и социально-демографическим характеристикам. Газеты вынуждены подстраиваться под «среднего читателя», со средними запросами, вынуждены адаптировать проблематику, содержание и формат изложения, активно обращаться к бульварным темам, сенсационности. Некоторые популярные газеты пытаются соединить качественный контент (аналитику, интеллектуальные размышления, конкретные материалы) с непроверенными данными, интимными историями героев, пошлыми скандалами и сенсациями.

Главным СМИ для россиян на протяжении последних двадцати лет остается телевидение: оно является основным источником информации, обладающим высоким кредитом доверия. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ежегодно проводит опрос о том, какие СМИ сохраняют внимание и доверие россиян¹¹.

Основным источником новостей о событиях в стране для большинства наших сограждан по-прежнему остается телевидение, однако его популярность снижается (60% в 2013г., 62% в 2015 г., 57% в 2016 г.). В то же время Интернет (считая одновременно информационные сайты, социальные сети и блоги) сегодня используется для поиска новостных материалов 27% всех опрошенных (в 2013г. – 23% , в 2015 г. – 22%). Можно предположить, что в дальнейшем эта средняя цифра

¹¹ ВЦИОМ Пресс-выпуск №2829 от 07.05.2015, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248>и ВЦИОМ Пресс-выпуск № 3098 от 03.05.2016 <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679>.

будет только расти – поскольку уже сегодня Сеть является главным источником новостей для 62% 18-24-летних, 47% 25-34-летних. Радио, газеты и журналы называют существенно реже (3% и 1% участников опроса, соответственно).

Однако интерес к новостным ТВ-передачам в последние годы снизился, по словам каждого пятого респондента (21%), уже не так интересны, какими были несколько лет назад – в сравнении с 2011 г. этот показатель вырос более чем в два раза (8% в 2011 г.). Тем не менее это не мешает телепередачам центральных каналов оставаться безоговорочным лидером в рейтинге доверия средствам массовой информации. Индекс доверия центральному телевидению сегодня составляет 52 п., при диапазоне от -100 до 100 п. (для сравнения, в 2007 г. – 53 п.): три четверти россиян (75%) выражают доверие данному виду СМИ. Показатель регионального ТВ ниже (37 п.), однако в целом доля респондентов, давших положительные ответы, составляет 65%. Другие же СМИ вызывают доверие менее чем у половины опрошенных. Высокий уровень доверия к телевидению подтверждается еще и тем фактом, что в случае наличия противоречивой информации о каком-либо событии в различных СМИ, именно телевизионному сюжету скорее поверит более половины граждан (53%) – однако в последние несколько лет наблюдается снижение этой доли (с 60% в 2013 г.). Предпочтение сайтам и блогам в этом вопросе отдадут 22% опрошенных. В то же время таким традиционным средствам массовой информации, как радио (3%), газеты (2%) и журналы (менее 1%) респонденты готовы довериться даже меньше, чем «сарафанному радио» (7%).

Несмотря на высокий уровень доверия россиян к ряду СМИ, отношение к журналисту и журналистике в России неоднозначное. Как отметил известный журналист и общественный деятель В. Познер, «в целом в обществе не доверяют журналистике как таковой. Доверяют отдельно взятым и немногим»¹². Это подтверждается недавним исследованием Фонда «Общественное мнение», которое показало, динамику изменения отношения россиян к профессии и социальной роли журналиста¹³. Четверть опрошенных отметили, что журналисты не пользуются уважением в обществе. Эта тенденция отмечается на протяжении всех

¹² В. Познер, Выступление в Сибирском Институте Международных Отношений г. Новосибирск, в: <http://pozneronline.ru/2012/03/1247/>

¹³ Отношение к журналистам // ФОМ <http://fom.ru/SMI-i-internet/11428>

двухтысячных годов, только несколько лет назад этот показатель снизился. При этом подавляющее большинство не смогли назвать имена журналистов, которым доверяет респондент, и мнение которых для респондента авторитетно. Бытует мнение, что журналисты и СМИ манипулируют сознанием аудитории, СМИ и отдельные журналисты ангажированы политиками, владельцами, представляющими интересы крупного бизнеса, рекламодателями.

Бесспорно, сегодня журналисты теряют монополию на функцию информирования и в этом проявляется еще один важный процесс трансформации медиасистемы – *депрофессионализация журналистики*. Новые медиа актуализируют индивидуальные повестки дня, реализуют на практике идею обратной связи, интеракции. Активно развивающийся сегмент социальных сетей и видео хостингов – пользовательский контент (User-generated content), становится важным фактором децентрализации медиасистемы и депрофессионализации журналистики. Очевидно, что современное медиаполе расширяется – за счет взаимодействия с новыми медиа: социальными сетями, блогосферой, подкастами. Российская медиасистема продолжает трансформироваться и развивается преимущественно в направлении конвергенции СМИ, что напрямую связано с развитием интернет коммуникаций. Конвергенция СМИ, социальные медиа, блогосфера свидетельствуют о революционных изменениях, которые приводят к изменению односторонней модели коммуникации к моделям более сложным, децентрализованным, интерактивным. Наиболее интересным представляется соотношение блогинга и традиционной журналистики. Блог является ключевым коммуникативным инструментом интернета. Блог отличается высочайшей скоростью распространения информации. Интерактивные возможности обратной связи в блоге намного шире, чем у других сетевых инструментов. Кроме того, блогинг позволил одному человеку осуществлять массовую коммуникацию, обращаясь к разрозненной, рассредоточенной в пространстве аудитории.

Блогинг в этом контексте близок к понятию «гражданской» или «социальной» журналистики (social media, citizen media). Отличительная черта «новых» СМИ состоит в том, что их содержание создает аудитория. Теперь те, кого мы раньше называли аудиторией стали журналистами. «Люди используют социальные СМИ для выражения своего мнения, творчества, для передачи новостей о своих увлечениях и вообще для «социализации»...они создают свою аудиторию, масштаб

которой может соперничать с размерами аудиторий традиционных СМИ», отмечают авторы книги «Эпидемия контента: Маркетинг в социальных сетях и блогосфере»¹⁴. Более того традиционные СМИ и блогосфера находятся в постоянном взаимодействии, т.к. блоги часто являются источниками уникальной информации, фактически участвуют в процессе формирования «повестки дня», традиционные же СМИ создают информационные поводы для подробного обсуждения их в блоге. Существует также такое явление как «редакционные блоги», когда часть материалов публикуется на сайте СМИ в привычной для пользователей форме блогов, которые ведут сами журналисты. Именно такой площадкой для публикации как «редакционных», так и персональных блогов, стал сайт радиостанции «Эхо Москвы». Поэтому можно говорить не только о связи «традиционных» и «новых» медиа, но и о процессе слияния, конвергенции этих элементов медиа пространства России.

За прошедшие 25 лет российская система СМИ прошла сложный путь преобразований, в результате которого была построена современная медиаполитическая система. Ключевую роль в общественно-политической сфере стали играть СМИ, которым свойственны ангажированность политической элитой и бизнесом, селективный подход к подаче информации и персонализация. Одновременно с этим прослеживается тенденция к массовизации СМИ и ставка на развлекательность контента. Массовая аудитория (в первую очередь зритель) становится менее требовательной и легко воспринимает предложенную СМИ «повестку дня». При этом активно развиваются «новые» сетевые СМИ, которые создают противовес односторонней медиаполитической коммуникации, выстраивая относительно свободное, плюралистическое пространство для непосредственного взаимодействия членов коммуникационного процесса.

¹⁴ МакКоннелл Б., Хуба Д. Эпидемия контента: Маркетинг в социальных сетях и блогосфере, пер. с англ. А. В. Болдышевой, Москва, 2008, с. 10.

Глава VII

СОЦИООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сфера образования занимает особое место в структуре общества, социальных отношениях, общественных процессах. Образование признано как главный фактор развития личности, человеческого потенциала общества; оно призвано благотворно влиять на совершенствование общественных отношений, социальный мир, на социоструктурную динамику; наконец, образование является ведущим фактором экономического развития и нравственного прогресса стран, вступивших в стадию постиндустриального развития. По сути, материальные и финансовые средства, направляемые в образование, являются не просто затратами в социальной сфере, а инвестициями общества, страны, региона, семьи в свое развитие, своё будущее.

Вынесенная на обсуждение тема «Социообразовательные тенденции в России: региональный аспект» требует некоторого пояснения. Под термином «социообразовательные тенденции» мы понимаем процессы, которые протекают в сфере образования и обусловлены более масштабными процессами в экономике, политике, в том числе и образовательной политике, социальной и духовной жизни общества.

Особенностью нашего времени является более реальная оценка того, где находится мир и наша страна, осознание опасностей природных, техногенных, социальных катастроф и потребность в выживании и устойчивом развитии человечества.

Что касается регионального аспекта данной темы, то современная российская социообразовательная ситуация в значительной мере определяется ситуацией в каждом отдельно взятом регионе, связанной с возможностью этого региона обеспечить гражданское и человеческое право подростка и молодого человека на образование. По данным анкетного вопроса, проведенного ИПКРО в конце августа – начале

сентября 2000 г. (N = 889) среди взрослого населения Иркутской области, 75 % респондентов считают, что проблемам образования должно уделяться первоочередное внимание, 17% – считают, что государство должно сначала решить свои экономические проблемы, а затем решать проблемы образования. Только 6% опрошенных ответили, что об образовании «должны заботиться сами граждане, те, кому оно необходимо».

На вопрос: «Как вы оцениваете ситуацию в российском образовании?» ответили:

- скорее как благополучную – 4,1 %;
- больше как благополучную, чем как неблагополучную – 9,4%;
- больше как неблагополучную, чем как благополучную – 37,3%;
- скорее как неблагополучную – 35,5%;
- не имеет определенного мнения -12,7%.

На вопрос: «Как Вы оцениваете ситуацию в сфере образования в Иркутской области?»

- лучше, чем в среднем по России – 1,9%;
- не лучше и не хуже, чем в среднем по России – 33,5%;
- хуже чем в среднем по России – 36,1%;
- затруднялось ответить – 27,2%.

Растет уровень требований к школе как социальному институту. Наряду с традиционными функциями школы «дать минимум знаний» (48,9%), «подготовить к обучению в ВУЗе и техникуме...» (43,8%), жители области отмечают функции развития способностей детей (43,8%), подготовки к выбору и освоению профессии (39,6%), формирования самостоятельности, инициативы, критического мышления (29,1%), обучения здоровому образу жизни (24,1%), развития потребности в самообразовании (23,2%) и др.

В регионе сформировались четыре основных направления в работе образовательных учреждений:

Первое направление – это изменение содержания образования в школе (где образование понимается как целостный процесс обучения и воспитания, как единство содержания и методов учебно-воспитательной работы).

Второе направление – это разработка моделей целостных образовательных систем (развертывание процессов развития образовательных учреждений).

Третье направление – оптимизация взаимодействия школы, сферы образования и социума, компенсация влияния негативных процессов в социальной среде на образовательные процессы.

Четвертое направление – проблемы состояния здоровья детей и валеологизации образовательного процесса.

Складывающаяся в нашем регионе социообразовательная ситуация убеждает в том, что система открытого образования сможет стабильно функционировать и устойчиво развиваться только в том случае, если создаст собственные механизмы самореализации такие как: целевая программа развития системы открытого образования, ассоциативные (самоуправляющиеся) структуры, обеспечат юридическую защиту детей и подростков, сотрудничество с органами социальной защиты населения, образования, здравоохранения, милиции, организует непрерывное повышение квалификации своего персонала.

Результаты социологического опроса родителей «Малозатратные пути повышения роли и ответственности родителей за воспитание подростков» показывают, что жизненные приоритеты семьи претерпели трансформации – главной жизненной целью стало «благополучие детей» (84,2%). Другие цели: «приличный уровень жизни» (73,1%), «мир и стабильность в стране» (62,3%), «успех в жизни» (27,2%), «счастливый брак» (22,1%), «воспитание своих детей как достойных граждан нашего общества» (13,7%), «воспитание в детях национальной гордости принадлежности к России» (5,1%) – имеют значительно более низкие показатели.

Будущее благополучие детей неразрывно связано с образованием, отсюда пристальное внимание родительской общественности к его проблемам, возрастающие требования к уровню и качеству преподавания, работе образовательных учреждений, органов управления образованием.

Сфера образования в России представляет собой сложную социальную систему «открытого типа», т.е. активно взаимодействующую с другими подсистемами общества, испытывающую на себе влияние демографических, экономических, политических, идеологических процессов, протекающих в стране.

Например, по состоянию на 1997 г. в Иркутской области было 1834 образовательных учреждений. В них обучалось 27,1% населения Прибайкалья. В образовании, науке, культуре и искусстве занято 14,6% экономически активного населения области. Легальной преподавательской деятельностью занимались 26,6 тыс. чел.

Важен «ретроспективный аспект». В 1989 г. на 1000 чел. работающего населения – 988 имели высшее и среднее (полное и неполное) образование, в возрасте старше 10 лет – 722/1000. Таким образом, 99% живущего в области населения имеют опыт взаимодействия со школой, длительный опыт своего нахождения в сфере образования, т.е. возможность оценивать, сравнивать, взаимодействовать соответствующим образом.

Большинство учреждений образования принадлежит государству и муниципальным образованиям. В 1996 г. из бюджета области на 1 обучающегося было затрачено 2,022 млн. руб. (неденоминированных). В областном бюджете доля расходов на социально-культурные мероприятия увеличилась с 43,9% в 1990 г. до 64,0% – в 1996 г. (на образование – соответственно 23,3% и 30,7%). (В скобках заметим, что образование жить лучше не стало: учебники изношены, ремонт ведется за счет сборов семей, зарплата учителей не повышалась с 1995 г., а ее покупательная способность значительно снизилась).

Современная структура образования области, особенно основного образования (школьного), сложилась в своих основных чертах в начале 80-х годов. Она соответствовала обществу того типа, его социально-экономическим, демографическим, политическим, идеологическим условиям.

Поселенческие особенности Прибайкалья определили значительную долю начальных школ в общем количестве учебных заведений, а господствующий социальный заказ на обязательное всеобщее среднее образование – преобладание школ, дающих полное среднее образование. Наряду с положительным социальным и культурным эффектом такая структура имела и очевидные недостатки – недостаточную педагогическую эффективность и значительные экономические затраты, направленные на содержание материально-технической базы, а не на организацию учебно-воспитательного процесса. При переходе общества на рыночную модель функционирования и повальной «муниципализации» образования в совокупности с социально-демографическими изменениями эти процессы приобрели большие масштабы и стали негативно влиять на все процессы образовательной сферы.

Все чаще обсуждаются и предпринимаются попытки реструктуризации сети, сокращения и реорганизации образовательных учреждений. Предлагаемые решения входят в противоречие с принципом равенства прав граждан на образование, независимо от места жительства, игно-

рируются социальные процессы в деревне, закономерности функционирования такого фундаментального социального института как семья. В то же время практически не рассматриваются другие варианты решения проблем, в том числе, такие как изменение педагогических технологий, содержания образования в сельской школе, переход от стандартизированных форм организации учебно-воспитательного процесса, характерных для массовой школы индустриального типа к технологиям индивидуального обучения, работе с разновозрастными учебными группами.

Одной из важнейших характеристик системы образования региона является то, что она ориентирована на высокий уровень сформированности образовательных потребностей населения. 40,8%-58,1% опрошенных в 1996-1998г.г. старшеклассников (N=550 чел.) назвали образование одной из основных ценностей в жизни; выше оценивалась только «семья» 40,8%-75,2%. Понимание непрерывности образования также является одной из важнейших характеристик общественного мнения региона. Массовые опросы выпускников 9 и 11 классов школ области, которые традиционно проводят местные органы образования и образовательные учреждения показали, что весной 1997 г. намерение продолжать образование дальше среди выпускников 9 классов высказали 96,5%, выпускников 11 классов – 84,6%, реально продолжили образование 91,7% 9-классников, 74,5% 11-классников. Опросы родителей в 1996 и 1998 годах показали, что 93,0% респондентов в 1996 г. и 96,3% – в 1998 г. хотели бы, чтобы их дети продолжили обучение. При этом 40,2-50,1% опрошенных высказывали сомнение «на сколько хватит денег на обучение».

Конкретные социологические исследования показывают, что участники образовательного процесса вкладывают разный смысл в само понятие «образование», т.е. в рамках школы реализуется несколько образовательных стратегий (жизненных смыслов), а сама школа выступает как полифункциональный феномен.

Потребности населения в образовании дифференцированы. Наблюдается «прагматизация» потребностей старшеклассников в образовании. На вопрос: «Если бы можно было самому решать, ходить или нет в школу, какое решение Вы приняли бы?» старшеклассники отвечали следующим образом:

71,3% школьников заявили, что они «учатся по необходимости, так как надо получить образование», 21,0% – «учатся в своей школе

с удовольствием, им в ней интересно». О том, что потребности детей дифференцируются, говорит и определение ими любимых и нелюбимых предметов. Например, при проведении областного опроса 1998 г. высший рейтинг среди общеобразовательных дисциплин имеют физкультура – 41,2%, математика – 37,1% и история – 33,5%. Всего в качестве любимых предметов названо 27 школьных дисциплин, нелюбимых – 19. Ситуация сильно отличается по разным образовательным учреждениям, возрастам, чтобы говорить о какой-то тенденции. Основными факторами при выборе любимых предметов являются интерес к предмету, профессионализм учителя, содержание учебного материала.

В 76 школах и 216 классах области введено углубленное изучение предметов, им охвачены 21% городских и 5% сельских школьников. По итогам опроса участников областной олимпиады 41,3% ее участников обучается в гимназиях, лицеях, лицейских классах, школах и классах с углубленным изучением предметов. Дифференциация учебно-воспитательного процесса, основанная на внутренней мотивации учащихся в обучении, использовании творческого потенциала педагогических коллективов, представляется положительной тенденцией в организации учебно-воспитательного процесса, важным инструментом развития и становления личности, его жизненного самоопределения.

Однако в ряде случаев дифференциация в образовании вызвана особенностями новой социальной ситуации в стране и регионе, формирующимся социальным неравенством в обществе, и, в свою очередь, может влиять на социальное расслоение общества. Необходимо формирование программ социальной поддержки одаренных детей и их реализация в интересах социального и экономического развития региона.

Характеристика образовательных потребностей населения при оценке социообразовательной ситуации в Прибайкалье включает оценку ситуации на образовательном рынке региона.

Образовательный рынок в регионе определяется следующими параметрами:

- структурой и составом набора образовательных услуг – предложений;
- составом потенциальных потребителей – потенциалом и их спросом на образовательные услуги;
- механизмами функционирования и развития образовательных услуг.

В системе общего образования применение рыночных механизмов в их чистом виде ограничено по нескольким причинам.

Первая из них – это неготовность подавляющей части населения области к тому, что в условиях рынка образование является товаром. 47,1% учащихся убеждены, что образование должно быть бесплатным, 15,1%, что «общее образование должно быть бесплатным, а высшее – платным», 35,7%, что «должно быть и платное, и бесплатное образование». Только 2 человека (0,7%) заявили, что в рыночной экономике образование должно быть платным.

Из родителей учащихся (г. Иркутск, N=237 чел.) – 141 чел. (59,4%) относятся отрицательно к платному образованию. При оценке платного образования родители пишут: «...с платным образованием будут править «недоросли» с деньгами»; «...качество не повышается, преподаватели остаются ни с чем»; «не будет стабилизации в России, ничего не будет»; «платное образование снизит жизненный уровень семьи»; «много будет безграмотных, многие будут сидеть дома»; «не дает хороших результатов. Все введено преждевременно»; «общеобразовательная школа дает знания не меньше, чем платная школа. Туда попадают дети не за знаниями, а кошелек родителя оградил ребенка от проблем общеобразовательной школы»; «не созрело чувство ответственности перед собой, другими, не хватает разносторонне образованных учителей. Не хватает творческого подхода к себе и симпатии к молодому поколению»; «не у всех есть возможность заплатить», «социально-экономическое положение общества не позволяет охватить всех детей, семьям нечем будет оплатить за образование, последствия для общества могут быть необратимы»; «государство, если оно хочет быть процветающим, должно само поощрять и оплачивать тягу людей к знаниям, а не жить за счет денег, взимаемых с людей в качестве платы за образование»; «это приведет к общей дебилизации и безграмотности общества»; «плодим будущих людей с очень богатыми запросами, а не специалистов».

Ответили, что платное образование необходимо – 22 родителя. Среди них, 10 домохозяек, 2 работника школы, 2 – милиции, 1 – правовед, 1 – работник СТО, 1 – работник художественного салона, 1 – бухгалтер. Варианты ответов были следующие:

«...если сами не могут помочь своему ребенку, а возможность есть заплатить, то пусть специалисты делают из него человека, ведь к любому человеку можно найти подход»; «только некоторые виды услуг...»; «только до 11 класса»; «не для всех»; «если есть деньги и желания»; «если оно соответствует мировым стандартам»; «если плата доступна».

«Определили» условия, при которых возможно платное образование – 32 респондента: «когда уровень доходов населения будет выше среднего...»; «при достаточной и своевременной выплате зарплаты», «дифференцированная оплата»; «обязательное образование в пределах школьной программы должно быть бесплатным, дополнительные задания сверх школьной программы могут быть платными, и ни в коем случае не сокращение программы»; «за небольшую плату допустимо»; «школы могут быть платными и бесплатными»; «нужна дотация для родителей, работающих в бюджетной сфере»; «если высокое качество образования», «если учитель уделяет внимание каждому, в классе 10 человек»; «для ленивых и не одаренных детей»; «для одаренных детей – бесплатным», «для одаренных детей – на конкурсной основе – бесплатно».

Вторая причина, которая сдерживает активность образовательных учреждений в поиске нетрадиционных источников финансирования, активизации своих внутренних ресурсов – низкая покупательная способность населения на рынке образовательных услуг.

При той стоимости жизни и уровне производственной активности, которые сложились в нашем регионе, где 74% населения находятся за границей бедности, основные ресурсы семьи направлены на выживание, удовлетворение первичных потребностей (в пище, одежде, безопасности). На образование средств семьи не хватает. Социологические исследования (февраль – март 1998 г.), показывают, что среднестатистическая семья в нашем регионе вынуждена нести затраты, связанные с обучением одного ребенка в школе (вместе с его питанием, расходами на социально-культурные нужды, одежду, учебники и т.п.), в размере 12,8 тыс. руб. в год или свыше 1 тыс. руб. в месяц. Имеется ввиду сезонный характер многих затрат.

Следует отметить и третью причину, сдерживающую активность образовательных учреждений в привлечении внебюджетных средств в сферу образования. В самом общем виде ее можно обозначить как «диспропорции между спросом и предложением на рынке образовательных услуг», неспособность нынешнего преподавательского корпуса к предоставлению услуг, востребованных определенной частью населения.

По традиционным видам учебной деятельности предложение превышает спрос, за исключением позиции «углубленное изучение иностранных языков».

По традиционным формам дополнительного образования, реализуемого как в школах, так и в учреждениях дополнительного образования, спрос и предложение на рынке образовательных услуг более-менее уравновешены, за исключением позиции «спортивно-оздоровительные занятия», где наблюдается значительный разрыв в оценке родителями и учителями потребности в этих видах деятельности, а также, неготовность профессионального сообщества удовлетворить эти потребности.

Анализ готовности учительства к оказанию нетрадиционных и востребованных на образовательном рынке видов услуг показывает неготовность школы к быстрому реагированию на спрос. В то же время интересен факт того, что учительство довольно точно «ощущает» образовательные запросы школьников, значительно точнее, чем родители.

Если при оценке образовательных потребностей населения и прогнозе платежеспособного спроса на образование участники опроса показывают более или менее сходные позиции, то анализ баланса спроса и предложения показывает существенные расхождения. Например, предложения превышают спрос по таким позициям, как устранение пробелов в знаниях (почти в 5 раз), углубленное изучение предметов (в 1,66 раза), подготовка к институту (почти в 2 раза), занятия сверх школьной программы (1,3 раза) и др. В то же время, по таким позициям как спортивно-оздоровительные занятия, предложение не удовлетворяет спрос почти в 4 раза, по обучению работе на компьютерах – в 5 раз. На этом образовательном рынке более активно себя ведут негосударственные образовательные учреждения, высшие учебные заведения. По нашему мнению, здесь в значительной мере процветает «серая экономика», т.е. не зарегистрированные «платные образовательные услуги». Так в Госналогслужбе г. Иркутска зарегистрировались в течение 1994-1998 гг. 58 граждан, ведущих индивидуальную педагогическую деятельность; в то же время, 23,2% старшеклассников г. Иркутска заявили, что для их семьи характерна оплата за репетиторство, 36,4% – за дополнительное образование (кружки, секции). При этом непосредственно в школе оказываются образовательные услуги соответственно 13,2% и 15,8% опрошенных.

Наряду со структурой образовательного рынка важное значение имеет и качество реализуемых образовательных услуг. Это один из наиболее сложных вопросов в организации образования. Современная система управления качеством образования в стране только начинает складываться. Экспертные оценки качества образования часто диаме-

трально противоположны: от признания системы образования России лучшей в мире до крайне негативных оценок. Качество образования разнится по образовательным учреждениям, годам обучения, возрастам учащихся. В наших опросах выше оценивается качество преподавания школьных дисциплин (средний балл – 3,59), отношение учителей к учащимся и родителям (4,0), ниже – уровень внеклассных мероприятий (3,0), условия, созданные для учебы (3,17), введение нетрадиционных дисциплин (2,71). На вопрос «Удовлетворяют ли Вас знания, которые Вы получаете в школе?» в 1998 году ответили «да» – 22,8%, «скорее да, чем нет» – 45,6%, «скорее нет, чем да» – 24,6%, «нет» – 5,9% учащихся. При этом показатели, характеризующие развитие школой общеучебных навыков и творческих способностей школьников, более низки, чем «информационно-знаниевая» компонента школьного образования.

Проблемы воспитания и психолого-педагогической поддержки личности имеют особое значение. Однако в массовом педагогическом сознании по-прежнему основной является обучающая, «урокодательская ориентация» учительства. Цели педагогической деятельности, направленные на формирование жизненных перспектив, социализацию молодого поколения отходят на второй план. Все участники образовательного процесса крайне скромно оценивают результаты работы школы как социализирующего института. Даже в вопросах повышения своей квалификации, организации самообразования педагоги в основном указывают на приоритеты в области преподавания предмета, а не воспитательной работы.

На фоне роста детской и подростковой преступности, других социальных отклонений в подростковой среде это не может не вызывать тревогу.

Исследования Центра профилактики наркомании показывают, что среди старшеклассников не сформировано критическое отношение к алкоголю и наркотикам. Установлено, что 25% опрошенных имеют опыт знакомства с наркотическими средствами и результатами их воздействия. 53,6% – постигли питейную культуру и реально знакомы со свойствами алкогольных напитков. 72% учащихся не имеют или не хотят назвать своих идеалов, отсутствие социально активной жизненной позиции осуждает менее 5% подростков. Воспитательная, профилактическая работа должна быть направлена на создание новых групповых норм, носить неформальный групповой характер, быть эмоционально привлекательной.

В основу работы по совершенствованию региональной системы образования должны быть положены вопросы развития кадрового потенциала образования, приведения его в соответствие с реалиями социально-экономического развития региона.

Необходимо решение следующих актуальных проблем в этой сфере;

- а) восстановление доверия между властью и учительской социально-профессиональной общностью, осуществление мер по стабилизации материального положения и социальной защите педагогических работников;
- б) повышение квалификации и переподготовка педагогических работников, особенно в области воспитательной работы и психолого-педагогического сопровождения развития личности;
- в) стимулирование творческой энергии учительства.

Необходимо также определение и поэтапное решение перспективных задач:

- решение проблемы молодых специалистов и организация работы по их профессиональному росту, восстановление нормальных тенденций в воспроизводстве педагогических кадров;
- развитие системы управления качеством педагогического труда и работа по формированию единого образовательного пространства региона.

Одной из ключевых проблем развития образования в регионе является модернизация системы управления образованием. Формирование современного, хорошо налаженного, эффективного и качественного управления образованием представляется одним из приоритетных направлений в реформировании образования.

Получая и обрабатывая социальную, правовую и педагогическую информацию, «на выходе» система управления призвана выдавать эффективные управленческие решения. В идеале, в условиях общества переходного типа, необходимо создавать модель управления, в которой стихийные механизмы самоорганизации социальных систем дополняются прогностическими возможностями сознательных способов организации общественной жизни. Для такой управляющей системы определяющими являются не цели, а социальные ресурсы, а также переход от «прямого давления» к управлению на основе правовых и хозяйственных механизмов.

В сфере образования области создан значительный организационно-управленческий потенциал. Отрасль сохранила свою управляемость.

В текущем году были заключены соглашения между разными уровнями управления образованием, которые позволили «закрыть» пробелы в законодательстве, связанные с сохранением «управленческой вертикали».

Однако управленческий корпус образования формировался в иных социально-экономических условиях, при иной политической и управленческой культуре, что обусловило неадекватную реакцию на многие управленческие проблемы сегодняшнего дня. Многие работники органов образования испытывают затруднения в организации управленческого процесса, привержены старым стереотипам и технологиям в управлении. В исследовании «Эффективная школа» (Л. А. Порш, 1997) по итогам экспертного опроса специалистов и методистов органов образования областного и районного уровней получены следующие результаты:

Оценивая свою деятельность, работники образования отметили, что в настоящее время у них стало больше возможностей для проявления инициативы в работе (83%) и у других педагогов (76%), что они могли бы работать лучше, чем сейчас (94%), но «происходящее в стране лишает уверенности в себе, в правильности профессиональных действий и личных поступков» (96%), а «недостаток знаний по психологии затрудняет восприятие и применение на практике новых педагогических идей, диагностирование способностей руководителей школ, учителей» (42%). Из 30 опрошенных участников семинара-совещания руководителей органов управления образованием, 8 человек находятся в затруднительном положении относительно решения стоящих перед ними управленческих проблем, а еще 7 человек имеют «кое-какие наметки в неоформившемся виде», т.е. половина опрошенных не имеет четкого представления о том, как будут решаться проблемы образования на их территориях. Это не может не тревожить, так как именно на этой категории руководителей лежит ответственность за развитие образования своих территорий. Обращает на себя внимание неопределенность в формулировании проблем руководителями органов управления образованием, они сформулированы часто предельно обще, например «содержание материально-технической базы», «качество знаний», «малокомплектная школа» и т.п. Исследования показывают разнообразие местных условий, в которых работают руководители образования, необходимость их учета в конкретной деятельности.

Что является «базой идей» наших руководителей при принятии ими управленческих решений? Высший рейтинг здесь имеют: «опыт коллег в области» – 24 человека, «документы и рекомендации ГУО Иркутской

области» – 19 человек, «рекомендации ИПК» – 14 человек. Обращает на себя внимание, что только по 6 ответов получили варианты «рекомендации научных работников», «опыт других регионов России».

На наш взгляд, необходима система мероприятий по развитию правовой и административной культуры работников государственного и муниципальных органов образования, руководителей образовательных учреждений на базе полноценных, а не «суррогатных» обучающих программ, предусматривающих соответствующие диагностические процедуры, технологии активного обучения, информирование на уровне новейших достижений педагогики, психологии, социологии образования и управления, экономики, права. Большое значение имеет активное применение в практике управления программно-целевых методов, управления в сфере образования, особенно тех их аспектов, которые определяют выбор социально-значимых целей и приоритетов из нескольких альтернатив, определение не только (и не столько) финансовых, сколько организационных, кадровых, материальных ресурсов, алгоритмизацию, технологизацию, усиление контрольных компонентов управленческого процесса.

Еще одно важное направление преобразований – освоение современных технологий управления. Часть из них – «лицензирование», «аттестация», «аккредитация», «инспектирование» – определена действующим законодательством и, по сути, составляет организационно-управленческий «инвариант», т.е. ту обязательную часть процедур, которые мы обязаны применять в управлении, и эти технологии, новые, по сути, мы должны в интенсивном режиме осваивать.

Модернизация управления связана с четким определением компетенции и полномочий органов и должностных лиц, исключением дублирования в деятельности структур образования и других государственных органов управления и организацией взаимодействия между ними на основе комплексных программ, совместных мероприятий, соглашений о сотрудничестве.

Активных и принципиальных действий требует преодоление «периферийности» управленческого процесса в образовании; требование относиться к проблемам образования как к равноправным или даже приоритетным направлениям в деятельности всех государственных органов и должностных лиц, принимающих решения. Должно быть преодолено отношение к органам и работникам органов образования как к «младшим братьям» в структуре исполнительной власти и органах местного

самоуправления. Это касается и материально-технического обеспечения этих органов, и денежного содержания сотрудников, и вопросов повышения их квалификации и профессионального роста.

Должен измениться подход к ресурсному обеспечению органов управления образованием и, прежде всего, к выделению соответствующих кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов на информационное и аналитическое обеспечение решений, на разработку современных методик «мониторинга», «аудита», «консалтинга» в сфере образования.

Одним из важнейших направлений региональной образовательной политики является разработка собственного и реализация федерального законодательства в сфере образования. Одной из основных проблем здесь является устранение рассогласований с налоговым, бюджетным, общегражданским законодательством, а также проведение принципиальной позиции в вопросах соблюдения законодательства об образовании другими государственными структурами и органами местного самоуправления. Закон «Об образовании» должен стать не узкоотраслевым документом, а актом общегосударственного значения, обязательным для исполнения всеми без исключения органами власти и управления.

Перестройка управления в сфере образования осуществляется в крайне неблагоприятных условиях. Педагоги области в основном негативно оценивают перемены, происходящие в системе образования России – 57,3% учителей заявили, что «реальной помощи учителю не прибавилось», 29,6% – «работать стало труднее, так как утрачивается прежняя определенность отношений между учителем и учениками, между учителем и администрацией, работниками органов образования». На вопрос «Удовлетворены ли Вы концепцией очередного этапа реформирования образования, проект которой опубликован в педагогической печати?» учителя области (315 чел.) ответили следующим образом:

В ответах на открытые вопросы педагоги области высказывают пожелания в адрес органов управления образованием: «В органах образования должны работать профессионалы, люди деловые, умные, культурные и гуманные. Должно быть устранено чиновничество, заискивание перед вышестоящими, высокомерие, хамство по отношению к расположенным рангом ниже»; должна быть «четкость и компетентность в администрации – всем ступеням управления не принимать необдуманных решений»; «нельзя вводить новые программы и предметы, не имея для их реализации ни кадров, ни учебников, ни методик,

ни материальной базы»; «вышестоящим органам не делить учителей на категории, достойно оплачивать их труд, а самим – быть ближе к школе»; «учителя нужно уважать, по достоинству оценивать».

Проблемы и перспективы образования как жизненно значимой сферы могут рассматриваться и обсуждаться с разных точек зрения, в том числе и основываясь на методологии разных наук: педагогики и психологии, экономики и менеджмента, философии и медицины, истории и социологии.

Социологический «взгляд» отличается от собственно педагогического взгляда тем, что он осмысливает систему образования как сложный общественный феномен, имеющий внутреннюю структуру и содержащий в себе разнонаправленные и даже противоречащие друг другу тенденции развития; социолог оценивает результаты и эффективность образовательной деятельности не по педагогическим показателям, часто имеющим субъективный и волюнтаристский характер, а по социально-значимым показателям эффективности функционирования образовательных систем и их связи с обществом.

Среди перечня глобальных проблем современности одно из первых мест занимает «кризис образования», который приобрел хронический характер и требует осмысления в общественном и педагогическом сознании. В России же мы имеем, на мой взгляд, пользуясь терминологией Маркса Вебера, «констелляцию» – совпадение этого кризиса с социально-экономическим, политическим и духовно-нравственным кризисом. Это совпадение создало гремучую смесь, которую вполне можно характеризовать как ползучую национальную катастрофу.

Процессы в сфере образования характеризуются прежде всего инерционностью. Современная структура образования Иркутской области, особенно основного образования (школьного), сложилась в своих основных чертах в начале 80-х годов, на этапе перехода к всеобщему среднему образованию. Она соответствовала обществу того типа, его социально-экономическим, демографическим, политическим, идеологическим условиям. Это особенно важно подчеркнуть в контексте статьи, ведь школа 80-х и конца 90-х годов – это «две большие разницы», про которую мы все часто забываем.

В системе, значительной по масштабам и инерционной по характеру протекающих в ней процессов, возможны процессы и явления разнонаправленные и противоречащие друг другу. Иногда они мирно уживаются друг с другом, иногда конфликтуют.

Давать сегодня общие и окончательные оценки того, что происходит в образовании, возможно, еще не наступило время, однако некоторые предварительные итоги очевидны.

Е.И. Добринская в первую очередь обращает внимание на «шоковую терапию» общественного сознания, кризис массового и индивидуально-го сознания; как следствие – разрушение вместе с прежней идеологией и системы ценностей, и отсутствие новой конструктивной ценностной системы, способной объединить общество. Большинство традиционных ценностей образования, связанных с его человекообразующей, гуманистической, общекультурной функцией девальвировались¹.

Ценностная ориентация нашего образования реализуется, прежде всего, через содержание образования, в том числе школьного. Именно здесь проходит основной нерв перемен. Свидетельство тому – политическая борьба за учебники по истории и литературе, ожесточенная полемика вокруг образовательных стандартов для школ, тенденция к ограничению воспитательной функции школы и замена ее бессодержательной «стихийной социализацией». Для реформ содержания образования характерны сегодня две тенденции: антиинтеллектуализм – т.е. падение престижа, нет не образования, а знания; и плоский прагматизм и утилитаризм, где все сводится к сиюминутным проблемам и деньгам. Ф. Ницше писал: «... Максимум знания и образования, следовательно, максимум производства, следовательно, максимум прибыли и счастья... Ценно быстрое образование, чтобы скорее стать существом, приобретающим деньги, но вместе с тем и основательное образование, дающее возможность зарабатывать очень много денег»².

Еще одна тенденция в образовании нашего времени – разрыв с эгалитарной традицией российского образования и переход на дифференциацию образования, влекущую за собой появление элитных и элитарных учебных заведений. Гимназическое и лицейское образование все более превращается в еще один индикатор социального расслоения общества не только по имущественному признаку, но и по еще более важному признаку – «по степени владения информацией, знанием». Этот процесс не может быть бесконтролен, иначе он приведет к распаду страны на две зоны жизни: одна – вполне на уровне

¹ Е.И. Добринская, Философия образования на сломе перемен, в: Открытая школа, 1997, № 1, с. 53-58.

² Ф. Ницше, Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель, Изд-во Азбука-Классика, 2014.

мировых стандартов и современных стилей жизни; другая – «по принципу песочных часов» – будет культивировать все более архаичные формы жизни.

Образование все более утрачивает монополию на информацию и знание, ему все труднее конкурировать с технически более совершенными «масс-медиа» – телевидением и компьютерными сетями; однако все более возрастает потенциал образования как культуротворческой и социоинженерной сферы. Сохранение традиционных форм культуры и поиск новых, культивирование социальных отношений, более справедливых, более гуманных, более экологических, поиск новых жизненных смыслов, развитие не только отдельных способностей, но и индивидуальности каждого ребенка – ни один из современных социальных институтов, кроме школы, на наш взгляд, не может в большей степени справиться с этими задачами.

Одной из примет современной социообразовательной тенденции является «синдром бегства государства» (П. Щедровицкий) из сферы образования³. Государство в лице его традиционных институтов не в силах справиться с тем объемом социальных обязательств, которое оно на себя приняло и пытается от них избавиться. Первым актом этой драмы стало принятие в 1992 году закона Российской Федерации «Об образовании» и волонтаристская «муниципализация школы», которая перенесла весь груз ответственности за образование на местные власти.

Второй громкой политической акцией в этом же русле стало всенародное голосование по проекту новой Конституции, 43 статья которой сняла с государства обязательства по гарантии полного среднего образования для граждан России.

Третья акция – это фантомные боли «дисциплинарного государства» (Мишель Фуко) – попытка через механизмы лицензирования, аттестации, аккредитации и некоторые другие разобраться в том, что мы все-таки сделали со своим образованием⁴.

Все было бы безнадежно, если бы общество через свои основные сохранившиеся институты – семью и профессиональные корпорации не осознало себя как субъект проектирования, финансирования и контроля над системой образования. Однако традиционные общественные институты: семья, профсоюзы, общественные организации сами находятся

³ П. Щедровицкий, Российское образование. Диагноз, Перспективы, Москва 2013.

⁴ М. Фуко, Интеллектуалы и власть, Москва 2002.

в кризисе, им трудно, новые – малочисленны и неавторитетны. Например, в образовании зарегистрировано немало общественных объединений, однако их воздействие на ситуацию незаметно.

Наконец, очень важно обратить внимание и на потенциал инновационной педагогической деятельности, возможности для которой не в полной мере еще задействованы. Открытая школа сегодня благодатное поле для таких педагогических нововведений как изменение содержания образования через введение курсов по экономике, праву, психологии, технологии, краеведению и интеграцию содержания образования вокруг личностно-значимых для молодежи проблем. Новые возможности для отработки индивидуальных образовательных маршрутов учащихся предоставляют отход от стереотипов классно – урочной системы, введение в образовательный процесс технологии индивидуального, группового, бригадного обучения, экстерната, гибкого режима занятий, семестрового и ускоренного обучения. Необычайную важность имеет проводимая школами предпрофессиональная и профессиональная подготовка, позволяющая молодым людям «найти себя» и адаптироваться к условиям рынка.

Складывающаяся в нашем регионе социально-экономическая и культурно-образовательная ситуация убеждает в том, что и в обозримом будущем школы сохранят свое значение как важнейшее средство социализации поколения, как элемент образовательной системы, придающий ей стабильность и гибкость.

Ситуация убеждает и в том, что система открытого образования сможет стабильно функционировать и устойчиво развиваться только в том случае, если создаст собственные механизмы самоорганизации; такие, как целевая программа развития системы открытого образования, ассоциативные (самоуправляющиеся) целевая программа развития системы открытого образования, ассоциативные (самоуправляющиеся) структуры, обеспечит юридическую защиту детей и подростков, сотрудничество с органами социальной защиты населения, образования, здравоохранения, милиции, организует непрерывное повышение квалификации своего персонала. В конечном итоге это поможет сотням и тысячам подростков в нашей области обрести себя в обществе, реализовать свои человеческие качества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашин С. Н., Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм, Этнографическое обозрение, 20126 № 4, С. 3-13.
- Адольф Шаевич: чем отличается кошерная водка от некошерной? И чем отличается один главный раввин России от другого главного раввина России?, Новая газета, 2010, 5 июля.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко Н, История России: конец или новое начало?, издание 2-е изд., испр. и доп., Москва 2008.
- Бондаренко Н., Snack – тренинг или влияние трендов, <http://blogtrenera.ru/blog/snack-trening-ili-vliyanie-sovremennykh-trendov-na-obuchenii-personala.html>
- Вебер М., Класс, статус и партия, Социальная стратификация, Москва РАН, 1992, В.1.
- Возьмитель А. А., Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России, Институт социологии РАН, Москва 2012.
- Выступление митрополита Волоколамского Илариона на втором православно-католическом форуме на тему: «Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений» (19 октября 2010 г., о. Родос, Греция)»: <http://radonezh.ru/monitoring/gosudarstvo-i-tserkov-v-rossii-20-letny-opyt-vzaimootnosheny-mitropolit-volokolamsky-ilarion-sluzhba-21245.html>
- Гельман М., Как продавать искусство.// «Отечественные записки», №4(25), 2005.
- Давыдова М., Наша главная скрепа.// Colta. <http://www.colta.ru/articles/theatre/6638>
- Деягин М., Защитить сибиряков, Московский комсомолец в Бурятии, 2005, 2 марта.
- Деягин М., Некоторые современные аспекты миграционной политики, Миграция в России. 2000–2012, Хрестоматия в 3 томах, Российский совет по международным делам; под общей редакцией И.С. Иванова, Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. Москва 2013, Т. 1, Ч. 1, с. 430 – 441.
- Десницкий А., Ценности и стратегии: попытка понять руководство РПЦ, 19.08.2015,
- Дивный информационный мир: 7 главных трендов в медиа, журналистике и общественной коммуникации, Русский репортер, 2012 № 04. http://www.rusrep.ru/article/2012/09/04/info_world
- Добринская Е.И., Философия образования на сломе перемен, Открытая школа, 1997, №1, с. 53-58.
- Дубин Б., Зеркало и рамка: Национально-политические мифы в коллективном воображении сегодняшней России, Знание – сила, 1999, №9/10.
- Дубин Б., Массовое православие в России (девяностые годы) с. 1, [в:] <http://www.index.org.ru/journal/11/dubin.html>
- Дубин Б., Медиа постсоветской эпохи: изменение установок, функций, оценок, Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2005, № 2, с. 22-29.

- Дятлов В., «И тогда мама взяла обрез...» Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов, Вестник Евразии, 2008, № 4(42), с. 142 – 176.
- Дятлов В., Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России, Вестник Евразии, 2000, № 1 (8), с. 63 – 89.
- Еленский В., Украина: Церковь и политика в посттоталитарном социуме, Логос, 1995. № 50.
- Есин Б.И., Основные этапы 300-летней истории российской журналистики, Вестник московского ун-та. Серия 10, Журналистика, 2003, № 1, с. 11-16.
- Зайончковская Ж., Перед лицом иммиграции, Миграция в России, Т.1, Ч.2, с. 117 – 128
- Зайончковская Ж., Тюрюканова Е., Иммиграция: путь к спасению или троянский конь?, Миграция в России., Т. 1, Ч. 1, с. 51 – 77.
- Засурский И.И., Масс-медиа второй республики, Москва 1999.
- История русских медиа 1989–2011. Специальный проект журнала «Афиша», <https://www.afisha.ru/article/mediahistory/page12/>
- Калугина Г., Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска, Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2010, № 2(57), с. 91 – 106.
- Ковалев А., Художественная экономика России – место, где господин де Журден встречается с Великим Гэтсби. //Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/hudekonomika/>
- Коллонтай В., Социальные трансформации в России, Социальные трансформации в России, Киев: Библиотека Украины (LIBRARY.UA). <http://library.ua/m/articles/view/-Социальные-трансформации-в-России>
- Концепция государственной национальной политики РФ 1996, <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051>
- Кортунов С., Какая Россия нужна миру, Pro et Contra, № 1, 1997
- Лакизо Е.А., Рефлексивность как способ преодоления идентификационного кризиса личности, [в:] Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история, 2014, № 43.
- Ларин А.Г., Китайские мигранты в России, Москва 2009, с. 19–68.
- МакКоннелл Б., Хуба Д., Эпидемия контента: Маркетинг в социальных сетях и блогосфере, пер. с англ. А. В. Болдышевой, Москва 2008.
- Малахов В., Транснациональная миграция как проблема политической теории, Миграция в России, Т.1, Ч. 1, с. 306–311.
- Марков Ю., Российская цивилизация: проблема идентификации, Вестник НГУ. Серия: Философия, Т. 7, 2009.
- Материалы общероссийской дискуссии по реформированию сферы образования, Москва: Изд-во ИПК, 1998.
- Медиасистема России: Учеб.пособие для студентов вузов, Под. ред. Е.Л. Вартановой, Москва 2015.
- Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах, Российский совет по международным делам; под общей редакцией И.С. Иванова, Отв. ред. Ж.А. Зайончковская, Спецкнига, Москва 2013, Т. 1–3.

- Мизиано В., Культурные противоречия тусовки. // Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/miziano-tusovka/>
- Миллер А., История понятия «нация» в России, Отечественные записки, <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii>
- Митрохин Н., Русская православная церковь в 1990 году, Новое литературное обозрение, 2007, 83.
- Митрохин Н., Русская православная церковь – итоги десятилетия, Неприкосновенный запас 2003, 6 (32).
- Несоветская культура: Культура как политика. Образовательный курс. // Открытый университет, Лекция 1. <https://openuni.io/course/1/lesson/1/>.
- Ницше Ф., Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель, Изд-во Азбука-Классика, 2014.
- Осипов А., Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс, Расизм в языке социальных наук, под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова, Санкт Петербург 2002, с. 45–69.
- Осмоловский А., Как было и как будет? //Арт-азбука. Словарь современного искусства, под ред. М. Фрая. <http://azbuka.gif.ru/important/kak-bylo-kak-budet/>
- Отношение к журналистам, ФОМ <http://fom.ru/SMI-i-internet/11428>
- Паренти М., Демократия для немногих, пер. с англ. А. А. Обухова, под ред. В. Е. Качанова, Москва 1990.
- Познер В., Выступление в Сибирском Институте Международных Отношений г. Новосибирск, <http://pozneronline.ru/2012/03/1247/>
- Поликарпов В. С., Поликарпова В. А., Дилеммы безопасности человека и общества, Известия ЮФУ, Технические науки, 2004, №1.
- Прайслер Ф., Уциление функций русского национализма. 1990-е годы [в:] Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Том 2. Национализм в национальных государствах, ред. Я. Егберт, Москва 2010.
- Путин В., Россия: национальный вопрос, Независимая газета, 23.01.2012, http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
- Ревзин Г., Лямбда – чпок? //Art-хроника. <http://artchronika.ru/gorod/>
- Российская «цивилизация» вызывает недовольство, Inosmi.ru, <http://inosmi.ru/russia/20121212/203258722.html>, перевод статьи с журнала The Financial Times: Ch. Glove, Russian ‘civilisation’ stirs resentment, The Financial Times, 11.12.2012.
- Российский статистический ежегодник 1997.
- Россия – не Украина: современные акценты национализма: сб. Статей, сост.: А.Верховский, Москва 2014.
- Самоваров А., Советско-несоветская культура, АПН. Агентство политических новостей. <http://www.kremlin.mil.komunism.apn.ru/index.php?newsid=21242>
- Семенов Ю., Расы, нации, этносы, Scpesis.net, http://scepsis.net/library/id_75.html (21.05.2016); В. Тишков, Российский народ. Книга для учителя, Москва 2010; В. Тишков, Этнополитология: политические функции этничности, Москва 2011.
- Симон Г., Российский национализм русских и нерусских (в:) Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Том 2. Национализм в национальных государствах, ред. Я. Егберт, Москва 2010.

- СМИ в меняющейся России: коллективная монография, ред.: Е. Л. Вартанова, Москва 2010.
- СМИ в России: потребление и доверие. ВЦИОМ Пресс-выпуск №2829 от 07.05.2015 <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248> и ВЦИОМ Пресс-выпуск № 3098 от 03.05.2016 <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679>
- Старые песни о главном – 1. Будьте здоровы, https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=Fnvrs8SA29w
- Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании современной России, под ред. К.Каарийнена и Д.Е.Фурмана, СПб., 2000.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666), Министерство Национальной Политики, <http://www.minnac.ru/minnac/info/14183.html>
- Тимофеевский А., Пузыри земли.// «Столица», 1991, № 46-47.
- Тишков В., Единство в многообразии, Оренбург 2011, с. 153-179; Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества, Москва 2008, С. 7-27, 70-92.
- Тишков В., О феномене этничности, Этнографическое обозрение, no 3, 1997.
- Тишков В., Очерки теории и политики этничности в России, Москва 1997.
- Тишков В., Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества, Москва 2008.
- Толстая Т., Я планов наших люблю гламурё.// „Русский телеграф”, 10 сентября, 1998.
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография, науч. ред. В.И.Дятлов, Изд-во Уральского ун-та, Екатеринбург 2009.
- Тюрюканова Е.В. Миграционные вызовы ближайшего будущего, Миграция в России...Т.1, Ч. 1, с. 313 – 320.
- У русского народа всё ещё впереди. Интервью с профессором МГУ Александром Вдовиным, Russkie.org, <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=31737>
- Уорнер Л., Социальный класс и социальная структура, Рубеж: Альманах социальных исследований, 1997, №10, №10-11.
- Фуко М., Интеллектуальная власть, Праксис, Москва 2002.
- Цеханская К.В., Россия: тенденции религиозности в XX веке, Исторический вестник, No 5 / 2000.
- Чапнин С., Два года после встречи в Гаване. Как развивается диалог РПЦ и Ватикана, 13.02.2018.
- Чапнин С., Случайная встреча в Гаване. Зачем патриарх обнимался с папой римским?, http://chapnin.ru/articles/sluchaynaya_vstrecha_v_gavane_291/
- Чапнин С., Церковь в постсоветской России. Возрождение, качество веры, диалог с обществом, Москва 2013.
- Человек в процессе эпохальных социальных изменений (Материалы теоретико-методологического семинара. 3 октября 2007 г.), Под ред. Г.И. Осадчей, Москва 2008.

- Шамликашвили В.А., Модернизация потребления: актуальные задачи исследования и потребления В.А.Шамликашвили, Известия ИГЭАБ, 2008, Вып.4.
- Щедровицкий П., Российское образование. Диагноз, Перспективы, Москва 2013.
- Энциклопедия мировой индустрии СМИ [Текст] : учеб.пособие, ред. Е. Л. Варпанава. - 2-е изд., перераб. и доп, Москва 2013, с. 259-301.
- Canovan M., The People, Cambridge 2005.
- Cheda R., Rosyjska Cerkiew od środka. Triumf materii nad duchem, <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Rosyjska-Cerkiew-od-srodka-Triumf-materii-nad-duchem,wid,18161962,wiadomosc.html?ticaid=11791>
- Curanović A., Czynniki religijny w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej, Warszawa 2010.
- Hroch M., Nation as an European Phenomenon, Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, No 2/2015.
- <http://carnegie.ru/commentary/61049>
- <http://carnegie.ru/commentary/75517>
- Jarzyńska K., Ukraińska gra patriarchy Cyryla, Komentarze OSW, nr 144, 14.08.2014, <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2014-08-14/ukrainska-gra-patriarchy-cyryla>
- Jędraszczyk K., Cerkiew w życiu społeczno-politycznym Ukrainy w latach 1991-2010, Studia Europaea Gnesnansia, 3/2011, s. 55-77, <http://steurgn.pl/steurgn-32011.html>
- Jędraszczyk K., Kłosiński O. i in., Społeczeństwo i kultura Ukrainy. Czwierćwiecze przemian 1991 – 2016, Wydawnictwo Kontakt, Gniezno 2016.
- Kusa N., Bogurodzico, przegoń Putina – rola Cerkwi Prawosławnej we współczesnej Rosji, <http://refleksje.edu.pl/wp-content/uploads/2013/07/refleksje-nr-9-3.pdf>
- Lazari A., Czy Rosja będzie Trzecim Rzymem?, Katowice 1996.
- Lazari A., Współczesny nacjonalizm rosyjski i prawosławie, [w:] Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX), Warszawa 1997, s.338, za: A. Mironowicz, Cerkiew prawosławna we współczesnej Rosji, Cykl wykładów europeistycznych, <http://www.wyklady.ekpu.lublin.pl/wyklady/mironowicz/mironowiczw2.htm>
- Mchadlov M., The Religious Component of Ethnic Awerness, “Russian Politics and Law” 2005, t. 43, nr 2.
- Mironowicz A., Cerkiew prawosławna we współczesnej Rosji, Cykl wykładów europeistycznych, <http://www.wyklady.ekpu.lublin.pl/wyklady/mironowicz/mironowiczw2.htm>
- Rodkiewicz W., Rogoża J., Potiomkinowski konserwatyzm. Ideologiczne narzędzie Kremla, Punkt Widzenia OSW, 3.02.2015; <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/punkt-widzenia/2015-02-03/potiomkinowski-konserwatyzm-ideologiczne-narzedzie-kremla>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Наталия Александровна, доцент факультета сервиса и рекламы
Иркутского государственного университета, кандидат философских наук

Стиль жизни – стабильность и динамика

Дятлов Виктор Иннокентьевич, профессор Иркутского государственного университета, доктор исторических наук

Мигранты: проблемы безопасности и развития для России. Многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе

Дятлова Елена Викторовна, доцент Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук

Мигранты: проблемы безопасности и развития для России. Многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе

Ендрасиц Катажина, Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Институт европейской культуры, г. Гнезно, кандидат исторических наук

Церковь в России после 1991 года

Карнаухова Вера Константиновна, декан факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета, кандидат химических наук

Стиль жизни – стабильность и динамика

Олексы Пётр, Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Институт европейской культуры, г. Гнезно, кандидат исторических наук

Народ, нация, цивилизация. Проблема дискурса об идентичности граждан Российской Федерации после 1991 года

Рабинович Владимир Юльевич, доцент факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук

Культура России в годы трансформации

Сивкова Анастасия Викторовна, доцент факультета сервиса и рекламы
Иркутского государственного университета, кандидат исторических
наук

Российские СМИ в период трансформации

Терехова Татьяна Александровна, профессор Иркутского государствен-
ного университета, доктор психологических наук

Социобразовательные тенденции в России: региональный аспект

Książkę można nabyć / The book is available:

www.abc.biz.pl

abc@abc.biz.pl

ISBN 978-83-65287-73-1

